

УДК 8:372.8
ISSN 2500-2953

Rhema. Рема

1.2022

Издается с 2002 г.

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77–67769
от 17.11.2016

Адрес редакции:

109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, комн. 223

Выходит 4 раза в год

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Филологические науки

- 10.01.01 – Русская литература
- 10.01.08 – Теория литературы. Текстология
- 10.02.01 – Русский язык
- 10.02.19 – Теория языка
- 10.02.20 – Сравнительно-историческое
типологическое и сопоставительное
языкознание
- 10.02.21 – Прикладная и математическая
лингвистика

Педагогические науки

- 13.00.02 – Теория и методика обучения
и воспитания

Сайт: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

**Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85006**

ISSN 2500-2953

Rhema. Pema

1.2022

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research.

The journal has been published since 2002

The journal is published 4 times a year

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Information on journal can be accessed via: rhema-journal.com

Редакционная коллегия

Главный редактор

Антон Владимирович Циммерлинг – доктор филологических наук; профессор кафедры общего языкознания и русского языка Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина; ведущий научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН, г. Москва.

Заместитель главного редактора

Екатерина Анатольевна Лютикова – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ответственный секретарь

Павел Валерьевич Граценков – доктор филологических наук; доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; старший научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки Института востоковедения РАН, г. Москва.

Татьяна Михайловна Воителева – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета.

Наталья Дмитриевна Гальскова – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры лингводидактики Московского государственного областного университета.

Елена Валентиновна Гетманская – доктор педагогических наук; профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского государственного университета.

Атле Грённ – профессор кафедры литературы, страноведения и европейских языков Университета Осло, Норвегия.

Сурен Тигранович Золян – доктор филологических наук, профессор; ведущий научный сотрудник отдела теоретической философии Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Армении, г. Ереван, Армения; профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, г. Калининград.

Илона Кишш – PhD (филология); главный редактор журнала «Русский квартал» Будапештского университета имени Лоранда Этвёша, Венгрия.

Алексей Александрович Корнев – кандидат педагогических наук; доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Павел Лавринец – доктор гуманитарных наук, доцент; заведующий кафедрой русской филологии Вильнюсского университета, Литва.

Анатолий Симонович Либерман – доктор филологических наук; профессор кафедры немецкого, нидерландского и скандинавских языков Университета Миннесоты, г. Миннеаполис, США.

Сильвия Лураги – PhD (филология); профессор факультета гуманитарных наук, Университет Павии, Италия.

Михаил Николаевич Михайлов – PhD (филология); профессор переводоведения (русский и финский языки) Института языков, перевода и литературы Университета Тампере, Финляндия.

Игорь Алексеевич Пильщиков – доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник Института мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; главный редактор Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор», г. Москва.

Нерея Мадарьяга Писано – PhD (филология); доцент кафедры классических языков (секция славянской филологии) Университета Страны Басков, г. Витория, Испания.

Владимир Александрович Плунгян – доктор филологических наук, профессор, академик РАН; заместитель директора Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; заведующий сектором типологии Института языкознания РАН; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Велка Александрова Попова – кандидат филологических наук; доцент кафедры болгарского языка, сотрудник лаборатории прикладной лингвистики факультета гуманитарных наук Шуменского университета имени Епископа Константина Преславского, Болгария.

Наталья Вадимовна Сердобольская – кандидат филологических наук; доцент Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета.

Андрей Стоянович – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой иностранных языков Белградского университета, Сербия.

Младен Ухлик – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой русского языка Отделения славянских языков философского факультета Университета Любляны, Словения.

Александр Иосифович Федута – доктор филологических наук; редактор биографического альманаха «Асоба і час» («Личность и время»), г. Минск, Республика Беларусь.

Любовь Георгиевна Чапаева – доктор филологических наук; профессор кафедры общего и прикладного языкознания Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Editor-in-Chief

Anton V. Zimmerling – Dr. Phil. Hab.; principal research fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of General Linguistics and Russian Language, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russian Federation.

Deputy chief editor

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Executive secretary

Pavel V. Grashchenkov – Dr. Phil. Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; research fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Lyubov G. Chapaeva – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of General and Applied Linguistics, Institute of Philology and Foreign languages, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Aleksandr Feduta – Dr. Phil. Hab.; editor-in-chief of the biographical almanac «Personality and Time», Minsk, Belarus.

Natalia D. Galskova – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Linguodidactics, Moscow Region State University, Russian Federation.

Elena V. Getmanskaya – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of Methods of Teaching Literature, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation.

Atle Grønn – Dr. Phil. Hab.; professor at ILOS – Department of Literature, Area Studies and European Languages, University of Oslo, Norway.

Ilona Kiss – PhD in Philology; chief editor of the Russian Quarter journal of Budapest Eötvös Loránd University, Hungary.

Alexey A. Korenev – PhD in Pedagogy; associate professor at the Department of Foreign Language Teaching Theory, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Pavel Lavrinec – PhD in Philology; associate professor, head of the Department of Russian Philology, Vilnius University, Lithuania.

Anatoly Liberman – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of German, Dutch and Scandinavian, University of Minnesota, USA.

Silvia Luraghi – PhD in Philology; associate professor at the Department of Humanities, Section of General and Applied Linguistics, University of Pavia, Italy.

Mikhail Mikhailov – PhD in Philology; professor at the School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere, Finland.

Igor A. Pilshikov – Dr. Phil. Hab.; senior research fellow at the Institute of the World Culture, Lomonosov Moscow State University; editor-in-chief of the Fundamental Digital Library «Russian literature and folklore», Moscow, Russian Federation.

Nerea Madariaga Pisano – PhD in Philology; associate professor at the Department of Classical Studies (Section of Slavic Philology), University of the Basque Country, Vitoria, Spain.

Vladimir A. Plungian – Dr. Phil. Hab., full member of the Russian Academy of Sciences; deputy director of the Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences; head of the Sector of Typology, Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

Velka A. Popova – PhD in Philology; associate professor at the Department of Bulgarian, research fellow at the Laboratory of Applied Linguistics, Faculty of Humanities, the Constantin of Preslav Bishop Shumen University, Bulgaria.

Natalia V. Serdobolskaya – PhD in Philology; associate professor at the Training and Research Center for Linguistic Typology, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Andrej Stojanović – Dr. Phil. Hab., full professor; head of the Department of Foreign Languages, University of Belgrade, Serbia.

Mladen Uhlik – Dr. Phil. Hab., professor; head of the Department of Russian, Institute of Slavic Languages, Faculty of Philosophy, University of Ljubljana, Slovenia.

Tatiana M. Voiteleva – Dr. Ped. Hab.; professor at the Department of the Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University, Russian Federation.

Suren T. Zolyan – Dr. Phil. Hab., professor; leading research fellow at the Department of Theoretical Philosophy, Institute of Philosophy, Sociology and Law Studies, National Academy of Sciences, Yerevan, Armenia; professor at the Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation.

Содержание

ФИЛОЛОГИЯ. ТЕКСТОЛОГИЯ

Е.А. Закрыжевская

Борис Пастернак глазами В. Ходасевича
и «Гулливера» 9

И.Е. Лоцилов, И.С. Полторацкий

О поэме Алексея Ачаира «Кзаки». 33

ЛИНГВИСТИКА

А.А. Смирнитская

О семантических переходах с участием
терминов родства в каннада:
пути развития значений 57

МЕТОДИКА

И.В. Мозелова, С.С. Микова

Понятия «методика», «метод», «технология»,
«подход» и «прием» в лингводидактике. 86

*Д.В. Мосова, Н.П. Дмитренко,
О.Н. Колчина*

Коммуникативные задания на занятиях
по русскому речевому этикету
для иностранных студентов. 109

Contents

PHILOLOGY AND TEXTOLOGY

- E.A. Zakryzhevskaya*
Boris Pasternak as seen by V. Khodasevich
and “Gulliver” 9
- I.E. Loshchilov, I.S. Poltoratsky*
On Alexei Achair’s narrative poem
“The Cossacks” 33

LINGUISTICS

- A.A. Smirnitckaya*
Kinship terms in Kannada:
Semantic shifts and the ways
of meaning change 57

TEACHING THEORY

- I.V. Mozelova, S.S. Mikova*
The concepts of “methodology”, “method”,
“technology”, “approach” and “technique”
in linguodidactics 86
- D.V. Mosova, N.P. Dmitrenko,
O.N. Kolchina*
Communication tasks in Russian speech etiquette classes
for international students 109

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-9-32

Е.А. ЗакрыжевскаяНезависимый исследователь,
119361 г. Москва, Российская Федерация**Борис Пастернак глазами
В. Ходасевича и «Гулливера»**

Личные и литературные отношения между В.Ф. Ходасевичем и Б.Л. Пастернаком с трудом восстанавливаются по достаточно ограниченному числу документов, высказываний и косвенных свидетельств. В то же время тема для историка литературы весьма интересна, т.к. отражает не только противостояние двух поэтов-современников, но и двух совершенно разных поэтических систем. Литературная хроника (с конца 1927 г. она называлась «Литературная летопись», с начала следующего года выходила за подписью «Гулливер»), которую Ходасевич вел совместно с Н.Н. Берберовой на протяжении более чем двенадцати лет в эмигрантской газете «Возрождение», проливает свет на некоторые аспекты отношений Ходасевича и Пастернака, особенно в 1930-х гг., когда мы практически не встречаем авторизованных высказываний Ходасевича о Пастернаке.

Ключевые слова: В.Ф. Ходасевич, Б.Л. Пастернак, Н.Н. Берберова, история журналистики, русская эмиграция первой волны, газета «Возрождение», «Литературная летопись», литературная хроника, советская литература, Гулливер

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Закрыжевская Е.А. Борис Пастернак глазами В. Ходасевича и «Гулливера» // Рема. Rhema. 2022. № 1. С. 9–32. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-9-32

© Закрыжевская Е.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-9-32

E.A. Zakryzhevskaya

Independent researcher,
Moscow, 119361, Russian Federation

**Boris Pasternak as seen
by V. Khodasevich and “Gulliver”**

Personal and literary relations between Vladislav Khodasevich and Boris Pasternak can hardly be reconstructed from a rather limited number of documents, statements and circumstantial evidence. At the same time, the topic is very interesting for the historian of literature, because reflects not only the confrontation between two contemporary poets, but also two completely different poetic systems. Literary chronicle (from the beginning of the next year it was published under the signature “Gulliver”), which Khodasevich led together with Nina Berberova for more than twelve years in the emigrant newspaper “Vozrozhdeniye”, sheds light on some aspects of the relationship between Khodasevich and Pasternak, especially in the 1930s, when we practically do not meet Khodasevich’s authorized statements about Pasternak.

Key words: Vladislav Khodasevich, Boris Pasternak, Nina Berberova, Russian émigré journalism, First Wave, newspaper “Vozrozhdenie”, Gulliver

FOR CITATION: Zakryzhevskaya E.A. Boris Pasternak as seen by V. Khodasevich and “Gulliver”. *Rhema*. 2022. No. 1. Pp. 9–32. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-9-32

Среди текстов еженедельной литературной хроники, которую совместно вели В.Ф. Ходасевич и Н.Н. Берберова на страницах эмигрантской газеты «Возрождение» в 1927–1939 гг., особое место принадлежит заметкам о Б.Л. Пастернаке.

Именно после того, как Дж. Малмстад в своей статье, посвященной взаимоотношениям Ходасевича и Пастернака, обратился к «Литературной летописи» (так называлась хроника с конца 1927 г., с начала следующего года она выходила за подписью «Гулливер»), исследовательский интерес к материалам хроники значительно возрос. Высказывания

из летописи дополнили список суждений Ходасевича о Ю. Тынянове [Богомолов, 2008], А. Белом [Яковлева, 2008], К. Вагинове [Ходасевич, 2010, с. 637–639], Н. Заболоцком [Заболоцкий, 2010, с. 303–307], В. Маяковском [Вайсбанд, 2017], М. Горьком [Черкасов, 2018а]. Несколько научных статей были посвящены бытованию хроники в газетном дискурсе эпохи и проблеме авторства [Богомолов, 2012; Закрыжевская, 2016, 2018, 2020а, 2020б; Черкасов, 2018б; Яковлева, 2006, 2007].

Что касается вопроса о взаимоотношениях Ходасевича и Пастернака, то, хотя он был очень обстоятельно рассмотрен Малмстадом, все же до сих пор не вполне исчерпан [Богомолов, 1990, 2010; Сергеева-Клятис, 2016, 2021]. Основной пункт Малмстада, который вызывает разногласия, – замечание последнего о том, что Ходасевич «безоговорочно бы одобрил» [Малмстад, 1990, с. 57] позднее творчество Пастернака.

Принимая во внимание вышесказанное, а также то, что в статье Малмстада приводятся не все случаи упоминания Пастернака в хронике, мы решили вновь обратиться к теме «Пастернак в “Литературной летописи” Гулливера». Это существенно еще и потому, что Гулливер порой был достаточно противоречив, оценивая произведения Пастернака.

Поскольку, разбирая псевдонимные публикации хроники, мы будем прибегать к идейному анализу заметок Гулливера, дополняя этим документальные источники атрибуции, каковых, к сожалению, немного, в первой части статьи кажется необходимым еще раз (вслед за Дж. Малмстадом, Н.А. Богомоловым, А.Ю. Сергеевой-Клятис) остановиться на сравнении творческих систем Ходасевича и Пастернака.

Во второй части статьи мы приведем как уже известные, так и ранее не рассматривавшиеся замечания Гулливера о Пастернаке, проследим, как менялось отношение хроникера к поэту, атрибутируем отдельные выпуски «Летописи» Ходасевичу или Берберовой.

1. В.Ф. Ходасевич и Б.Л. Пастернак: два поэтических мира

Резкие критические высказывания Ходасевича о поэзии Пастернака в 1920-х гг. известны даже тем, кто лишь понаслышке знает о взаимоотношениях двух поэтов. Исследователи называли различные причины, побудившие Ходасевича негативно отзываться о творчестве своего современника. Так, Дж. Малмстад подчеркивал разделявшие Ходасевича и Пастернака групповые интересы (Пастернак принадлежал к футуристам, направление, которое Ходасевич категорически отрицал) и отчасти связанные с групповыми интересами личные основания (после того, как друг Пастернака футурист Н.Н. Асеев раскритиковал

в статье книгу стихов Ходасевича «Тяжелая лира», а Пастернак в разговоре с Ходасевичем отреагировал на это не так, как хотелось бы последнему, отношения между ними были разорваны). А.Ю. Сергеева-Клятис добавила к этому «ревность к славе Пастернака», которую, по ее словам, испытывал Ходасевич [Сергеева-Клятис, 2021, с. 326]. Н.А. Богомолов полагал, что не менее важными, чем литературные и личные расхождения, для Ходасевича были причины внутреннего толка, которые и определили «глубину и болезненность разрыва между двумя людьми, чувствующими свое кровное поэтическое и духовное родство» [Богомолов, 1990а, с. 61], он утверждал, что «в самих основаниях мировосприятия Ходасевича и Пастернака лежало нечто разделяющее их настолько, что сближение казалось невозможным» [Там же, с. 62].

На наш взгляд, именно оптика, предложенная Богомоловым, позволяет верно представить, каким могло быть отношение Ходасевича к лирике Пастернака в период, когда критик практически перестал упоминать о нем в статьях за своей подписью (1930-е гг.). И особенно важно, что подход Богомолова позволяет учитывать не только противоречия, разделявшие поэтов, но также и «тяготение» их друг к другу «находившее, очевидно, некоторую опору и в стихах» [Там же]¹, в то время как этот аспект взаимоотношений поэтов остается в стороне, если принимать во внимание только внешние причины их противостояния.

Рассматривая в статье «Выбор путей» «принципиальные основы сотворения» поэтических миров Ходасевича и Пастернака, Богомолов писал, что для Пастернака «творчество предстало как постижение сути мира, а не как его претворение в стихотворение, на чем неоднократно и по разным поводам настаивал Ходасевич» [Там же]. В доказательство он приводит некоторые высказывания Пастернака, а также разбирает стихотворение Ходасевича «Жив Бог! Умен, а не заумен...», в черновике открывающееся словами «Через века пройдет мой трепет...», явно полемизирующее с футуризмом. Мы же обратимся к программной «Балладе», содержание которой, очевидно, не было нацелено на какую-либо полемику, а потому передает творческий метод Ходасевича как бы «в чистоте».

Однако начнем мы не с нее, а со статьи Юрия Терапиано, вышедшей в 1926 г. Она была помещена в первом номере журнала «Новый дом», который редактировала Берберова совместно с Терапиано, Довидом

¹ Об этой стороне взаимоотношений см. статью Н.А. Богомолова «Ходасевич и Пастернак: ранние пересечения» [Богомолов, 2010].

Кнутом и Всеволодом Фохтом². Статья довольно обстоятельна и, вероятно, отражает общий взгляд редакции журнала на поэтические системы Ходасевича и Пастернака, а поэтому может служить отправной точкой наших рассуждений, в которых взгляд Берберовой на творчество Пастернака также будет своевременно учтен. Статья называется «Два начала русской современной поэзии» и посвящена сравнительному анализу творчества Ходасевича и Пастернака³. В ее основу легли тезисы к докладу, прочитанному автором в Союзе молодых поэтов и писателей 3 июля 1926 г. В ней говорится, что «за всем его (Пастернака. – Е.З.) “ливнем слов” не видно костяка, остова, мысли», «огромный напор овладевающего им стихийного чувства борется и не может совпасть с имеющимися в распоряжении поэта средствами выражения», в этом заключается, по мнению критика, трагедия «несовершенного логоса» [Терапиано, 1926, с. 21]. «Пастернак движется по совсем иному (в отличие от Ходасевича. – Е.З.) внутреннему кругу: круг этот имеет общее с некоторыми состояниями радения и дервишизма, и окрашен тем же отблеском чувственности» [Там же]. Отдавая предпочтение стихотворной манере Ходасевича и утверждая, что только он, а не Пастернак, может создать школу, а, следовательно, продуктивно то начало поэзии, которое он собою выражает, Терапиано все же вскользь упоминает, что иногда Пастернак достигает «почти подлинной остроты выражения» и (парадокс!) что именно в «недовоплощенности кроется, может быть, весь секрет обаяния Пастернака» [Терапиано, 1926, с. 23]. Однако, как бы опомнившись, автор сразу же замечает, что «здоровой психике» стихи Пастернака должны казаться «бессмыслицей» [Там же]. «Поскольку Пастернак в силу своей психической механики должен неминуемо разбиваться о невозможность осознать, постольку Ходасевич вполне справляется со своим чувством» [Терапиано, 1926, с. 26]. Таковы основные положения статьи, которые касаются Пастернака. О тех, что относятся к Ходасевичу, мы здесь подробно говорить не будем, отметим только, что несмотря на полную лояльность к последнему (старшим

² С Всеволодом Фохтом также было связано литературное начинание другого рода: вероятно, именно он пригласил Берберову прочесть доклад о символизме (подготовленный, по-видимому, не без участия Ходасевича [Полонский, 2019, с. 371]) во Франко-русской студии, собрания которой проходили в Париже в 1929–1931 гг. [Livak, 2005, p. 370–382].

³ Интересно отметить, что номер открывается стихами Ходасевича «Бедные рифмы», за ними следуют стихи Адамовича. В 1926 г. Ходасевич и Адамович еще не создали лучших статей, ставших позднее средоточием их многолетней литературной полемики и результатом принципиальной несхожести взглядов на развитие литературы вообще и эмигрантской литературы в особенности, не создали каждый своей поэтической школы среди молодого поколения литераторов-эмигрантов, однако противопоставленные (или сопоставленные), они и тогда задавали полемический тон новому изданию.

поколением эмигрантских писателей «Новый дом», из-за участия в нем Берберовой, воспринимался как руководимый Ходасевичем [Гиппиус, 1978, с. 10]⁴, все же само сопоставление Пастернака и Ходасевича было для последнего несколько опасным, т.к., в сущности, заставляло недоброжелателей обратить внимание именно на те особенности его поэзии, в которых он был уязвим для критики.

Двумя годами позже, в своем знаменитом выступлении «в защиту Ходасевича» на страницах «Последних новостей» язвительный Георгий Иванов, возмущаясь сравнением Ходасевича с Блоком (сделанным З.Н. Гиппиус [Крайний, 1927, с. 2–3]) напишет: «Стихи Блока – “растрепанная” путаница, поэзия взлетов и падений, и падений в ней, конечно, в тысячу раз больше. Но путаница эта вдруг “как-то”, “почему-то” озаряется “непостижимым умом”, “райским” светом, за который прощаешь все срывы, после которого пресным кажется “постижимое” совершенство» [Иванов, 1928, с. 3]. И здесь можно было бы вместо имени Блока (а возможно, и с большими основаниями) подставить имя Пастернака. И обратно: это могли бы быть слова Юрия Терапиано, если бы он вздумал дать своему анализу противоположный вектор – показать преимущества, которые имеет Пастернак перед Ходасевичем. Подбор материала в статье «Два начала русской современной поэзии» таков, что с успехом мог бы служить двум полярным целям. Это видно из уже приведенных цитат и становится еще нагляднее, если обратиться к разбору стихотворения Пастернака «Мой стол не столь широк, чтоб грудью всею...», сделанному Терапиано: «Мучительно налегающее движение на “борт стола” разрешено здесь двигательным заведением “локтя за край”. Но при обратной попытке перейти из мира конкретного (“борт стола”) в мир напряжения осязаемого (“край тоски”), избрав базой полуосязательный образ “перешеек”, Пастернак не выдерживает и срывается. Следующая, четвертая строка рубящим ритмом, разрывами между каждым словом – “сквозь-столько-верст-...” как бы тормозит не находящее русла чувство» [Терапиано, 1926, с. 22]. То, что Терапиано видит как недостатки поэзии (речь, естественно, о поэзии Пастернака, но, помня название статьи, думается, можно говорить о поэзии вообще): срывы, чувство, перехлестывающее через край, упорно не дающее облечь себя в стройную поэтическую форму, сама случайность достигнутой остроты выражения), по Иванову, – качества, отличающие подлинную поэзию, поэзию «Божьей милостью».

Может быть, известную справедливость такого взгляда хотя бы отчасти чувствовал и сам Ходасевич (не зря после статьи Иванова между

⁴ В действительности вопрос о том, насколько статья Терапиано «санкционирована» Ходасевичем, не так прост. Хотя бы то, что автор апеллирует к психоанализу, вряд ли говорит в пользу предположения о серьезном вмешательстве мэтра в редакционную политику журнала «молодых».

ними разгорелась литературная война) [Терапиано, 2014, с. 136–160], и совершенно точно это уловила Марина Цветаева. Близкая и Ходасевичу, и Пастернаку, она писала последнему в 1926 г.:

Не огорчайся, что тебе делать с любовью Ходасевича? Зачем она тебе? Ты большой и можешь любить (включ<ительно>) и Ходасевича. Он – тобой – разорвется, взорвется, на тебе сорв<ется>. Его нелюбовь к тебе – самозащита. Цену тебе (как мне) он знает [Цветаева, Пастернак, 2017, с. 167].

Очевидно, что речь здесь не идет о противостоянии в критике и «самозащите» в критике, поскольку в эмигрантской и советской прессе не могла разгореться полемика в полном смысле этого слова: советскому писателю, скорее, могли навредить неумеренные похвалы эмигрантов, чем замечания с их стороны. Хотя письмо Цветаевой отправлено в апреле и отсылает к статье Ходасевича, посвященной литературному конкурсу «Звена» [Ходасевич, 1926, с. 3], мы, тем не менее, склонны интерпретировать эту оценку Цветаевой как некоторый общий вывод, вызванный несовпадением поэтических миров двух поэтов (и ее самой, в этом случае примыкающей к Пастернаку). Тогда «самозащита» может быть понята нами как защита от хаоса действительности, хаоса звуков, который ведь не всегда удается победить.

Этот процесс, по-видимому, болезненный, описан в одном из самых известных стихотворений Ходасевича, в «Балладе», созданной в 1921 г. (строфы V–VII):

*И я начинаю качаться,
Колени обнявши свои,
И вдруг начинаю стихами
С собой говорить в забытьи.*

*Бессвязные, страстные речи!
Нельзя в них понять ничего,
Но звуки правдивее смысла,
И слово сильнее всего.*

*И музыка, музыка, музыка
Вплетается в пенье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвиё.*

[Ходасевич, 2009, с. 152]

Франк Гёблер справедливо замечает: «Лирический герой впадает в своего рода транс: качается, обняв колени, произносит бессвязные бессознательные речи» [Гёблер, 2002]. (Вспоминается «дервишизм» Пастернака из статьи Терапиано). Кажется вполне очевидным, что этот разговор стихами с самим собою еще не может вдохнуть жизнь в жалкие вещи,

окружающие поэта (более того, как видно из строфы IV, его жалость в равной мере распространяется и на вещи, и на самого себя, чем, на наш взгляд, подчеркивается изначальная беспомощность того, кто в конце стихотворения превратится в могущественного певца Орфея).

Для того, чтобы подняться над «мертвым бытием» и затем заставить внимать себе костную материю, поэт должен пройти через некоторые изменения. И важный вопрос: какое воздействие он испытывает первым, что запускает череду метаморфоз? Сначала кажется, что это музыка, которая вплетается в пение поэта (строфа VII). Однако стоит присмотреться к предыдущей строфе, и мы увидим, что, возможно, рассудили ошибочно.

Шестая строфа стихотворения, пожалуй, самая непонятная во всей «Балладе». Здесь постулируется: *звуки правдивее смысла*, что вызывает невольное удивление, т.к. именно нехватку смысла усматривает Ходасевич в стихах у своего антагониста Пастернака (и не только у него), требует смысла, да притом полновесного, а не всего только «кочерыжку» [Ходасевич, 2009–2010, с. 358]. Кроме того, неясно что имеет в виду поэт, когда добавляет: *И слово сильнее всего*.

П.Ф. Успенский в статье «“Лиры лабиринт”: почему В.Ф. Ходасевич назвал четвертую книгу стихов “Тяжелая лира”?» обращает внимание, что в этой строфе «культ слова как такового» соединяется с «подчеркнутым непониманием того, что говорится» [Успенский, 2014, с. 459]. Нам представляется, источник этого кажущегося противоречия в том, что слово, которое *сильнее всего*, и *бессвязные... речи* поэта находятся на разных ступенях иерархии, т.к. исходят от разных акторов.

«Бессвязная» речь жалкого, смущенного поэта преобразуется могущественным «словом», действие которого подобно действию «божественного глагола» в стихотворении А.С. Пушкина «Поэт» (1827 г.)⁵. *Звуки правдивее смысла*, т.к. как до превращения в Орфея смысл в них может вложить только сам поэт, и в нем тогда будет заключена обыкновенная человеческая правда, а не поэтическая – если хотите, «пустая справедливость»⁶. Но, по Ходасевичу, поэт должен дожидаться, когда среди его собственной неразборчивой речи прозвучит «слово», или «Бога глас» или

⁵ Между «Поэтом» Пушкина и «Балладой» Ходасевича есть немало очевидных пересечений, начиная с «ничтожного» положения поэта до того, как «встрепенется» его душа от прикосновения «божественного глагола» у Пушкина, – и смущенного, жалкого лирического героя Ходасевича, не знающего, куда девать руки в своей собственной комнате, словно в обществе, полном незнакомых людей. С «Поэтом» сближает стихотворение Ходасевича также «подчеркнуто» открытый финал. Кроме того, эпитет *дикий*, думается, пришел в «Балладу» именно оттуда. Насколько нам известно, ранее «Поэт» не рассматривался исследователями среди источников «Баллады». Единственное упоминание этого стихотворения в ее контексте находим в статье П.Ф. Успенского [Успенский, 2014, с. 464].

⁶ См. стихотворение Ходасевича «Кто счастлив честно женой...» [Ходасевич, 2009, с. 313].

«Божественный глагол» и разбудит его, выведет из транса и преобразит. Тогда все, что он скажет, будет иметь уже совершенно иной смысл, непреходящий, доступный для передачи только поэтическому языку⁷.

Итак, можно предположить, что «дервишизм» Пастернака, выбор будто бы первых попавшихся слов, туманные метафоры, иногда поспрашивание правил грамматики, по мнению Ходасевича, сводили поэзию к тому бормотанию с самим собой, которым она начинается, но отнюдь не исчерпывается. Поэтическая система Пастернака не только была Ходасевичу глубоко чуждой – признав единожды в ней высокую поэзию, он бы тем самым подорвал собственное представление об истинном творчестве.

Эти соображения мы учтем в следующей части нашей статьи, где рассмотрим разные, в том числе благосклонные, отзывы Гулливера о Пастернаке.

2. Гулливер о Пастернаке

Будучи главным критиком газеты «Возрождение» на протяжении двадцати с половиной лет, Ходасевич так и не посвятил Пастернаку особой статьи. Упоминания о Пастернаке рассыпаны в текстах о литературе эмиграции, о стихах Константина Вагинова, поэтических сборниках Николая Оцупа и Юрия Терапиано, встречаются в «пушкинской» полемике с Георгием Адамовичем и проч. Кроме того, как уже было отмечено в начале статьи, одним из наиболее продуктивных источников, который может дать исследователям дополнительные сведения об отношении Ходасевича к Пастернаку, является литературная хроника.

В 1927 г. Пастернак, по выражению Малмстада, оказался «под перекрестным огнем» Ходасевича и Адамовича в их споре о путях русской поэзии, «играя роль если не врага, то фона, на котором Ходасевич разворачивал свои позиции» [Малмстад, 1990, с. 57]. Соответственно, и отзывы Гулливера в этот период были, пожалуй, самыми резкими за всю историю ведения хроники. То же можно сказать о заметках 1928 г. Поскольку в статье Малмстада период 1927–1930 гг. разобран подробно, мы отметим только не попавшие в поле его зрения выпуски. Так, 4 октября 1928 г. (№ 1220), сообщается, что в № 8 «Звезды» (1928)

⁷ Ранее Франк Гёблер уже отмечал центральное значение шестой строфы не только по расположению, но и по значению. Он точно определил, что в ней закреплено «принципиальное разделение на слово — как звук и слово — как носитель смысла» и что строфа делит стихотворение «на две части по следующему признаку: от лица обыкновенного индивидуума и квазимифологического сверхчеловека» [Гёблер, 2002]. То и другое видится исследователем как результат применения «принципа разделения», который «используется Ходасевичем как средство достижения равновесия» [Там же]. В свою очередь «пренебрежение принципом равновесия способно вылиться в бессмысленный эксперимент, банальность, отчаяние или безумие» [Там же].

«Пастернак дал стихи “Из старой тетради” (1913–1928 гг.) Общий звук их и некоторые интонации до странности напоминают последние стихи Марины Цветаевой» (Возрождение. 1928. 4 октября, № 1220. С. 3)⁸. Затем 8 ноября того же года (№ 1255) упомянуто: «Пастернак упорно печатает старые стихи, помечая их 1915–1928 гг. В номере («Звезда» № 9 (1928). – Е.З.) напечатано его стихотворение “Марбург”: <...> Тут же четверостишие, по мнению Маяковского⁹, ставшее классическим: В тот день всю тебя от гребенок до ног...» (Возрождение. 1928. 8 ноября, № 1255. С. 3). В следующем, 1929 г., еще чаще встречаются замечания о том, что Пастернак не печатает новых стихов, а публикует написанное до революции: 17 января (№ 1725) о стихах из № 12 «Нового мира» (1928); 7 марта (№ 1374) – из № 1 «Нового мира» (1929). Говоря о научной поэзии, в выпуске от 18 июля (№ 1507) хроникер отмечает не без сарказма: «Пастернак, однажды в своих стихах по пустяшному поводу упомянувший торичеллиеву пустоту, отныне тоже причислен к поэтам научным» (Возрождение. 1929. 18 июля, № 1507. С. 3). О переводах Пастернака из Рильке в № 8–9 «Нового мира» (1929) Гулливер впервые упоминает 17 октября 1929 г. (№ 1598), давая в выпуске «Литературной летописи» от 26 декабря их развернутую характеристику (ранее приводившуюся Малмстадом). В 1930 г. имя Пастернака упомянуто лишь единожды. Рассуждая о кризисе поэзии в СССР в заметке от 10 июля (№ 1864) хроникер «Возрождения» констатирует: «Пастернак и Тихонов – кумиры поверженные – перешли на прозу, но их почти не слышно» (Возрождение. 1930. 10 июля, № 1864. С. 4).

Отзывы о Пастернаке, публиковавшиеся за подписью «Гулливер» в 1931–1933 гг., представляют довольно курьезный подбор текстов. Критический вектор хроникера меняется: очевидно, в этом сказывается участие второго автора летописи – Берберовой. Однако, по-видимому, Ходасевич не готов был во всем с ней согласиться. Это особенно наглядно видно в двух довольно пространственных заметках об «Охранной грамоте» Пастернака, появившихся летом 1931 г.: 18 июня и 6 августа. Первую из них Гулливер начинает с небольшого обзора вышедшей ранее прозы Пастернака:

В апрельском номере «Красной нови» напечатана вторая часть повести Б. Пастернака «Охранная грамота». Первая часть появилась еще в 1929 году в «Звезде». Пастернак в 1921 году выпустил сборник рассказов и повестей, среди которых повесть «Детство Люверс» обратила на себя всеобщее внимание. Автор выказал себя в ней интересным стилистом и психологом, проза его только редкими местами

⁸ Ссылки на хронику приведены непосредственно в тексте и не выносятся в общий библиографический список.

⁹ Имеется в виду статья В. Маяковского «Как делать стихи?» 1926 г.

напоминала его поэзию и была много зреее и насыщеннее. С тех пор Пастернак писал (во всяком случае, печатал) в прозе очень мало (Возрождение. 1931. 18 июня. № 2207. С. 4).

Далее хроникер переходит непосредственно к тексту повести:

«Охранная грамота» – автобиография; вряд ли сам автор стал бы протестовать против такого утверждения: его справедливость очевидна для всякого. В повести все очень непринужденно; только *сама жизнь* (выделено в тексте. – Е.З.) могла привести Пастернака к плавному, сюжетно-былинному и внутренне не мотивированному ходу ее. В ней рассказывается, как герой учился в Марбурге, у профессора Когена, как потом, вследствие несчастной любви к девушке, бросил он философию и занялся стихами, как уехал в Италию, видел Венецию и полюбил живопись эпохи Возрождения («Охранная грамота» // Возрождение. 1931. 18 июня. № 2207. С. 4).

Далее следуют оговорки, которые напоминают некоторые замечания Ходасевича, но, как нам кажется, ему не принадлежат¹⁰. Что касается публикации, появившейся на страницах «Возрождения» 6 августа, то она как раз, вероятнее всего, вышла из-под его пера. Обращает на себя внимание, что простота фабулы, проистекающая из «самой жизни», представленная как главное преимущество повести в первом отзыве, становится ее главным недостатком во втором:

Повесть насквозь автобиографична; автор и не скрывает этого: действующие лица выведены либо под полными именами, либо под инициалами. Но не в этом ее недостаток: плохо то, что она – сырой материал, недостаточно любопытный по фабуле и вместе с тем вовсе не любопытный как произведение искусства. Искусства в нем гораздо меньше, чем подлинной жизни, а для человеческого документа повесть слишком незначительна внутренне. Рассказывается в ней жизнь самого Пастернака, в ее творчески-поэтическом разрезе, все остальное взято лишь как аксессуар главной темы. Рассказывается о молодых годах поэта, о студенческой жизни в германском городке, о первой любви («Охранная грамота» // Возрождение. 1931. 6 августа. № 2256. С. 4).

Расхождение в оценке повести с предыдущим откликом, в котором «Охранная грамота» была названа хроникером вещью «редкостной»,

¹⁰ «В лучшей части повести, особенно описывая вещи, внешнюю обстановку, Пастернак иногда напоминает Сирина. Однако у Сирина нет многого, что коробит в Пастернаке, и прежде всего немотивированной сложности формы при слишком несложном содержании. Этот недостаток, но еще сильнее, чувствуется весьма часто в стихах Пастернака» («Охранная грамота» // Возрождение. 1931. 18 июня. № 2207. С. 4).

Гулливер объясняет тем, что «Первые главы, напечатанные в предыдущей книжке, были написаны острее и своеобразнее. Окончание повести гораздо менее ярко, чем начало; местами оно грешит скукой...» («Охранная грамота» // Возрождение. 1931. 6 августа. № 2256. С. 4). Однако даже из приведенных цитат видно, что речь идет как раз об одних и тех же событиях ранней молодости Пастернака, которые при пересмотре оказались слишком «незначительными».

Факт, что «отдельные удачные места», названные Гулливером, все находятся как раз во второй, будто бы менее удачной части повести, еще больше утверждает нас в предположении, что перед нами два разных взгляда на повесть, а вовсе не изменившийся после прочтения повести целиком взгляд одного и того же рецензента. Кроме того, обращает на себя внимание, что «удачные» эпизоды – «описание вечера в одном московском салоне, “в доме стихотворца-любителя А.”, встречи поэтов в кафе, на Тверском бульваре и др.» относятся в основном к общим воспоминаниям Ходасевича и Пастернака (в некоторых местах имя Ходасевича прямо указано), и могли показаться последнему более интересными в силу того, что он сам был когда-то их участником. Характерно, что в первой заметке Гулливер (которого мы здесь, думается, не без оснований, отождествляем с Берберовой) в ряду событий повести называет «видел Венецию и полюбил живопись эпохи Возрождения» («Охранная грамота» // Возрождение. 1931. 18 июня. № 2207. С. 4). Такое сопоставление, а точнее, смешение жизни внешней, состоящей из действий и впечатлений непосредственных, и внутренней, заключающейся во впечатлениях, главным образом вызванных искусством, философией, в высшей степени свойственно Берберовой¹¹. Именно стремление отразить в автобиографической прозе не только отношения с конкретными писателями, поэтами и художниками, но и с искусством вообще, сближает Берберову с Пастернаком, и именно это отнюдь не свойственно, даже несколько смешно Ходасевичу. В самом раннем отзыве на «Охранную грамоту», который определенно принадлежит Ходасевичу [Малмстад, 1990, с. 53–54], говорится с иронией:

«Охранная грамота» – род воспоминаний, очень лирических и субъективных, но талантливых. Из них мы узнаем, что с детства Пастернак жил в двух стихиях – философии и музыки. О той и о другой

¹¹ Любопытен в этом отношении эпизод знакомства с В.В. Набоковым, которое состоялось в 1932 г. В книге воспоминаний «Курсив мой» Берберова между прочим замечает: «не столько любопытствуем друг о друге: “кто вы такой? кто вы такая?” Мы больше заняты вопросами: “что вы любите? кого вы любите?” (Чем вы сыты?)» [Берберова, 2015, с. 360]. В письмах к жене Набоков так отзывался о писательнице и об этих разговорах: «Она очень симпатичная, но какая-то густо-литературная и одевается ужасно. У нее познакомился с Фельзеном, говорили исключительно о литературе, меня скоро от этого начало тошнить. Таких разговоров я с гимназических лет не вел. А этого знаете? А этого любите? А этого читали?» [Набоков, 2017, с. 212].

пишет он восторженно и многословно (Возрождение. 1929. 26 декабря. № 1668. С. 3).

Вообще же создается впечатление, что ранняя проза Пастернака в значительной мере повлияла на Берберову. Возможно, именно под впечатлением от «Детства Люверс» она описала собственное детство в автобиографии «Курсив мой»¹². То, что некоторые критики Берберовой расценили как попытку «встать в какую-то снобистически-эксцентрическую позу», было, вероятно, создано в большей мере с оглядкой на эстетический образец, воспринятый от Пастернака, чем из желания показать «необыкновенность своего внутреннего мира» [Гуль, 1970, с. 286].

Так или иначе, представляется вполне очевидным: в 1931 г. у авторов хроники советской литературы в газете «Возрождение» не было единого взгляда на творчество Пастернака. Сначала осторожно, с оговорками, а потом все более определенно и развернуто Берберова стала проводить свою критическую линию в отношении этого писателя, что можно трактовать как попытку выйти из-под влияния Ходасевича. Ее оценка стихов Пастернака того периода нашла отражение в мемуарах. Говоря о романе Олеси «Зависть», она пишет: «Это было и осталось для меня крупнейшим событием в советской литературе, пожалуй, даже большим, чем “Волны” Пастернака» [Берберова, 2015, с. 363]. Очевидно, цикл «Волны», опубликованный в № 1 «Красной нови» за 1932 г., ею воспринимается тоже как событие, притом весьма значительное. Впервые о нем упомянуто в летописи от 21 апреля 1932 г.:

Кроме стихов Б. Пастернака, в последние полгода появляющихся то в “Красной нови”, то в “Новом мире”, и в значительной мере превосходящих все, написанное Пастернаком в прежние годы, в СССР почти не видно стоящих стихов <...> Стихи Пастернака... запоминаются каким-то новым рисунком, новым голосом, который в них звучит» (Поэзия последних месяцев // Возрождение. 1932. 21 апреля. № 2515. С. 4).

Тут же Берберова приводит отрывок из стихотворения «Есть в опыте больших поэтов...». Исходя из этой цитаты, можно заключить, что подобные же сочувственные отзывы на стихи Пастернака стали появляться в «Возрождении» с осени прошлого, 1931 г. Но на самом деле они стали появляться еще раньше. В феврале 1931 г. встречаются одобрительные слова о двух балладах Пастернака, напечатанных в № 12 «Красной нови» (1930): «После поэмы “Спекторский” они кажутся даже несколько “пассеистическими”. Насколько, все же, Пастернак “правее”

¹² Влиянию автобиографической прозы Пастернака на Ходасевича посвящены статьи А.Ю. Сергеевой-Клятис [Сергеева-Клятис, 2016, 2017].

в своих литературных приемах, чем его последователи!» (Возрождение. 1931. 12 февраля № 2081. С. 4); 21 мая целиком приведено стихотворение «Другу» (№ 4 «Новый мир» (1931)), названное «удачным и любопытным» (Стихи Б. Пастернака // Возрождение. 1931. 21 мая. № 2179. С. 4) по содержанию; 4 июня, рассуждая о склонности советских поэтов обличать друг друга в стихах в уклонах и недостатках, Гулливер замечает, что на этом фоне «еще резче выделяются... стихи поэтов “настоящих”, как Мандельштам, Пастернак, Эрлих» (Споры поэтов // Возрождение. 1931. 4 июня. № 2193. С. 4); 24 сентября, после публикации двух разобранных нами отзывов на «Охранную грамоту», хроникер посвящает стихам Пастернака отдельную заметку; затем о новых стихах Пастернака говорит особо в выпуске от 22 октября – все это отклики, предшествовавшие появлению «Волн».

В конце апреля 1932 г. Берберова и Ходасевич расстались. Ведение хроники как будто бы перешло к Берберовой: так она пишет в воспоминаниях [Берберова, 2015, с. 362]. Не вдаваясь в подробности личных и деловых отношений Ходасевича и Берберовой, отметим, что сохранившиеся в их переписке свидетельства работы Берберовой над хроникой позволяют отнести к ней заметку «О Пастернаке» [Закрыжевская, 2020б], появившуюся в «Возрождении» 15 сентября 1932 г.: «В этих стихах (печатавшихся в прошедший год в журналах “Новый мир” и “Красная новь”. – Е.З.) приоткрылось новое, очень лирическое и очень романтическое лицо поэта» (Возрождение. 1932. 15 сентября. № 2662. С. 4). Тут же сказано об «Охранной грамоте», где, по словам хроникера жизнь Пастернака рассказана «с большим вкусом». Еще один выпуск хроники (от 2 июня), также содержащий отклик на стихи Пастернака, разительно похож на приведенную выше заметку, атрибутируемую Берберовой: «За последнее время несколько раз приходилось говорить о новых стихах Пастернака, печатаемых в “Новом мире” и “Красной нови”. Они каждый раз обращают на себя внимание своеобразным, каким-то почти “классическим” тоном, глубиной лиризма, точностью прежде довольно расплывчатых в своей сложности образов» (Новые стихи Пастернака // Возрождение. 1932. 2 июня. № 2557. С. 4). Среди трех стихотворений поэта в № 2 «Нового мира» (1932) к наиболее «современным» стихам Гулливер причисляет «Упрек не успел потускнеть...» и «Когда я устаю от пустозвонства...».

Подводя итог пятилетнему развитию советской литературы в выпуске от 10 ноября, Гулливер пишет: «Единственный поэт, за последние годы не только уцелевший, но и выросшей в своей значительности, это Пастернак. Это единственное имя, которое приходит на ум человеку, искренне желающему дать ответ на вопрос: да существуют ли теперь

в России настоящие поэты?» (Юбилей октябрьской революции // Возрождение. 1932. 10 ноября. № 2718. С. 4). Наконец, последняя на долгие годы специальная заметка о Пастернаке появилась 23 марта 1933 г. В ней Гулливер комментирует статью А. Селивановского «Поэт и революция. О творчестве Бориса Пастернака» [Селивановский, 1932], посвященную книге «Второе рождение», вновь упоминая цикл «Волны».

С этого времени в хронике встречаются лишь беглые и зачастую иронические замечания о переводах Пастернака, главным образом из грузинских поэтов. Любопытна заметка о переводах Шекспира, где Гулливер (здесь, вероятно, Ходасевич) полемизирует с К. Чуковским, выступившим по этому поводу на страницах «Красной нови» [Чуковский, 1935]:

Он (Чуковский. – Е.З.) заявляет, что после Хлебникова, Маяковского и Пастернака диапазон русской поэтической речи чрезвычайно расширен, и мы уже подготовлены к безболезненному восприятию наиболее чуждых духу русского языка оборотов Шекспира. Дело, однако, не в языке. Русский язык (здесь и далее выделено в тексте. – Е.З.) и без помощи Хлебникова, Маяковского и Пастернака был бы способен воспроизвести всю цветистость и сложность языка шекспировского. Но духу русской поэзии, всегда искавшей скромнейших способов выразить самые сильные чувства и простейших приемов для изъяснения сложнейших мыслей, шекспировский стиль фатальным образом чужд. Воспроизвести его во всей полноте значило бы заставить русское ухо и русское чутье получить такие впечатления, которых английский читатель и зритель Шекспира не получал никогда – ни в эпоху Шекспира, ни позже. Сам Шекспир по-русски писал бы не так, как писал по-английски. Чуковский забывает, что Хлебников, Маяковский и отчасти Пастернак не столько чужды русскому языку, сколько духу русской поэзии (Советский Шекспир // Возрождение. 1935. 30 мая. № 3648. С. 4).

Очевидно, в 1935 г., когда была напечатана эта заметка, не может идти речи о каком-либо эстетическом консенсусе между Ходасевичем и Пастернаком. Тем не менее, «пастернаковский сюжет» в хронике Гулливера этим не исчерпывается. А.Ю. Сергеева-Клятис в книге «Сумерки свободы» отмечает, что с начала 1930-х гг. меняется мнение Ходасевича о Пастернаке: «Речь шла, правда, не о признании поэтической индивидуальности, но во всяком случае о признании за Пастернаком человеческого достоинства и понимании его поведенческой линии, отдельной от магистрального пути советской литературы» [Сергеева-Клятис, 2016, с. 267]. Далее следует отсылка к статье Владислава Ходасевича «Съезд советских писателей», опубликованной 13 сентября

1934 г. Мы позволим себе привести довольно обширную цитату оттуда, поскольку, на наш взгляд, слова Ходасевича о Пастернаке в ней могут быть уточнены некоторыми высказываниями из хроники Гулливера:

Но замечательно, что там, где писатели были вынуждены говорить только о политической своей лояльности, один Бухарин заговорил о литературе, о искусстве – и высказал как раз то, чего никогда не посмел бы сказать ни один писатель. Бухарин (конечно, со всевозможными оговорками, отчасти, даже эзоповским языком) говорил, что время агитационного лубка, Демьяна Бедного, Маяковского и Безыменского миновало безвозвратно, что советская поэзия должна искать более сложных и глубоких тем. Его речь была неким чуть не увенчанием самого сравнительно «аполитичного» из советских поэтов – Бориса Пастернака, и в этом смысле была примечательна. Однако – *quod licet Iovi, non licet bovi*. Пастернак, отвечая, выступил за Демьяна и Безыменского. Тут проявил он не только благородство великодушного соперника, но и глубокую осторожность. И в самом деле: Демьян тотчас озверел, а Бухарину, видимо, где-то намылили голову, и он поспешил, если не вовсе взять обратно свои слова, то, во всяком случае, весьма и весьма их смягчить [Ходасевич, 1934].

Нетрудно заметить, что поведенческая линия Пастернака видится Ходасевичем уходящей скорее в сторону «глубокой осторожности», и, проявляя «благородство великодушного соперника», он хорошо помнит: «что дозволено Юпитеру, не дозволено быку», т.е. учитывает переменчивый политический климат. Это подтверждает следующий отрывок из заметки Гулливера под названием «Минский пленум»:

Нужно думать, что минский пленум принесет довольно важные плоды, ибо послужит к разрешению недоразумения, возникшего после «исторического» съезда писателей. Как известно, на съезде были возвещены литературные вольности и была раскрепощена поэзия от обязательной политической нагрузки. Многие (особенно из молодых) все это приняли за чистую монету, и советские журналы запестрели любовной, пейзажной, чуть ли не пасторальной лирикой. Старшие поэты замолкли, потому что одни, как Демьян Бедный, Безыменский, Асеев, оказались не ко времени, а другие, как Пастернак, побоялись, поверив свободе, обнаружить свою буржуазную сущность и выступали больше в качестве переводчиков. Теперь все ясно, на пленуме единодушно разъяснено, что лирика должна быть политической, а свободы ее ни в чем ином заключаются, что она может пользоваться любыми размерами. В соответствии с этим на съезде много говорилось о Пастернаке. Осмелевшие составители

стихотворных агиток, которых Бухарин совсем было сдал в архив, призывали Пастернака «решительно и последовательно пересмотреть философскую и идеологическую основу его творчества». «Наше время – сталинское время, – восклицает Безыменский. – Сумейте сделать выводы!» Сделать эти выводы Пастернаку придется. С большой долей вероятности нужно теперь ожидать от него либо полнейшего, гробового молчания, либо стихов на стахановские и в особенности на оборонные темы. Последнее вероятнее, потому что, судя по газетным известиям, уже начались какие-то взаимные комплименты между Пастернаком и Демьяном Бедным» (Минский пленум // Возрождение. 1936. 5 марта, № 3928. С. 4).

На наш взгляд, эта заметка, которую мы относим к Ходасевичу (об атрибуции данного выпуска см. [Закрыжевская, 2020а, с. 346–348]), содержит своего рода разъяснение к его подписной статье и позволяет трактовать высказанное в ней замечание отнюдь не в пользу Пастернака. Публикация, озаглавленная «Формализм» (также за подписью Гулливера) дает нам еще более определенные сведения на этот счет:

На «историческом» съезде писателей... советское начальство возвестило писателям «свободу творчества», понимая под этим, что отныне разрешается содействовать видам правительства, работая в любом литературном стиле и не прибегая к приемам откровенной агитационной словесности. Все это было высказано в нарочито неясных терминах, благодаря которым некоторые советские писатели (особенно – молодые поэты) и некоторые здешние были введены в заблуждение. Вообразили, будто отныне агитация в пользу советского правительства и его предначертаний вообще не обязательна. <...> Авторы матерые, как А. Толстой, Пильняк, Пастернак, Леонов и пр., до времени притаились, выжидая событий и боясь себя скомпрометировать. Мы в свое время указали на то, что они правильно поступают, ибо выказать склонность к пользованию свободами было бы рискованно. <...> Против тех легковверных, которые вздумали было применять свободные, не лубочные, не агитационные приемы, теперь выдвигается тяжкое обвинение в отрыве от масс, в мелкобуржуазном увлечении формальной стороной творчества в ущерб идейной, т.е. агитационной (Формализм // Возрождение. 1936. 26 марта. № 3949. С. 4).

Однако несмотря на то, что Пастернак проявил, по выражению Гулливера, «благоразумную осторожность», все-таки именно «за “формализм” был низвергнут с трона Пастернак, незадолго перед тем коронованный Бухариным» (Юбилейные подношения // Возрождение. 1938. 9 ноября. № 4158. С. 9). «В действительности формалистические

уродства шли от футуризма <...> в течении, направленном против формализма, кое-какое здоровое начало имелось. Однако за два-три года и это здоровое начало выродилось в преследование всякого просто умения, всяких начатков стихотворного мастерства и своеобразия» (Юбилейные подношения // Возрождение. 1938. 9 ноября. № 4158. С. 9) – констатирует Ходасевич-Гулливер в 1938 г.

Последняя специальная заметка, посвященная Пастернаку, вышла в «Литературной летописи» 30 декабря 1938 г. Хотя поводом к ее публикации стало появление в «Литературной газете» двух отрывков из романа Пастернака (романа о Патрике, который был в некотором смысле «протороманом» по отношению к «Доктору Живаго»), Гулливер вовсе не комментирует содержание его прозы. Весь текст целиком относится к политической судьбе Пастернака:

Когда совершилось падение Бухарина, имя Пастернака на некоторое время вовсе исчезло со страниц советских журналов. По-видимому, он был недалек от зачисления в разряд «врагов народа». Ему запрещали участвовать даже в коллективных резолюциях с разными приветствиями и проклятиями. Потом он был до некоторой степени амнистирован, и его в течение нескольких лет заставляли переводить стихи разных Тычин, Джамбулов и т.п. окраинных «народных певцов». В настоящее время, надо думать, его положение несколько улучшилось. Его стихи по-прежнему остаются под запретом, но в «Литературной газете» появились два отрывка из его романа (от 15 декабря 1938 г. – Е.З.). Если этот «опыт» сойдет благополучно, то Пастернак, вероятно, будет реабилитирован (Борис Пастернак // Возрождение 1938. 30 декабря, № 4164. С. 9).

В последний раз имя поэта встречается в публикации от 10 марта 1939 г., посвященной юбилею литературной деятельности Н. Асеева. Многими своими чертами текст заметки восходит к статье Ходасевича «Орденосцы», вышедшей 17 февраля того же года. Интересно, что обострение отношений между Ходасевичем и Пастернаком, как это нами уже упоминалось выше, началось в 1922 г. именно в связи с публикацией Асеевым разгромной рецензии на сборник стихов Ходасевича. Реакция Пастернака, с которым общался в тот момент Ходасевич, показалась ему оскорбительной, последовали выступления в прессе. Теперь же Гулливер (за маской которого, как мы полагаем, скрывается Ходасевич), старается развести как можно дальше бывших участников группы «Центрифуга». Прежде всего, он называет Пастернака «единственным одаренным человеком» (Возрождение. 1939. 10 марта, № 4174. С. 9) из всей группы. Поскольку он начал печататься еще раньше Асеева, который теперь справляет двадцатипятилетний юбилей литературной деятельности, Гулливер приходит к выводу, что Пастернаку отказано в таковом. Затем

он пишет: «Товарищи (в том числе Пастернак) приветствуют юбиляра <...> Большинство (к которым не принадлежит Пастернак), делают это в довольно подобострастной форме» (Возрождение. 1939. 10 марта, № 4174. С. 9). Здесь, как нам кажется, происходит то самое признание «человеческого достоинства» [Сергеева-Клятис, 2016, с. 267], о котором говорит А.Ю. Сергеева-Клятис по отношению к более ранней статье Ходасевича. В заключение Гулливер подчеркивает, что Пастернак отнюдь не принадлежит к «орденоносцам», называя также и других поэтов, кроме Асеева, удостоившихся государственных наград. Характерно, что хроникер пытается провести черту не только между Асеевым и Пастернаком, но и между Асеевым и Маяковским. Критик «Литературной газеты» называет Маяковского «великим поэтом сталинской эпохи» [Андреев, 1939], что, по мнению Гулливера, не соответствует действительности, ведь при Сталине, в конце 1920-х гг., «Маяковский уже переживал явный упадок, а затем вскоре и застрелился» (Возрождение. 1939. 10 марта, № 4174. С. 9). В конечном итоге Асеев оказывается в списке «орденоносцев», большинство из которых – «окраинные поэты» и писатели, выдвинувшиеся в советское время, т.е., по Гулливеру, находящиеся вне границ настоящей литературы, которую, по крайней мере, в данной заметке, знаменует собой Пастернак.

3. Заключение

На этом, как нам кажется, исчерпывается то новое, что может добавить хроника «Возрождения» к противостоянию критика Ходасевича и поэта Пастернака, которое восходит к противостоянию двух поэтов, и даже больше – двух совершенно различных поэтических миров. Отзывы, которые Гулливер оставил о Пастернаке, не дают права говорить о сглаживании противоречий, существовавших с самого начала между ним и Ходасевичем и, напротив, подтверждают устойчивость этих противоречий. Думается, в том числе именно поэтому история взаимоотношений Ходасевича и Пастернака может быть названа без преувеличения «главным противопоставлением эпохи» [Сергеева-Клятис, 2016, с. 268].

Приложение

Не вошедшие в основной текст статьи упоминания Гулливера о Пастернаке.

1931 г. 29 января № 2067: упоминается вступление к поэме «Спекторский» Пастернака, опубликованной в № 12 «Нового мира» (1930). 3 сентября № 2284: «О Пастернаке», отдельная заметка о статье А. Тарасенкова в № 5 «Звезды», посвященной Пастернаку. 17 декабря № 2389: в заметке «Перестройка лирической поэзии» Гулливер цитирует С. Малахова: «Лирика нужна и сейчас, но совершенно особая лирика

<...> Нельзя больше говорить о Пастернаке как о поэте для избранных, – он вовсе должен перестать существовать, если не перестроит свою поэзию [«Звезда» № 9 (1931)]».

1932 г. 25 февраля № 2459: «Защита Пастернака», приведены стихи М. Комиссаровой, где доказывается: «Пастернак с нами». 7 июля № 2592: в заметке о поэте Луговском упомянут Пастернак, под влиянием которого, по мнению Гулливера, находятся кроме него, также поэты Браун и Багрицкий. «Нахальства у всех троих немало», – заключает хроникер.

1933 г. 1 июня № 292: имя Пастернака упомянуто среди авторов, намеченных на ближайшие месяцы издания «Литературного современника», а также среди редакторов серии «Библиотека поэта».

1934 г. 22 марта № 3214: упоминается в связи с романом Льва Нитобурга «Немецкая слобода». 12 апреля № 3235: упоминается в рассуждениях о влиянии подсознательного на творчество. 21 июня № 3305, 6 сентября № 3382, 6 декабря № 3473: упоминается о переводах Пастернака.

1935 г. 24 января № 3552: имя Пастернака упоминается среди подписавших статью об убийстве Кирова (№ 12 «Новый мир» (1934)). 7 марта № 3564: о переводах с грузинского Пастернака и Н. Тихонова: «все это довольно серо и переводится, очевидно, под давлением начальства».

1936 г. 30 апреля № 3984: упоминаются переводы грузинских поэтов. 28 мая № 4012: о советском поэте Тихонове, «в знаменитости не уступающем самому Пастернаку».

1937 г. 13 февраля № 4065: отчет В. Друзина о вечерах в поэтической секции петербургского (sic!) отделения Союза поэтов в «Литературном Ленинграде». Стихи о Пушкине, прочитанные там, сравниваются со стихами Лермонтова, Тютчева, Маяковского, Багрицкого, Пастернака. Гулливер, выступая против того, чтобы сопоставлять этих поэтов, все же признает, что и у Маяковского, Багрицкого и Пастернака «самостоятельная мысль, оригинальное понимание темы, личная взволнованность». 27 марта № 4071: упоминается новое развенчание Пастернака и выдвижение на его место «старой гвардии» – Семена Кирсанова. 3 декабря № 4801: «Обсуждаем поэзию». В заметке снова Гулливер вспоминает первый съезд писателей, на котором выступал Бухарин.

1938 г. 15 апреля № 4127: «До такой славы, которой удостоился пресловутый Сулейман Стальский, ни один русский писатель, кажется, не доживал. Некоторые русские поэты, как, например, Пастернак, принуждены отложить собственную лиру в сторону и отдаться переложениям азербейджанской музыки. Другие, как Н. Тихонов, П. Антокольский, Заболоцкий обазербейджанились приблизительно на половину». 9 декабря № 4161: упоминается первый съезд писателей 1934 г. «Пастернака, “увенчанного” Бухариным, свели на роль переводчика разных Джамбулов и Стальских».

Библиографический список / References

Андреев, 1939 – Андреев Е. Славный юбилей // Литературная газета. 1939. 26 февраля. № 11 (790). С. 3. [Andreev E. Glorious anniversary. *Literaturnaya gazeta*. 1939. 26 feb. No. 11 (790). P. 3. (In Rus.)]

Берберова, 2015 – Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М., 2015. [Berberova N.N. Kursiv moy: Avtobiografiya [The Italics are mine. Autobiography]. Moscow, 2015.]

Богомолов, 1990а – Богомолов Н.А. Выбор путей // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 60–64. [Bogomolov N.A. Choose of paths. *Literaturnoe obozrenie*. 1990. No. 2. Pp. 60–64. (In Rus.)]

Богомолов, 2008 – Богомолов Н.А. Гулливер и Вази́р-Мухтар // *Natales grate numeras?* Сб. ст. к 60-летию Г.А. Левинтона. СПб., 2008. С. 144–152. [Bogomolov N.A. Gulliver and Vazir-Mukhtar. *Natales grate numeras? Sbornik statei k 60-letiyu G.A. Levintona*. St. Petersburg, 2008. Pp. 144–152. (In Rus.)]

Богомолов, 2010 – Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2010. [Bogomolov N.A. Sopryazhenie dalekovatykh: O Vyacheslave Ivanove i Vladislave Khodaseviche [Conjugation of the distant: About Vyacheslav Ivanov and Vladislav Khodasevich]. Moscow, 2010.]

Богомолов, 2012 – Богомолов Н.А. Ивелич – Сизиф – Гулливер: хроники советской литературы в парижских газетах // *Réfraction de l'Union soviétique et de la littérature soviétiques dans l'émigration*. (Modernités russes. Université Jean Moulin Lyon 3, Centre d'Études Slaves André Lirondelle. Т. 13). Lyon, 2012. С. 3–12. [Bogomolov N.A. Ivelich – Sizif – Gulliver: Chronicles of Soviet literature in Parisian newspapers. *Réfraction de l'Union soviétique et de la littérature soviétiques dans l'émigration*. Т. 13. Modernités russes. Université Jean Moulin Lyon 3, Centre d'Études Slaves André Lirondelle. Lyon, 2012. Pp. 3–12. (In Rus.)]

Вайсбанд, 2017 – Вайсбанд Э. В борьбе за переписывание идеологии русско-го футуризма: младоформалисты, «некий А. Дымшиц» и Гулливер о военных статьях Маяковского // Новое литературное обозрение. 2017. № 143. С. 32–53. [Waysband E. The fight for rewriting the ideology of Russian futurism: The young formalists, “A certain A. Dymshits,” and Gulliver on Mayakovsky’s war articles. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2017. No. 143. Pp. 32–53. (In Rus.)]

Гёблер, 2002 – Гёблер Ф. Об одном стихотворении Владислава Ходасевича // Литература. 2002. № 29. URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200202902> (дата обращения: 12.09.2020). [Göbler F. On one poem by Vladislav Khodasevich. *Literatura*. 2002. No. 29. URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200202902> (In Rus.)].

Гиппиус, 1978 – Гиппиус З. Письма к Берберовой и Ходасевичу. Ann Arbor, 1978. [Gippius Z. Pisma k Berberovoy i Khodasevichu [Letters to Berberova and Khodasevich]. Ann Arbor, 1978.]

Гуль, 1970 – Гуль Р.Б. N. Berberova. The Italics are mine (рец. на англ. изд.) // Новый журнал. 1970. № 99. С. 283–292. [Gul’ R.B. N. Berberova. The Italics are mine (review). *Novyi Zhurnal*. 1970. No. 99. Pp. 283–292. (In Rus.)]

Заболоцкий, 2010 – Заболоцкий Н.А. Pro et contra: Антология. СПб., 2010. [Zabolotskii N.A. Pro et contra. Anthology. St. Petersburg, 2010.]

Закрыжевская, 2016 – Закрыжевская Е.А. Анонимная хроника советской литературы в эмигрантской газете «Дни» 1925–1926 гг.: к проблеме атрибуции // Русская филология: Сб. научных работ молодых филологов. Тарту, 2016. Вып. 27. С. 192–203. [Zakryzhevskaya E.A. The anonymous chronicle of Soviet literature in the Dni newspaper for 1925–1926. Towards the problem of attribution. *Russkaya filologiya: Sbornik nauchnykh rabot molodykh filologov*. Tartu, 2016. Vol. 27. Pp. 192–203. (In Rus.)]

Закрыжевская, 2018 – Закрыжевская Е.А. Ивелич и Гулливер на страницах эмигрантской газеты «Возрождение» о советском критике Вяч. Полонском // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2018. № 6. С. 172–190. [Zakryzhevskaya E.A. Ivelich and Gulliver in the emigrant newspaper *Vozrozhdenie* about Soviet critic Vyacheslav Polonskiy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 2018. No. 6. Pp. 172–190. (In Rus.)]

Закрыжевская, 2020а – Закрыжевская Е.А. Биографические черты Владислава Ходасевича в хронике «Гулливера» // Литературный факт. 2020. № 15. С. 346–348. [Zakryzhevskaya E.A. Biographical features of Vladislav Khodasevich in Gulliver's chronicle. *Literaturnyi fakt*. 2020. No. 15. Pp. 346–348. (In Rus.)]

Закрыжевская, 2020б – Закрыжевская Е.А. «Литературная летопись» в письмах В.Ф. Ходасевича к Н.Н. Берберовой // Медиаскоп. 2020. Вып. 2. DOI: 10.30547/mediascope.2.2020.8 [Zakryzhevskaya E. A. “Literaturnaya letopis’” in letters from V.F. Khodasevich to N.N. Berberova. *Mediascope*. 2020. No. 2. DOI: 10.30547/mediascope.2.2020.8 (In Rus.)]

Иванов, 1928 – Иванов Г. В защиту Ходасевича // Последние новости. 1928. 8 марта. № 2542. С. 3. [Ivanov G. In defense of Khodasevich. *Poslednie novosti*. 1928. March 8. No. 2542. P. 3. (In Rus.)]

Крайний, 1927 – Крайний Антон [Гиппиус З.Н.]. «Знак» о Владиславе Ходасевиче // Возрождение. 1927. 15 декабря. № 926. С. 2–3. [Krainii Anton [Gippius Z.N.]. “Znak” on Vladislav Khodasevich. *Vozrozhdenie*. 1927. December 15. No. 926. Pp. 2–3. (In Rus.)]

Малмстад, 1990 – Малмстад Дж.Э. Единство противоположностей. История взаимоотношений Ходасевича и Пастернака // Литературное обозрение. 1990. № 2. С. 51–59. [Malmstad J.E. Unity of opposites. History of relationships between Khodasevich and Pasternak. *Literaturnoe obozrenie*. 1990. No. 2. Pp. 51–59. (In Rus.)]

Набоков, 2017 – Набоков В. Письма к Вере. М., 2017. [Nabokov V. Pisma k Vere [Letters to Vera]. Moscow, 2017.]

Пастернак, Бобров, 1996 – Борис Пастернак и Сергей Бобров: Письма четырех десятилетий / Публ. и предисл. М.А. Рашковской; РГАЛИ // Встречи с прошлым. Вып. 8. М., 1996. [Boris Pasternak and Sergei Bobrov: Letters for four decades. M.A. Rashkovskaya (publication and preface). *Vstrechi s proshlym*. Iss. 8. Moscow, 1996. (In Rus.)]

Полонский, 2019 – Полонский В.В. Gallo-Rossica: Из истории русско-французских литературных связей конца XVIII – начала XX века. М., 2019. [Polonsky V.V. Gallo-Rossica: Iz istorii russko-frantsuzskikh literaturnykh svyazei kontsa XVIII – nachala XX veka [Gallo-Rossica: From the history of Russian-French literary connections (late 18th – early 20th centuries)]. Moscow, 2019.]

Селивановский, 1932 – Селивановский А. Поэт и революция: О творчестве Бориса Пастернака // Литературная газета. 1932. 5 декабря. № 55 (224). С. 1, 4. [Selivanovskii A. Poet and revolution: On Boris Pasternak's work. *Literaturnaya gazeta*. 1932. December 5. No. 55 (224). Pp. 1, 4. (In Rus.)]

Сергеева-Клятис, 2010 – Сергеева-Клятис А.Ю. Тоска по автобиографии: К теме «Пастернак и Ходасевич» // *Russian Literature*. 2016. Т. 83–84. С. 41–53. [Sergeeva-Klyatis A.Yu. Longing for an Autobiography: Pasternak and Khodasevich. *Russian Literature*. 2016. Vol. 83–84. Pp. 41–53. (In Rus.)]

Сергеева-Клятис, 2016 – Сергеева-Клятис А.Ю. Сумерки свободы: Борис Пастернак в критике 1920-х годов. М., 2016. [Sergeeva-Klyatis A.Yu. Sumerki svobody: Boris Pasternak v kritike 1920-kh godov [The twilight of freedom: Boris Pasternak in criticism of the 1920s]. Moscow, 2016.]

Сергеева-Клятис, 2017 – Сергеева-Клятис А.Ю. «Ощущения младенчества»: К теме «Пастернак и Ходасевич» // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2017. Т. 18. № 1. С. 245–257. [Sergeeva-Klyatis A.Yu. “Feelings of infancy”: Pasternak and Khodasevich. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*. 2017. Vol. 18. No. 1. Pp. 245–257. (In Rus.)]

Сергеева-Клятис, 2021 – Сергеева-Клятис А.Ю. «Переключаться Пушкиным»: Ходасевич и Пастернак о массовой и элитарной поэзии // *Литературный факт*. 2021. № 1 (19). С. 325–334. [Sergeeva-Klyatis A.Yu. “Talk with Pushkin”: Khodasevich and Pasternak on mass and elite poetry. *Literturnyi fakt*. 2021. No. 1 (19). Pp. 325–334. (In Rus.)]

Терапиано, 1926 – Терапиано Юрий. Два начала русской современной поэзии // *Новый дом*. 1926. № 1. С. 21–31. [Terapiano Yu. Two beginnings of Russian modern poetry. Two basis of modern Russian poetry. *Novyi dom*. 1926. No. 1. Pp. 21–31. (In Rus.)]

Терапиано, 2014 – Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974). Эссе, воспоминания, статьи. СПб., 2014. [Terapiano Yu. Literaturnaya zhizn russkogo Parizha za polveka (1924–1974). Esse, vospominaniya, stati [Half-a-century of the literary life of Russian Paris (1924–1974). Essays, memories, articles]. St. Petersburg, 2014. (In Rus.)]

Успенский, 2014 – Успенский П.Ф. «Лиры лабиринт»: Почему В.Ф. Ходасевич назвал четвертую книгу стихов «Тяжелая лира»? // *Лотмановский сборник*. 2014. Вып. 4. С. 450–467. [Uspenskii P.F. “Lyra’s Labyrinth”: Why V.F. Khodasevich called the fourth book of poems “Heavy lyre”? *Lotmanovskii sbornik*. 2014. Vol. 4. Pp. 450–467. (In Rus.)]

Ходасевич, 1926 – Ходасевич В. Заметки о стихах (конкурс «Звена») // *Дни*. 1926. 14 марта. № 954. С. 3. [Khodasevich V. Notes on poetry (literary competition of “Zveno” magazine). *Dni*. 1926. March 14. No. 954. P. 3. (In Rus.)]

Ходасевич, 1934 – Ходасевич В. Съезд советских писателей // *Возрождение*. 1934. 13 сентября. № 3389. С. 4. [Khodasevich V. Congress of Soviet writers. *Vozrozhdenie*. 1934. September 13. No. 3389. P. 4. (In Rus.)]

Ходасевич, 1937 – Ходасевич В. Книги и люди. «Жребий Пушкина», статья о. С.Н. Булгакова // *Возрождение*. 1937. 3 сентября. № 4094. С. 9. [Khodasevich V. Books and people. “Pushkin’s fate”, the article by Father S.N. Bulgakov. *Vozrozhdenie*. 1937. September 3. No. 4094. P. 9. (In Rus.)]

Ходасевич, 2009 – Ходасевич В.Ф. Собр. соч. в 8 т. Т. 1. М., 2009. [Khodasevich V.F. *Sobranie sochineniy v 8 t.* [Collected works in 8 vols.]. Vol. 1. Moscow, 2009.]

Ходасевич, 2010 – Ходасевич В.Ф. Собр. соч. в 8 т. Т. 2. М., 2010. [Khodasevich V.F. *Sobranie sochineniy v 8 t.* [Collected works in 8 vols.]. Vol. 2. Moscow, 2010.]

Цветаева, Пастернак, 2017 – Цветаева М.И., Пастернак Б.Л. Через лихолетие эпохи...: письма 1922–1936 годов. М., 2017. [Tsvetaeva M.I., Pasternak B.L. *Chrez liholetie epokhi...: pisma 1922–1936 godov*. M., 2017.]

likholetie epokhi...: pisma 1922–1936 godov [“Through the hard times of the era...”: Letters of 1922–1936]. Moscow, 2017.]

Черкасов, 2018а – Черкасов В.А. В.Ф. Ходасевич, «Гулливер» и советский миф о Горьком // Литературный факт. 2018. № 7. С. 331–348. [Cherkasov V.A. Vladislav Khodasevich, “Gulliver” and the Soviet myth of Gorky. *Literaturnyi fakt*. 2018. № 7. Pp. 331–348. (In Rus.)]

Черкасов, 2018б – Черкасов В.А. Кто был автором рубрики «Литературная жизнь в России» в газете «Дни»? (к проблеме генезиса «Литературной летописи» Гулливера) // Эпоха «великих потрясений» в литературе, языке и культуре («Фетовские чтения»): Материалы Международной научной конференции. Курск, 2018. С. 166–172. [Cherkasov V.A. Who was the author of the heading “Literaturnaya zhizn v Rossii” in newspaper “Dni”. *Epokha «velikikh potryasenii» v literature, yazyke i kulture («Fetovskie chteniya»)*. Kursk, 2018. Pp. 166–172. (In Rus.)]

Чуковский, 1935 – Чуковский К. Единоборство с Шекспиром // Красная новь. 1935. № 1. С. 182–196. [Chukovskii K. A duel with Shakespeare. *Krasnaya nov*. 1935. No. 1. Pp. 182–196. (In Rus.)]

Яковлева, 2006 – Яковлева К. Литературная критика В.Ф. Ходасевича в газете «Возрождение»: к проблеме канонического текста и атрибуции // Текстология и историкоисследование в XX веке: Материалы международной научной конференции. СПб., 2006. С. 142–148. [Yakovleva K. Literary criticism of V.F. Khodasevich in the newspaper “Vozrozhdenie”: On the problem of the canonical text and attribution. *Tekstologiya i istochnikovedenie v XX veke*. St. Petersburg, 2006. Pp. 142–148. (In Rus.)]

Яковлева, 2008 – Яковлева К.В. Мемуары Андрея Белого глазами Владислава Ходасевича и Гулливера // Андрей Белый в изменяющемся мире: к 125-летию со дня рождения. М., 2008. С. 418–425. [Yakovleva K.V. Memoirs of Andrei Bely through the eyes of Vladislav Khodasevich and Gulliver. *Andrei Belyi v izmenyayushchemsya mire: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow, 2008. Pp. 418–425. (In Rus.)]

Яковлева, 2007 – Яковлева К. Ходасевич и «Гулливер»: документальные источники атрибуции авторства // Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2007. Вып. 18. С. 107–110. [Yakovleva K. Khodasevich and “Gulliver”: Documentary sources for the attribution of authorship. *Russkaya filologiya*. Tartu, 2007. No. 18. Pp. 107–110. (In Rus.)]

Livak, 2005 – Le Studio franco-russe. Textes réunis et présentés par L. Livak. Sous la rédaction de G. Tassis. Toronto, 2005.

Статья поступила в редакцию 19.10.2021

The article was received on 19.10.2021

Об авторе / About the author

Закрыжевская Елена Андреевна – кандидат филологических наук; независимый исследователь, г. Москва

Elena A. Zakryzhevskaya – PhD in Philology; independent researcher, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1048-0768>

E-mail: elenazakryzhevskaya@gmail.com

И.Е. Лоцилов¹, И.С. Полторацкий²

¹ Институт филологии Сибирского отделения РАН, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация

² Новосибирский государственный университет, 630090 г. Новосибирск, Российская Федерация

О поэме Алексея Ачаира «Казачи»

Статья посвящена поэме харбинского поэта Алексея Ачаира (Грызова; 1896, Омск – 1960, Новосибирск) «Казачи», завершённой автором в ноябре 1927 г. Она была издана дважды в 1929 г. в труднодоступных для современного читателя изданиях: в двух выпусках сборника «Вольная Сибирь» (Прага) и в газете «Русское слово» (Харбин). Забытая поэма заслуживает внимания как случай раннего подражания поэмам Марины Цветаевой, в первую очередь – «Крысолову», а также как развернутое сочинение, отражающее областнические умонастроения периода «бури и натиска» кружка «Молодая Чураевка», основателем и идеологом которого был её автор. Это самое большое по объёму и самое значительное по масштабу сочинение Ачаира, единственная поэма, опубликованная при его жизни. Ачаир воспроизвел характерные приемы поэтики «большой формы» Цветаевой и попытался поставить их на службу задаче пропаганды сибирского областничества. Наряду с определённым художественным строем поэмы влиянием Цветаевой, в ней слышны и отголоски советской «левой» авангардной поэзии (Хлебников, Маяковский, Сельвинский), что делает общее впечатление от поэмы мозаичным.

Ключевые слова: Алексей Ачаир, Марина Цветаева, литература русской эмиграции, литературные влияния, поэма, русский Китай, Харбин

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда в рамках научного проекта № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Выражаем признательность В.А. Росову (Москва) за сообщение важных архивных сведений и разрешение включить их в статью.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лоцилов И.Е., Полторацкий И.С. О поэме Алексея Ачаира «Казачи» // Рема. Rhema. 2022. № 1. С. 33–56. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-33-56

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-33-56

I.E. Loshchilov¹, I.S. Poltoratsky²

¹ Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

² Novosibirsk State University, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

On Alexei Achair's narrative poem “The Cossacks”

The article is devoted to the narrative poem “The Cossacks” by the Harbin poet Alexei Achair (Gryzov; b. 1896, Omsk – d. 1960, Novosibirsk), completed by the author at the end of 1927. It was published twice in 1929 in hard-to-reach publications for today's reader: in two issues of the collection “Free Siberia” (Prague) and in the newspaper “Russian Word” (Harbin). The forgotten poem deserves attention as a case of early imitation of Marina Tsvetaeva's poems, primarily “The Pied Piper”, and also as a detailed essay reflecting the regional mentality of the “Sturm-und-Drang” period of the “Young Churaevka” circle. In addition, this is the largest in volume and the most significant work of Achair, and the only poem published during his lifetime. Achair reproduced the characteristic techniques of Tsvetaeva's “grand form” poetics and tried to put them at the service of the propaganda of Siberian regionalism. Along with Tsvetaeva, whose poetics determined the structure of Achair's text, the echoes of Soviet poetry (Khlebnikov, Mayakovsky, Selvinsky) are also heard, which makes the overall impression of the poem mosaic.

Key words: Alexey Achair, Marina Tsvetaeva, Russian literature in emigration, literary influences, narrative poem, Russian China, Harbin

Acknowledgments: Research is financially supported by the grant of Russian Science Foundation No. 19-18-00127 “Siberia and the Far East of the first half of the 20th century as a space for literary transfer”.

We express our gratitude to V.A. Rosov (Moscow) for reporting important archival information and permission to include them in the article.

FOR CITATION: Loshchilov I.E., Poltoratsky I.S. On Alexei Achair's narrative poem "The Cossacks". *Rhema*. 2022. No. 1. Pp. 33–56. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-33-56

Журналистка Евгения Сентянина, мать поэта Валерия Перелешина, писала в харбинском журнале «Рубеж» (1940. № 24) об Алексее Ачаире (Алексее Алексеевиче Грызове; 1896–1960) и его поэзии:

Легко, широкой струей, не знающей порогов, льется вдохновение Ачаира. Он быстро вдохновляется, подчас незаметными мелочами. Для всякого – пустяк, а для Алексея Ачаира – событие, толчок, способный всколыхнуть душу до потаенных глубин. Его творчество стихийно, буйно.

Свое направление Ачаир определяет как «лирическую романтику» и прибавляет: «к сожалению». Да, в нем есть нечто сродни Северянину, но есть что-то и цветаевское. Но тематика его неисчерпаема, его тема – сама жизнь; чувство его непосредственно [Цит. по: Эфендиева, 2012, с. 234].

«Что-то цветаевское» слышно и в некоторых из стихотворений Ачаира, но в наиболее сильной степени проявилось оно в самом объемном из дошедших до нас сочинений поэта – в его поэме «Казак». Ачаир подражал в своем литературном творчестве и Северянину, и Гумилеву, и Кузмину, и Блоку, и Вертинскому – иногда удачно, иногда менее убедительно, но сквозь его поэтический текст всегда как бы «просвечивает» текст-источник¹. Он был исключительно плодовит: едва ли в каждом выпуске нескольких харбинских изданий публиковались его новые стихотворения.

¹ Петр Пильский и 12 лет спустя после «Казак» писал в рижской рецензии на сборник «Тропы» [Ачаир, 1939]: «Даровитость Ачаира несомненна: по праву он пользуется на Дальнем Востоке большой известностью. Сюда его голос как-то не доносился, и об этом можно пожалеть: Ачаир достоин большей известности. <...> Кое-что не понравилось. Пора бы расстаться с колобинами, пьереттами, со всем этим давно прискучившим стадом изукрашенных лентами барашков, будто сорвавшихся с пасхального стола» [Пильский, 1939, с. 6]; Сергей Осокин в общей рецензии на 4 поэтические книжки того же года: «При чтении все время нельзя отделаться от досадливой двойственности – стихи были бы совсем хороши, если бы... <...> если бы Ачаир, человек безусловно одаренный, хоть на время забыл о том, что он “поэт”, и что “кто-то ему ласково приказывает”: “– Пиши! И я пишу про бред и небыль / Сомнамбулической души» [Осокин, 1939, с. 199].

Его муза была щедрой. Он писал чуть ли не по стихотворению в день. Для меня Алексей Алексеевич был верным другом, старшим братом, который многое понимал без слов. Свои стихи Ачаир читал всегда слегка нараспев и любил декламировать их под музыку собственного сочинения [Резникова, 1988, с. 391].

«Визитной карточкой лиры поэта» [Штейн, 1997, с. 141] по сей день остаются его ранние строки, выдержанные в тональности Надсона и Некрасова. В этих строках эмигранты Востока и Запада легче узнавали свидетельство о своей судьбе и о «миссии российского исхода» [Там же, с. 140], чем в «рваном стихе» [Могиланский, 1930, с. 6] «Казак», и запомнили имя их автора:

*Не сломала судьба нас, не выгнула,
Хоть пригнула до самой земли.
А за то, что нас Родина выгнала –
Мы по свету ее разнесли.*

[Ачаир, 1925, с. 70]²

9 апреля 1928 г. Ачаир писал из Харбина известному идеологу и деятелю сибирского областничества, редактору выходивших в 1927–1930 гг. в Праге сборников «Вольная Сибирь» Ивану Александровичу Якушеву (1884–1935):

Посылаю Вам с этим письмом свою поэму «Казак». И большая к Вам просьба, посодействуйте мне. Она – первая областническая сибирская поэма. Нельзя ли ее устроить в «Волю России» к июню месяцу – годовщине 1918–<19>28. Марина Цветаева в Праге? Быть может, Вы ее ей покажете? Я не знаком с Цветаевой, но очень хотел бы с ней познакомиться. Ее поэзия мне так близка. Сговоритесь с журналом и о гонораре. Я буду Вам чрезвычайно признателен. Может быть, если эта вещь заслуживает внимания, ее можно издать отдельным выпуском? И м<ожет> б<ыть> с иллюстрациями... У Вас ведь есть сибирские казаки, они должны знать обстановку семиречья и станиц по линии...

Эта поэма – часть меня. В ней – моя вера в Сибирь и в сибиряков. Передайте мой поклон всем сибирякам в Праге³.

² В текст «Казак» инкорпорированы другие три строфы этого знаменитого стихотворения, «По странам рассеяния (Эмигранты)» [Ачаир, 1929, с. 38–39].

³ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–5870. Оп. 1. Д. 156 (Общество Сибиряков в Чехословацкой республике. 1926–1935). Л. 19–19 (об.).

Ни в журнале «Воля России», ни в виде отдельного издания поэма Ачаира не была выпущена, однако в 1929 г. Якушев опубликовал ее в двух выпусках «общественно-литературного и экономического сборника» «Вольная Сибирь» [Ачаир, 1929]. Примерно тогда же поэма вышла еще один раз, в харбинской газете «Русское слово» (выпуск от 15 мая 1929 г.) [Бузуев, 2001, с. 393]. В новейшие издания наследия поэта [Ачаир, 2004; 2009] она не включалась. Фрагменты были воспроизведены в посвященном Ачаиру миниатюрном издании под заголовком «“Всеначального войска сибирского круг...”» (Отрывки из поэмы “Казаки”)» [Ачаир, 2013, с. 154–174]. Авторы этой статьи подготовили к переизданию полный текст и включили его в качестве приложения в состав посвященной поэме публикации [Лощилов, Полторацкий, 2021, с. 290–332]⁴.

В первую очередь поэма интересна как случай раннего (можно сказать, оперативного) подражания большим поэмам Марины Цветаевой.

Из ряда довольно многочисленных, как всегда в творчестве Ачаира, литературных влияний, стержневым в «Казаках», завершенных в середине ноября 1927 г., несомненно, является цветаевское. Во-первых и в главных, это «Крысолов», публикация которого завершилась в начале 1926 г. («Воля России» (Прага), 1925, № 4–8; 1926, № 1), и «Поэма лестницы» (там же, 1926, № 11). Видны также следы знакомства с ее сказочными поэмами, которые выходили в виде отдельных изданий: «Царь-девица» (М., 1922) и «Молодец» (Прага, 1924). Сегодняшний читатель «Казаков» в первую очередь вспомнит цветаевский «Перекоп»: обе поэмы посвящены событиям Гражданской войны (у Цветаевой в Крыму, у Ачаира в Сибири), но говорить о влиянии было бы хронологической ошибкой: «Перекоп» был завершён 15 мая 1929 г. и не публиковался при жизни Цветаевой⁵.

Кроме того, дата завершения поэмы Ачаира – 14 ноября 1927 г. – близка ко времени создания «Молодой Чураевки». Литературный кружок, основанный Ачаиром в марте 1926 г., взял это название на собрании, состоявшемся в редакции «ХСМЛ журнала» 30 октября 1927 г. [Солодкая, 2006, с. 37–38]. Поэма отражает умонастроения Ачаира в период

⁴ Текст поэмы А. Ачаира «Казаки» далее цитируется по этой публикации, с указанием номера страницы в круглых скобках.

⁵ Справедливо отметил цветаевское влияние в стихотворении Ачаира «Маслянице», напечатанном в харбинском журнале «Рубеж» в 1928 г., Л.А. Мнухин заблуждался, возводя строки из «Казаков» «Чагин?.. – Васька?.. Ты?.. / Владимир!..» к стихотворению Цветаевой «Советским вельможей...» из цикла «Маяковскому» («– Здорово, Сережа! / – Здорово, Володя!» [Мнухин, 2000, с. 294–295; 2003, с. 86]: поэма Ачаира была написана и издана еще при жизни Маяковского, а цветаевский реквием был напечатан в лишь в последнем (№ 11–12) выпуске журнала «Воле России» за 1930 г.

чураевского *Sturm und Drang*⁶, когда на платформе ХСМЛ⁶ он возводил причудливое сооружение из общеэмигрантского евразийства, сибирского областничества и «Живой Этики» Николая и Елены Рерихов [см: Росов, 2009; 2018а, с, d; Забияко, 2007, с. 68–88; 2014, с. 249; Забияко, Крыжанская, 2010].

Владимир Слободчиков вспоминал о поэтической студии «Чураевки»:

В студии царила сугубо деловая атмосфера, и поначалу основное внимание уделялось вопросам стихосложения, изучались труды В. Брюсова («Основы стиховедения»), Б. Томашевского («Теория литературы»), В. Жирмунского («Теория стиха» и «Рифма, ее история и теория»), А. Белого («Символизм») и практическое руководство Н. Шульговского («Теория и практика поэтического творчества»). Объем знаний, которые стремились приобрести члены студии, значительно превосходил содержание соответствующих курсов филологических факультетов университетов. Хотя предполагалось, что теоретические знания должны быть приобретены всеми студийцами (чего, разумеется, в полной мере не было и не могло быть), главным в работе считалось владение поэтическим мастерством [Слободчиков, 2005, с. 142].

Возглавлял студийную работу поэт Николай Щеголев, в то время как серьезный уровень включенности самого Ачаира в штудии по теории и технике стиха вызывает сомнения. 28 марта 1927 г. он, например, писал Г.П. Гребенцову:

Работать все-таки надо: молодежи нужна поддержка, и поддержка ка моральная. Я сейчас редактирую маленький журнал юношеский

⁶ С 1924 г. Ачаир занимал пост старшего русского секретаря ХСМЛ (Христианский Союз Молодых Людей; то же, что YMCA – Young Men's Christian Association (англ.)). В ведомственной справке, сохранившейся в деле Ачаира в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), говорилось: «Официальная деятельность ХСМЛ. ХСМЛ является мировой организацией, имеющей свои отделения почти во всех странах мира. Официально задачей ХСМЛ является воспитание молодого поколения в духе христианства и культурная помощь тем странам, на территории которых находится ХСМЛ <...> Истинная цель существования ХСМЛ. В Маньчжу Ди-Го ХСМЛ является американской организацией. Здесь он выполняет две задачи: пропагандирует идеи, необходимые для политики Америки; содействует шпионской работе Америки в крае» [цит. по: Забияко, 2007, с. 75–76]. Показательна эпиграмма «темного гения» «Молодой Чураевки», поэта Николая Петереца (1907–1944):

*Вторники чураевские – гроб,
Где всегда прославленный в народе
Ачаир, американский поп,
Ныне областничество разводит.*

[цит. по: Волин, 1997, с. 227]

(имеется в виду «ХСМЛ журнал». – *И.Л., И.П.*), выходит ежемесячно по 40 страничек, и там молодежь из кружка при этом журнале (по возрасту 15–19 лет) – всего человек 20 – просила меня как-то обязательно написать Вам письмо и просить Вас ответить ей: что читать по теории художественной прозы и по версификации. Образцы? Была у меня, помню, Шебуева «Версификация», давно только... Да мне она не пригодилась, хотя, несомненно, многое я с удовольствием прочел. И главный их вопрос (так они меня и спросили): можно ли писать о Сибири? И как надо писать о Сибири, чтобы полно охватить всю Сибирскую Русь? Как мог – я им ответил. Мне не о чем думать, кроме Сибири. Хотя есть у меня и другие мечты и думы, но они – вечны, больше, шире, чем все земные страны [цит. по: Росов, 2009, с. 244].

Насколько можно судить по ответу, Гребенщиков не очень отчетливо представлял себе границы термина «версификация»:

Вот и давайте, открывайте там, в Харбине, отделение Чураевки – свой кусок земли, свой дом, своя инициатива, творчество – и теория, слова – прямо в действие, в веселую забаву.

И вопрос «о версификации» сразу получит разительный ответ: нет более прекрасного источника для художественной прозы, для стиха, для всех родов творчества, как деятельнейшее участие в каком-либо созидании, постоянное стремление что-то свое сделать лучше, красивее – и слова тогда берутся прямо из лучей солнца. <...>

Сказки, былины, сказания, лубочные песенники, народная речь прямо на базаре – вот где лучшая версификация прозы. А потом каждый дает свою манеру, свою музыку, только не надо никаких модернов, никаких погонь за эпохой – все это умирает через год-два и не оставляет даже следов. А вечное, а библейски-простое, эпически-спокойное будет вечно жить и увлекать, как бесконечный путь вперед, к неведомым горизонтам [цит. по Росов, 2009, с. 248–249].

Судя по воспоминаниям В.А. Слободчикова, эстетика и поэтика студийцев ориентировалась на модерн, но не на авангард, – не только в раннесоветском, но и более широком смысле, – к которому, несомненно, принадлежали поэмы Цветаевой:

Мы все отрицательно относились к футуристам с их псевдореволюционным энтузиазмом. Их декларация, опубликованная в сборнике «Пощечина общественному вкусу» и подписанная Бурлюком, Хлебниковым, Маяковским и Крученых с призывом «сбросить Пушкина, Достоевского и Толстого с парохода современности», не вызывала даже соболезнования.

Вычурность не пользовалась уважением студийцев, однако стихи нашего председателя Николая Щеголева с явными ее признаками привлекала аудиторию [Слободчиков, 2005, с. 145].

Наконец, поэма «Казаки» важна для понимания литературного пути самого Ачаира. Это самое крупное по объему и значительное по масштабу замысла из дошедших до нас сочинений поэта, единственная подготовленная им к печати поэма. Еще одна, «Борис Савинков», была найдена и опубликована В.А. Росовым [см.: Ачаир, 2013b; Росов, 2018b]; она отмечена определенным ее ритмико-интонационный строй влиянием Гумилева. Сохранившийся фрагмент его первой поэмы, «Огляда» (1922) [Ачаир, 2009, с. 368–372], свидетельствует о знакомстве автора с «Песней о Гайавате» в переводе Ивана Бунина. В письме к И.А. Якушеву от 15 марта 1930 г. Ачаир упоминал еще одно не дошедшее до нас, как и многие другие, из-за драматический перипетий жизни поэта, сочинение, относящееся к большой форме (поэма или цикл стихотворений): «Я хочу напечатать в “Воле России” мою полу-поэму: “Эй, люди!”, которую, м<ежду> пр<очим>, я посвятил Марине Цветаевой»⁷.

Говоря об «авторских интертекстах из “Крысолова”» в «Перекопе», О.Г. Ревзина писала: «Воздержимся от ответа на вопрос, насколько <...> переключка текстов двух поэм входила в сознательный замысел Цветаевой. Однако факт налицо: то, что на уровне внетекстовой действительности предстает как разное и оценивается по-разному, сквозь призму текста обнаруживает сходство» [Ревзина, 2009, с. 207–208]. Если сюжет в «Крысолове» поддерживается общеизвестной сказочной фабулой, то в «Перекопе» Цветаевой понадобилось обоснование последовательности глав в дневниковой природе их «первоисточника» («Последнего Перекопа не написала – потому что дневника уже не было, а сам перекопец <...> к Перекопу уже остыл» [Цветаева, 1997, т. 3, кн. 1, с. 178]). Ачаир внедряет в художественную ткань «Казаков» сюжет романного типа («роман в стихах»), однако в итоге читатель может составить лишь смутное представление об отношениях и перипетиях, связывающих персонажей: Владимира Чагина, Василия Ченцова, Любовь Сергеевну и Варвару.

Любопытно, что открывают цветаевский «Перекоп» строки, отсылающие к сибирской памяти (Чехословацкий корпус, тиф, Колчак):

– Каб не чех!
– Каб не тиф!
Кто-то: – эх!
Кто-то: – жив

⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р–5870. Оп. 1. Д. 156 (Общество Сибиряков в Чехословацкой республике. 1926–1935). Л. 37.

бы Колчак...
 Солнцепёк.
 Солончак.
 Перекоп –

Наш.

[Цветаева, 1997, т. 3, кн. 1, с. 148]

Допустимо (хоть и вряд ли вероятно), что в руки Цветаевой все же попала харбинская поэма – в рукописи, через Ивана Якушева, как просил Ачаир, не знавший о ее переезде во Францию в 1925 г. В таком случае это чтение могло стать импульсом к началу работы над «Перекопом» («Начат 1-го августа 1928 г. в Понтайяке (Жиронда) / Кончен 15 мая 1929 г., в Медоне» [Цветаева, 1997, с. 178]) – поэмой, которую можно было бы противопоставить творению подражателя. В казачьей поэме Ачаира, как, например, и в отвергнутом Цветаевой – редактором «Ковчеха» – стихотворении «Разлучная» поэта «Пражского скита» Александра Туринцева, отчетливо «угадывается влияние новой поэтики Цветаевой, ее напряженный синтаксис, назывные конструкции, задающие ритм, звуковое уподобление слов. Художественный прием, призванный найти новое выражение через возможности слова и синтаксиса, подчеркнув бесконечность значений поэтических форм, в “Разлучной” дискредитирует себя. <...> Накладывая вето на публикацию стихотворения, Цветаева избежала возможного параллелизма “Разлучной” со своими произведениями» [Егорова, 2013, с. 217].

Благодаря стихийно-протеическому характеру своей музыки, Ачаир достаточно точно воспроизводит поверхностные черты поэтики цветаевского «Крысолова» (и еще не написанного «Перекопа»), вплоть до графического оформления текста и пунктуационной бижутерии. Это, например, и членение слова на слоги с помощью окруженных пробелами тире, а не привычных дефисов (*– Шко – ля – ры!* или финальное *Лу – зы – ри у* Цветаевой [Цветаева, 1994–1995, т. 3, кн. 1, с. 102, 108]; *Се – ве – ря – на!* у Ачаира (295)), и сдвинутые вправо и взятые в скобки подобию театральных ремарок ((*Тоном заговора*), (*Сияясь выговорить*)) [Цветаева, 1994–1995, т. 3, кн. 1, с. 68]; ((*Вальс*), (*Буфет*), (*У стойки*)) у Ачаира (295, 297)).

Вместе с тем, художественная природа «Крысолова», кажется, вовсе не учитывается им.

Особенно наглядно это проявилось, например, в репликах рыночных зазывал из двух поэм; при внешнем сходстве «лирическая сатира» почти курьезным образом оборачивается евразийско-областнической идиллией:

– *Ó* – воци да с гряды!
 – *Сó* – вести для судьи!

Кур – ки-цесарки,
Невесты-перестарки,
Свежй, с постельки
Вдовицы-коротельки. <...>

Но – сы приплюснутые:
 – *Чего бы вкусенького?*
Ла – дошки – ширмочками:
 – *Чего бы жиренького?*

[Цветаева, 1997, т. 3, кн. 1, с. 62]

Поволжье и барки.
Товарки.
Сударки.
Пельмени горячи!
Пельмени горячи!

Самара. Сарепта.
Сарепта. Горчица.
А хлеб-то, а хлеб-то!..
Ползет, волочится...

(320)

Необычная рифма, требующая от читателя задуматься – на какой слог в звукоподражании приходится ударение? – несомненно, восходит к «Крысолову»:

Задрыгали – зашмыгали
пимами – как ежи.
У шапок уши: дрыг-дрыг-дрыг...
 – *Скажи-ка!.. расскажи!..*

(294)

Ред – ко – сти...
Хит – ро – сти...
 – *Кхе-кхе-кхе...*
 – *Кхи-кхи-кхи...* <...>

– *Грех-таки...*
 – *Стыд-таки...*
 – *Кхе-кхе-кхе...*
 – *Кхи-кхи-кхи...*

[Цветаева, 1997, т. 3, кн. 1, с. 63]

Перечисление «общих мест» школьной премудрости у Цветаевой –

*Гунны – конные, ножки гнуты.
В фунте двадцать четыре фута.
Плюс на минус выходит – плюс.
Цезарь – немец.
Сейчас проснусь.*

[Цветаева, 1997, т. 3, кн. 1, с. 101]

– отозвалось у Ачаира, кажется, в перечислении имен ученых, по книгам которых учились персонажи поэмы в Московском университете:

*Тóры-тóры...
разговоры.
Снег и ветер
на дворе.
А узоры-то
узоры
на завешанном
окне!*

*Полка. Книжки.
Фортунагов...
Иверонов.
Каблуков...*

*– Кика!
– Что надо?
– Чай скоро?
– Готов!..*

(316)

В поэме встречаются внутрисловесные переносы и другие, иной раз не лишённые оригинальности, вариации на темы поэтической техники поэм Цветаевой:

*На десятке сошлись,
а то ка-
тор-
га.
– Провокатор?
– Да!*

(309)

*– Рай – рай – ри-ри-ри!..
Рай – рай – ри-та-тай!..
Ах, Чагин... Вла-ди-мир!..
под-дай, брат, под-дай!*

(304)

*В зное – рек ли?
 В жаре – в пекле –
 по песку – казачья жизнь.
 Пыль – дорога гнется петлей.
 Подтянул подпругу – нет ли –
 – Са – ди – и – сь!..*

(293)

*У самой норы хвост волочил!..
 – Сво-ло-чи!..*

(307)

В тексте «Казачков» можно найти немало подобных случаев.

Важно помнить о мелодекламационной практике Ачаира, очаровавшей современников, особенно молодежь. Приведем два мемуарных свидетельства, авторы которых приводят в качестве примеров именно фрагменты поэмы «Казачки»:

Инициатором Чураевки был молодой казачий офицер, белопоходник, Алексей Алексеевич Грызов, писавший под псевдонимом Ачаир (Ачаир – сибирская станица, где он родился). Он был очень музыкален, сам подбирал к своим стихам музыку. Поэму «Казачки» он читал, аккомпанируя себе на рояли, легким задорным стаккато:

*Стукоток стукоток
 Топоток топоток
 На восток...*

В музыке, в стихах, которые, казалось, лязгали как копыта на мерзлом снегу, слышалась летевшая на конях, не покорившаяся красным, казачья Сибирь.

Всеволод Иванов⁸, редактор большой газеты «Гун Бао», сам считавший себя поэтом, брюзжал:

– Язык дан человеку, чтобы выражать мысли, а не лязг копыт. <...> Хрупкий, несмотря на свой высокий рост, белокурый и голубоглазый, типичный северянин, Ачаир мало напоминал сибирского казака – они большей частью коренастые, смуглые, черноволосые. Застенчив он был, как девушка, на эстраде Чураевки выступал не так часто, вероятно – из деликатности, чтобы не получалось, что «хозяину аплодируют в силу его хозяйского положения». Гораздо чаще слышала

⁸ Имеется в виду писатель, поэт и журналист Всеволод Никанорович Иванов (1888–1971), тезка автора повести «Бронепоезд 14-69».

я его на других вечерах, куда его приглашали нарасхват [Крузенштерн-Петерс, 1968, с. 51].

Внешний облик поэта помню отлично. Это был довольно высокий, белолицый, очень мягкий, безусловно вежливый человек. Из-за какой-то контузии во время гражданской войны у него бегали глаза, и гимназисты тоже от него бегали, ибо не любили его многословных поучений о пользе добра.

Таким же – многословным, утомительным, но чистейшим человеком был Ачаир и в своих стихах, которые, впрочем, выигрывали при чтении их под аккомпанемент рояля. Ачаир сам подбирал к ним музыку, и завсегдатаи открытых вечеров Чураевки (по вторникам) очень любили его «Пичугу», «Тянь-шань», «Стукоток-топоток»⁹ [Перелешин, 1972, с. 5].

У поэмы нашлись поклонники в эстетически консервативной среде старых областников: «Известный государственный деятель, агроном и сибиряк И.К. Окулич <(1871–1949)>, проживавший в эмиграции в Канаде, отозвался на эту публикацию в письме к Якушеву от 21 декабря 1929 года: “Стихи Грызова удивительны. В первый момент кажутся набором слов, какой-то декаденщиной, а потом улавливаешь целую картину”» [Росов, 2018с, с. 85].

Газетные рецензенты были менее доброжелательны:

Что сказать о «Казаках» А. Ачаира, названных «поэмой». Написана она рваным стихом, искусственным и иногда искусным, но, в общем, это манера, и манера скучная. Но некоторые картинки, написанные мазками, вышли удачными из-под пера несомненно талантливого автора. Больше бы ему простоты, вместо погони за модернизмом [Могилянский, 1930, с. 6].

Парижский рецензент не удостоил поэму даже упоминанием имени ее автора¹⁰: «невразумительная, щелкающая короткими строками, как горохом, длиннейшая поэма “Казаки”, вольные упражнения по образцам Маяковского» (К. [Рец. на:] «Вольная Сибирь» <VI–VIII> // Возрождение [La Renaissance] (Париж). 1930. Vol. 5. № 1674. 1 янв. С. 5).

⁹ «Тянь-шань», «Стукоток-топоток» – несомненно, отрывки из «Казаков»; стихотворение «Пичуга» («О, я в Испании не был...», 1930) Ачаир включил в свою книгу «Тропы» [Ачаир, 1939, с. 52–53].

¹⁰ Поэма и ее автор полностью были названы в анонсе, сообщавшем о выходе в свет пятого выпуска «Вольной Сибири» («Возрождение» [Париж], 1929. Vol. 4. № 1424. 26 апр. С. 5).

«Возрождение» вообще выражало скепсис по поводу направления издания – в тоне, напоминающем литературную колонку Гулливера (общий псевдоним В.Ф. Ходасевича и Н.Н. Берберовой):

В Праге выходит на русском языке альманах или литературный сборник «Вольная Сибирь». Тон альманаху дают сибиряки-областники, требующие автономии или даже государственной самостоятельности. Так, некто г. Якушев пишет в последнем номере: «Сибирское областничество не предрешает вопроса о путях имперского строительства. Оно одинаково способно удовлетвориться и на путях сложного унитарного государства, с предоставлением Сибири автономии, как и на путях союзного государства, с предоставлением ей прав штата или частного государства. <...> Вот почему мы являемся не только республиканцами и демократами, но вместе с тем и федералистами. Ибо путь федерации дает все преимущества объединения национальностей и областей России, без тех недостатков централизованного, механического объединения, чем сильно страдала царская Россия, и о чем так много в свое время писали старые областники». Не знаем, от имени кого г. Якушев говорить это «мы» и какие силы¹¹ за «мы» скрываются. Возможно даже, что и ничего не скрывается ([Без подписи] Печать // Возрождение [(La Renaissance) (Париж). 1930. Vol. 6, № 2024, 17 дек. С. 3).

В поэме встречаются лишь небольшие участки текста, в которых можно усмотреть «вольные упражнения по образцам Маяковского». Это касается преимущественно графического оформления стиха («лесенка», которая и у Маяковского, и у Цветаевой восходит к графике Андрея Белого), в то время как в интонации продолжает слышаться «что-то цветаевское»:

¹¹ Несмотря на мистический смысл, вкладываемый Ачаиром в понятие «Сибирские силы», в его переписке с Гребенчиковым заходит речь и об установочном докладе Л.Д. Троцкого «О Сибири» [см.: Тоцкий, 1927; Росов, 2009, с. 255]. Об отзыве анонима Ачаир писал Якушеву 15 марта 1930 г.: «Между прочим, Тамара Андреева очень обижена на отзыв в “Возрождении”. На днях она с присущим ей энтузиазмом (или как иначе?) выражала мне свое возмущение по этому поводу. Впрочем, по адресу некоторых Европейских эмигрантских изданий у нас, восточников, нередко можно слышать такие эпитеты, вроде: “приют для хроников”, “убежище престарелых литераторов” и т. д. Но мы, здешние, конечно, б<ыть> м<ожет> уж слишком запальчивы» (Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5870. Оп. 1. Д. 156 (Общество Сибиряков в Чехословацкой республике. 1926–1935). Л. 37). Тамара Петровна Андреева (?–?) – харбинская поэтесса, принадлежавшая кружку «Акмэ»; в конце 1920-х гг. переехала в США.

Гук –
 Крик –
 Гук –
 Миг –
 День – лик.
 Лес пик...
 (325)

За именем Маяковского в парижской рецензии стоит некоторое обобщенно-пренебрежительное отношение к «новым веяниям» в поэзии.

Сегодняшние исследователи вспоминают в связи с «Казачками» имена Блока, Маяковского и Цветаевой, оценивая ее достоинства порой противоположным образом: «По масштабу литературного решения и идейному замыслу “Казачки” соперничают с блоковской поэмой “Двенадцать” (в одном случае изображена русская революция, в другом – Гражданская война), хотя любимым поэтом Ачаира является все-таки не Александр Блок, а Марина Цветаева» [Росов, 2018b, с. 72]. «В поэме А. Ачаира “Казачки”, написанной в стиле “Двенадцати” А. Блока, но отличающейся отсутствием художественной формы, единства стиля и беспомощным подражателем, рассказывается о попытках создания автономии в Сибири» [Барсукова, 2006, с. 69; 2008, с. 152]. Можно понять и принять, кажется, обе оценки. Поэма и сегодня способна произвести сильное впечатление – в ней явственно дышат «почва и судьба», но в первую очередь – благодаря отраженному свету открытий Цветаевой в области «большой формы». С другой стороны – знакомство с ее текстом способно вызвать досаду: поэту нередко изменяет «чувство слова», а несомненная вторичность и неудачно организованный сюжет оставляют скорее мозаичное, чем целостное впечатление.

Влияние «Двенадцати»¹², кажется, можно усмотреть лишь в той степени, в какой поэма Блока повлияла на судьбу лиро-эпических жанров в XX в.: совпадение «Товарищ! Гляди / В оба!» у Блока и «Выхлест – глаз / смотрит... / В оба!» у Ачаира (308) (курсив наш. – И.Л., И.П.)

¹² В письме от 7 сентября 1927 г. Гребенщиков наставлял Ачаира: «Так как мы Русские и нам понятнее русские пути познания блага, изучите жизнь Св. Сергия Радонежского, хотя бы по Ключевскому и по Борису Зайцеву, и Вам тогда станет ясно, что подвиг строителя Русской Общины Сергия есть тот же путь, которым шел космически-неподражаемый Общинник Будда. И лишь тогда станет во весь рост великий приход и подвиг Христа, истинное учение которого до наших дней не было применено в действительной жизни. И немногим из нас предстоит нести прекрасный подвиг насаждения царствия Божия на земле. Когда же мы научимся шире мыслить и обобщать, мы прекрасно поймем и “Двенадцать” А. Блока, у которого разбойников ведет Христос. Куда Он их ведет? – Очевидно, к мучительному, жуткому, но и сужденному сроку сметения с лица земли уродливых форм жизни и к открытию дверей в новую эпоху» [Цит. по: Росов, 2009, с. 255].

вряд ли дает основания для сопоставления. Вместе с тем, в отдельных участках большой поэмы без труда опознаваемы и другие, нецветаевские источники для подражания.

Начало главы II («В станице») неожиданно воспроизводит ритмико-интонационный и отчасти образный строй стихотворения Иннокентия Анненского «Снег» из «Трилистника ледяного» (1909):

*Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.*

[Анненский, 1990, с. 114]

*На морозце крепчатом –
ледяные пути
Со двора казачатам
надо коней вести.*

(293)

Особого разговора заслуживают другие влияния, так или иначе связанные с Маяковским и советской поэзией.

Это поэма Велимира Хлебникова «Настоящее», изданная в Москве в 1926 г., и поэма Ильи Сельвинского «Улялаевщина», отрывки из которой стали появляться в советской печати с 1925 г.

Отголоски полифонии блоковской поэмы «Двенадцать» если и слышны, то через раешник Хлебникова:

*Кто?
– Люди!
А, бог на блюде!
Подан.
– Бог на брюхе!
– С новым годом!
Пли!
Одною меньше мухой.
Пли!
Шашка сбоку!
– К сроку!
С глазами борова
Свинья в котле.
– Здорово.
Рази и грей!
В посылке – олово.
Священник!
– Милости просим!
– Алых денег
Бросим!*

[Хлебников, 1926, с. 12]

У Ачаира, в одной из самых «новаторских» глав («III. Вечер в военном лагере»):

(Карточная)

- *Семь пик!..*
- *Семь треф!..*
- *А я держу!..*
- *Ну – восемь!..*
- *Просим!..*

(Биллиардная)

- *В лузу... – Ловко!..*
- *Дуплетом в угол уложу...*
- *Прошу!..*
- *Ах, чтоб ее, чертовка!..*

(295)

«Сказка про Северяну» (персонификация Сибири), которую рассказывает в поэме Ачаира старик Ермолаич, написана, в подражание Сельвинскому, неурегулированным тактовым стихом «Улялаевщины». Видимо, оценив убедительность тактовика для поэтической передачи просторечия (или ритмико-интонационного впечатления, которое он производит), Ачаир смело переносит этот размер в главах II и XIV на имитацию характерных особенностей речи старого сибиряка Тихона Ермолаевича – правда, «разнося» длинный, как у Сельвинского, стих, на 2–3 короткие (как у Цветаевой) строки. Позволим себе при цитировании обозначить авторские границы стихов знаком дробки:

*А как встанет / во весь рост – / как встанет...
Сердце захлестнется – / ноги – хрупь.
Голова дурманится: / чешуйчатый хвост – / Господи, – достанет!..
Человек – / а валится – / в прорубь, / в глубь...*

(294)

В последней главе поэмы скинут и этот графический камуфляж:

*Вот твоя мать-то, Любава, к нам раз
из городу приехала – молодой еще –
Ермолаич-то созвал всех нас,
ну и ее, конечно – на сборище! <...>*

*А потом... теперь вот... Она да ты...
Да вот я... Старый с малым, да баба...
Говорится – друзья!.. Эх, отец, кабы!..
Да, ну где ж его взять-то? папу!..*

*«Казачи – точно птицы, им – летать да расти...»
 пел он мальчиком, эдак с тебя вот...
 Ну и вот – улетел. Свет – бескрайный, велик!..
 Ты вот мать береги!.. Любаву!..*

(330–331)

К знакомству с творчеством Сельвинского и других конструктивистов восходит у Ачаира, видимо, и задача имитации народной сибирской речи, которую он решил прямым наложением диалектных форм на восходящий к Анненскому двустопный анапест, что производит впечатление курьеза:

*Да старик Ермолаич,
 желто-серый – как снег:
 – Чо, аль сказку жалате?
 Рассказать вам, аль нет?*

(294)

Когда в «Перекопе» народную речь (*землячки сговариваются*) потребовалось передать Цветаевой – это получилось у нее и компактнее, и элегантнее, и убедительнее:

*Пот-то – наш,
 И власть – нам.
 Понимаешь?
 – Понимаю.*

[Цветаева, 1997, т. 3, кн. 1, с. 159]

В письмах к Р.Н. Ломоносовой (от 1 февраля 1930 г.)¹³ и к В.В. Рудневу (2 мая 1924)¹⁴ Марина Цветаева упоминала о некоем друге и корреспонденте из Харбина, не упоминая его имени. Скорее всего, она имела в виду Арсения Несмелова: «*Большая* просьба: т.к., очевидно, мои стихи “Ода пешему ходу” в С<овременных> З<аписках> не пойдут, верните мне их, пожалуйста, чтобы не про работа по переписке, – м<ожет> б<ыть> еще куда-нибудь пристрою, а нет – отправлю

¹³ «Есть у меня друг в Харбине. Думаю о нем всегда, не пишу никогда. Чувство, что из такой, верней, на такой дали всё само-собой слышно, видно, ведомо – как на том свете – что писать потому невозможно, что – не нужно. На такие дали – только стихи. Или сны» [Цветаева, 1994–1995, т. 7, с. 316]. В комментарии о харбинском друге говорится: «вероятнее всего, Несмелов Арсений (настоящие имя и фамилия Арсений Иванович Митропольский; 1889–1945) – поэт. Находился под влиянием Цветаевой, с которой, по ряду свидетельств, состоял в длительной переписке» [Там же, с. 343].

¹⁴ Корреспондент в Эстонии – Юрий Иваск. Свод сведений о контактах и пересечении Цветаевой с Арсением Несмеловым см. в развернутом комментарии: [Цветаева, 1994–1995, т. 7, с. 324–325]. См. также: [Забияко, 2012; Войтехович, 2018а, 2018б].

кому-нибудь из моих далеких корреспондентов (в Харбине, есть в Эстонии) которому это будет – радость» [Цветаева, 2016, с. 226].

Объединив вокруг задачи пропаганды областнических идей средствами поэзии наиболее «левые», авангардные тенденции как эмигрантской (Цветаева), так и советской (Сельвинский) поэзии, Ачаир не встретил, кажется, понимания ни в литературном, ни в «областническом» мирах, и этот опыт не получил продолжения ни в его собственной поэзии, ни у «птенцов» «Чураевского питомника». Нет сомнений, что, прочитав «Крысолова», он в полной мере оценил его новаторский потенциал – и решил поставить приемы поэтики Цветаевой на службу идеологической пропаганде (и в самом деле едва ли не по-маяковски) и своим педагогическим задачам (см. об этом: [Росов, 2018d], а также главу «“Здравствуй, племя младое” (Педагогическая и просветительская деятельность Ачаира» в [Забияко, 2007, с. 62–88]): привлечь литературную (и не только) молодежь к идеям и лозунгам сибирских областников. Опыт получил достаточно глухой резонанс и остался без продолжения, но «Казак» А. Ачаира, несомненно, являются своеобразным, даже уникальным в своем роде памятником русской словесности Тихоокеанского региона.

Библиографический список / References

Анненский, 1990 – Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии / Вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. А.В. Федорова. Л., 1990. [Annensky I.F. Stikhotvoreniya i tragedii [Poems and tragedies]. V. Fedorov (ed.). Leningrad, 1990. (In Rus.)]

Ачаир, 1925 – Ачаир. Первая: Книга стихов. Харбин, 1925. [Achair. Pervaja: Kniga stihov [The First: The book of poems]. Harbin, 1925.]

Ачаир, 1929 – Ачаир А. Казаки // Вольная Сибирь [Volná Sibiř] / Под общ. ред. И.А. Якушева. V. Общественно-литературный и экономический сборник [Veřejný, literární a hospodářský sborník]. С. 14–23; VI–VII. Литературно-общественный и экономический сборник [Literární, veřejný a hospodářský sborník]. С. 29–39. Прага, 1929. [Achair A. Kazaki. *Volná Sibiř*. I.A. Yakushev (ed.). V. Veřejný, literární a hospodářský sborník. Pp. 14–23.; VI–VII. Literární, veřejný a hospodářský sborník. Pp. 29–39. Praga, 1929. (In Rus.)]

Ачаир, 1939 – Ачаир А. Тропы: Стихи. Харбин, 1939. [Achair A. Tropy [Paths]. Harbin, 1939.]

Ачаир, 2004 – Ачаир А.А. Стихотворения: В 2 т. / Сост. Ю.А. Тарала. Сан-Франциско, 2004. [Achair A.A. Stikhotvoreniya [Poems]. In 2 vols. Ju.A. Tarala (ed.). San Francisco, 2004.]

Ачаир, 2009 – Ачаир А. Мне кто-то бесконечно дорог... Стихотворения / Сост. Ю.А. Тарала; Предисл. Е. Таскиной. М., 2009. [Achair A. Mne kto-to beskonечно dorog...: Stikhotvoreniya [Someone is infinitely dear to me..., Poems]. Ju. Tarala, E. Taskina (eds.). Moscow, 2009.]

Ачаир, 2013а – Ачаир А. Дорога к дому: Стихотворения, письма, документы / Сост. и предисл. А.А. Горшенина; Отв. ред. Н.И. Левченко. Новосибирск, 2013. [Achair A. Doroга k domu: Stihotvorenija, pisma, dokumenty [The road to home: Poems, letters, documents]. N.I. Levchenko (ed.). Novosibirsk, 2013.]

Ачаир, 2013б – Ачаир А.А. Борис Савинков: Поэма / Предисл. В.А. Росова // Сибирские огни. 2013. № 10. С. 124–132. [Achair A.A. Boris Savinkov: Poem. V.A. Rosov (ed.). *Sibirskie ognj*. 2013. No. 10. Pp. 124–132. (In Rus.)]

Барсукова, 2006 – Барсукова Н.А. Издательская и библиотечно-библиографическая деятельность общества сибиряков в Чехословакии: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. [Barsukova N.A. Izdatelskaja i bibliotечно-bibliograficheskaja deyatelnost obshchestva sibirjakov v Chekhoslovakii [Publishing, library and bibliographic activities of the Society of Siberians in Czechoslovakia]. PhD dis. Novosibirsk, 2006.]

Барсукова, 2008 – Барсукова Н.А. Литературно-художественные произведения на страницах альманаха «Вольная Сибирь» (Чехословакия, 1926–1935) // V Юдинские чтения: Материалы научно-практической конференции (Красноярск, 9–12 октября 2007 г.). Красноярск, 2008. С. 148–153. [Barsukova N.A. Literary and artistic works on the pages of the almanac “Volná Sibiř” (Czechoslovakia, 1926–1935). V *Judinskje chtenija: materialy nauchno-praktičeskoj konferencii* (Krasnojarsk, 9–12 oktjabrja 2007 g.). Krasnojarsk, 2008. Pp. 148–153. (In Rus.)]

Бузуев, 2001 – Хроника литературной жизни русского зарубежья: Харбин и Китай (1918–1945) / Сост. О.А. Бузуев // Литературоведческий журнал. 2001. № 15. С. 380–409. [Buzuev O.A. Chronicle of the literary life of the Russian diaspora: Harbin and China (1918–1945). *Literaturovedčeskij zhurnal*. 2001. No. 15. Pp. 380–409. (In Rus.)]

Войтехович, 2018а – Войтехович Р.С. «Переливчатые цвета и вы...»: Цветаева в поэзии Арсения Несмелова // «Свой» vs «Другой» в культуре эмиграции: Сб. ст. / Под ред. А.А. Данилевского, С.Н. Доценко. М., 2018. С. 91–102. [Voitekhovich R.S. “Iridescent colors and you...”: Tsvetaeva in the poetry of Arseny Nesmelov. «Svoij» vs «Drugoj» v kulture emigratsii. A.A. Danilevskij, S.N. Dotsenko (eds.). Moscow, 2018. Pp. 91–102. (In Rus.)]

Войтехович, 2018б – Войтехович Р.С. Цветаева и Китай // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 201–211. [Voitekhovich R.S. Tsvetaeva and China. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2018. Issue 16 (811). Pp. 201–211. (In Rus.)]

Волин, 1997 – Волин М. Гибель Молодой Чураевки // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 209. С. 216–240. [Volin M. Death of Young Churaevka. *Novyj zhurnal* (New-York). 1997. Issue 209. Pp. 216–240. (In Rus.)]

Егорова, 2013 – Егорова Кс. Об одном случае редакторской работы Марины Цветаевой // Русская филология. 24: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2013. С. 209–224. [Egorova Ks. On one case of editorial work by Marina Tsvetaeva. *Russkaja filologija*. 24. Tartu, 2013. Pp. 209–224. (In Rus.)]

Забияко, 2007 – Забияко А.А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. Благовещенск, 2007. [Zabijako A.A. Tropa sudby Alekseja Achaira [The path of fate of Alexei Achair]. Blagoveshhensk, 2007.]

Забияко, 2012 – Забияко А.А. «Мои это годы, моя это боль и судьба!» // Щеголев Н.А. Победное отчаянье: Собрание сочинений / Сост. А.А. Забияко и В.А. Резвого. М., 2014. С. 238–309. [Zabijako A.A. “These are my years, my pain

and fate!”. *Shhegolev N.A. Pobednoe otchajanye*. Collected works. A.A. Zabijako, V.A. Rezvuj (eds.). Moscow, 2014. Pp. 238–309. (In Rus.)]

Забяико, 2012 – Забяико А. А. Эхо ранней лирики М. Цветаевой в зрелом творчестве А. Несмелова: Метапозтика аналогий // 1910 – год вступления Марины Цветаевой в литературу: XVI Междунар. науч.-темат. конф. (Москва, 8–10 окт. 2010 г.): Сб. докл. / Сост. И.Ю. Белякова. М., 2012. С. 173–186. [Zabiyako A.A. Echoes of M. Tsvetaeva’s early lyrics in A. Nesmelov’s mature works: Metapoetics of analogies. 1910 – god vstupleniya Mariny Tsvetaevoi v literature. I.Yu. Belyakova (ed.). Moscow, 2012. Pp. 173–186. (In Rus.)]

Забяико, Крыжанская, 2010 – Забяико А.А., Крыжанская К.А. Переписка А. Ачаира и Г. Гребенщикова: Идеи «сибирского регионализма» в контексте индивидуальной религиозности харбинского поэта // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: Сб. материалов междунар. научно-практической конф. Вып. 9. Благовещенск, 2010. С. 197–219. [Zabiyako A.A., Kryzhanskaja K.A. Correspondence of A. Achair and G. Grebenshchikov: Ideas of “Siberian regionalism” in the context of the individual religiosity of the Harbin poet. *Rossija i Kitaj na dal’nevostochnyh rubezhah. Russkie i kitaytsy: regionalnye problemy etnokulturnogo vzaimodeystviya*. Issue 9. Blagoveshhensk, 2010. Pp. 197–219. (In Rus.)]

Крузенштерн-Петерец, 1968 – Крузенштерн-Петерец Ю.В. Чураевский питомник (О дальневосточных поэтах) // Возрождение [La Renaissance] (Париж). 1968. № 204. С. 45–70. [Kruzenshtern-Peterec Ju.V. Churaevsky nursery (About the Far Eastern poets). *Vozrozhdenie [The Renaissance]* (Paris). 1968. No. 204. Pp. 45–70. (In Rus.)]

Лоцилов, Полторацкий, 2021 – Лоцилов И.Е., Полторацкий И.С. «Первая областническая сибирская поэма...»: Алексей Ачаир, «Казачи» (1927) // Сюжетология и сюжетография. 2021. № 1. С. 281–337. [Loshchilov I.E., Poltoratskii I.S. “The first regional Siberian poem...”: Alexey Achair, “Cossacks” (1927). *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2021. No. 1. Pp. 281–337. (In Rus.)]

Мнухин, 2000 – Мнухин Л.А. Марина Цветаева и российские поэты Китая // Россияне в Азии: Литературно-исторический ежегодник (Торонто). 2000. № 7. С. 285–299. [Mnuhin L.A. Marina Tsvetaeva and Russian poets of China. *Rossijane v Azii: Literaturno-istoricheskij ezhegodnik [Russians in Asia: Literary and Historical Yearbook]* (Toronto). 2000. No. 7. Pp. 285–299. (In Rus.)]

Мнухин, 2003 – Мнухин Л. А. Марина Цветаева и российские поэты Китая // Марина Цветаева в XXI веке: XIII и XIV Цветаевские чтения в Болшево: Сб. докладов. М.; Болшево, 2003. С. 72–88. [Mnuhin L.A. Marina Tsvetaeva and Russian poets of China. *Marina Tsvetaeva v XXI veke: XIII i XIV Tsvetaevskie chteniya v Bolshevo*. Moscow; Bolshevo, 2003. Pp. 72–88. (In Rus.)]

Могиланский, 1929 – Могиланский Н. [Рец. на:] «Вольная Сибирь». Общественно-литературный и экономический сборник. VI–VII. Прага, 1929 г. С. 176. Приложение: «Сибирский архив». II. С. 51–102 // Сегодня (Рига). 1930. № 20, 20 янв. С. 6. [Mogiljanskij N. [Review of:] “Volnā Sibiř”. *Literární, veřejný a hospodářský sborník*. VI–VII. Praga, 1929. P. 176. Appendix: Siberian Archive. II. P. 51–102. *Segodnja* (Riga). 1930. No. 20. P. 6. (In Rus.)]

Осокин, 1939 – Осокин С. [Рец. на:] Н. Туроверов. Стихи. – Безансон, 1939 г.; Л. Хаиндрова. Ступени. Стихи. – Харбин, 1939 г.; А. Ачаир. Тропы.

Стихи. – Харбин, 1939 г.; А. Жемчужный. Северные отблески. Стихи. – Тяньцзинь, 1938 г. // Русские записки: Ежемесячный журнал (Париж). 1939. Кн. XVII, май. С. 199–200. [Osokin S. [Review of:] N. Turoverov. Poems. – Besançon, 1939; L. Khaandrova. Steps. Poems. – Harbin, 1939; A. Achair. Forest Paths. Poems. – Harbin, 1939; A. Zhemchuzhnyi. Northern reflections. Poems. – Tianjin, 1938. *Russkie zapiski: Ezhemesyachnyi zhurnal* (Paris). 1939. Issue XVII. Pp. 199–200. (In Rus.)]

Перелешин, 1982 – Перелешин В. Конец Алексея Ачаира // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1972. Vol. LXII. No. 22.825. С. 5. [Pereleshin V. The end of Alexei Achair. *Novoe russkoe slovo* (New-York). 1972. Vol. LXII. No. 22.825. P. 5. (In Rus.)]

Пильский, 1939 – П-ий П. [Пильский П.]. Тропы. Новая книга стихов Алексея Ачаира. Харбин. 1939 г. [Рец.] // Сегодня (Рига). 1939. № 106, 17 апр. С. 6. [P-ii P. [Pil'skii P.]. Paths. A new book of poems by Alexei Achair. Harbin. 1939. [Review]. *Segodnya* (Riga). 1939. No. 106. P. 6. (In Rus.)]

Ревзина, 2009 – Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М., 2009. [Revzina O.G. *Bezmernaja Tsvetaeva: Opyt sistemnogo opisaniya poeticheskogo idiolekta* [Tsvetaeva with no end. An experience of systemic description of poetic idiolect]. Moscow, 2009.]

Резникова, 1988 – Резникова Н. В русском Харбине // Новый журнал (Нью-Йорк). 1988. № 172–173. С. 385–394. [Reznikova N. In Russian Harbin. *Novyj zhurnal* (New-York). 1988. No. 172–173. Pp. 385–394. (In Rus.)]

Росов, 2009 – Росов В.А. «Полно охватить всю Сибирскую Русь»: «Молодая Чураевка» в письмах Георгия Гребенщикова и Алексея Ачаира // Новый журнал (Нью-Йорк). 2009. № 256. С. 239–263. [Rosov V.A. “To fully embrace the whole of Siberian Rus”: “Young Churaevka” in the letters of Georgy Grebenschikov and Alexei Achair. *Novyj zhurnal* (New-York). 2009. No. 256. Pp. 239–263. (In Rus.)]

Росов, 2018a – Росов В.А. «Во имя высших идеалов человечества»: Письма Алексея Ачаира в музей Рериха в Нью-Йорке (1932–1935) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2018. С. 40–53. [Rosov V.A. “In the Name of the highest ideals of mankind”: Letters from Alexei Achair to the Roerich Museum in New York (1932–1935). *Rossija i Kitaj na dalnevostochnyh rubezhah*. Issue 12. Russian emigration in China: The experience of the exodus. A.P. Zabijako, A.A. Zabijako (eds.). Blagoveshhensk, 2018. Pp. 40–53. (In Rus.)]

Росов, 2018b – Росов В.А. Алексей Ачаир: «Борис Савинков» (поэма) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2018. С. 72–84. [Rosov V.A. Alexey Achair: “Boris Savinkov” (poem). *Rossija i Kitaj na dalnevostochnyh rubezhah*. Issue 12. Russian emigration in China: The experience of the exodus. A.P. Zabijako, A.A. Zabijako (eds.). Blagoveshhensk, 2018. Pp. 72–84. (In Rus.)]

Росов, 2018с – Росов В.А. Стихи Алексея Ачаира для «Вольной Сибири» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2018. С. 85–96. [Rosov V.A. Poems by Alexei Achair for “Volná Sibir”. *Rossija i Kitaj na dalnevostochnyh rubezhah*. Issue 12. Russian emigration in China:

The experience of the exodus. A.P. Zabiako, A.A. Zabiako (eds.). Blagoveshensk, 2018. Pp. 85–96. (In Rus.)]

Росов, 2018d – Росов В.А. Сибирская идея: от политики к педагогике. Письма Алексея Ачаира к А.В. Сазонову (1922–1925) для «Вольной Сибири» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. Благовещенск, 2018. С. 54–63. [Rosov V.A. Siberian idea: From politics to pedagogy. Letters from Alexey Achair to A.V. Sazonov (1922–1925) for “Volná Sibir’”. *Rossija i Kitaj na dalnevostochnyh rubezhah*. Issue 12. Russian emigration in China: The experience of the exodus. A.P. Zabiako, A.A. Zabiako (eds.). Blagoveshensk, 2018. Pp. 54–63. (In Rus.)]

Слободчиков, 2005 – Слободчиков В.А. О судьбе изгнанников печальной... Харбин. Шанхай. М., 2005. [Slobodchikov V.A. O sudbe izgnannikov pechalnoj... Harbin. Shanhaj [About the fate of the sad exiles... Harbin. Shanghai]. Moscow, 2005.]

Солодкая, 2006 – Солодкая М.Б. Издательская деятельность русской эмиграции в Китае (Харбин, Шанхай: 1917–1947): Дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2006. [Solodkaya M.B. Izdatelskaya deyatel'nost' russkoi emigratsii v Kitae (Kharbin, Shanhaj: 1917–1947) [Publishing activity of Russian emigration in China (Harbin, Shanghai: 1917–1947)]. PhD dis. Krasnodar, 2006.]

Троцкий, 1927 – Троцкий Л.Д. О Сибири: Речь на вечере сибиряков 28 февраля 1927 г. М., 1927. [Trotskii L.D. O Sibiri: Rech na vechere sibir'yakov 28 fevralya 1927 g. [About Siberia: Speech at the Siberians' evening on February 28, 1927]. Moscow, 1927.]

Хлебников, 1926 – Хлебников В. Настоящее; Альвэк [Израилевич И.С.]. Стихи; Силлов [В.А.] Библиография. М., 1926. [Khlebnikov V. Nastoyashchee; Alvek [Izrailevich I.S.]. Stikhi; Sillov [V.A.]. Bibliografiya [Khlebnikov V. Present; Alvek [Izrailevich I.S.]. Poems; Sillov [V.A.]. Bibliography]. Moscow, 1926.]

Цветаева, 1997 – Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. Кн. 1 / Сост., подгот. текста и коммент. А.А. Саакянц, Л.А. Мнухина. М., 1994–1995. [Tsvetaeva M.I. Sobr. soch. [Collected works]: In 7 vols. Vol. 3. Book 1. Moscow, 1994–1995.]

Цветаева, 2016 – Цветаева М.И. Письма 1933–1936 / Сост., подгот. текста Л.А. Мнухина. М., 2016. [Tsvetaeva M.I. Pisma 1933–1936 [Letters 1933–1936]. L.A. Mnukhin (ed.). Moscow, 2016.]

Штейн, 1997 – Штейн Э.А. Поэты русского Китая (Иконография) // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. Кн. 206. С. 138–180. [Stein E.A. Poets of Russian China (Iconography). *Novyj zhurnal* (New-York). 1997. Issue 206. Pp. 138–180. (In Rus.)]

Эфендиева, 2012 – Материалы к творческим биографиям харбинских литераторов: по страницам эмигрантской периодики / Сост., подгот. текстов и примеч. Г.В. Эфендиевой // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии: Сб. научн. работ / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2012. С. 226–266. [Efendieva G.V. Materials for creative biographies of Harbin writers: Through the pages of emigrant periodicals. *Russkii Kharbin, zapечатlennyy v slove*. Issue 5. Problems of source study and textual criticism. A.A. Zabiako, G.V. Efendieva (eds.). Blagoveshchensk, 2012. Pp. 226–266. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 26.11.2021
The article was received on 26.11.2021

Об авторах / About the authors

Лоцилов Игорь Евгеньевич – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск

Igor E. Loshchilov – PhD (Philology); Leading Researcher at the Sector of Literary Studies, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

E-mail: loshch@yandex.ru

Полторацкий Иван Сергеевич – ассистент кафедры истории и теории литературы Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет

Ivan S. Poltoratsky – Assistant at the Department of History and Theory of Literature of the Institute of Humanities, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

E-mail: ipoltora@gmail.com

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-57-85

А.А. СмирнитскаяИнститут востоковедения РАН,
107031 г. Москва, Российская Федерация

О семантических переходах с участием терминов родства в каннада: пути развития значений

В статье рассматривается система терминов родства в языке каннада с точки зрения семантической типологии. Теоретической основой работы является теория семантических переходов Анны А. Зализняк. При анализе семантической деривации терминов обнаруживаются реализации как частотных (например, *mother* → *main*), так и достаточно редких (как *green* → *child*, *mother* → *smallpox*), семантических переходов. На основании данных о направлении перехода и участвующей лексико-семантической области были выделены типы переходов, характерные для развития семантики терминов родства в каннада. Они связывают: термины родства и общие обозначения по полу и возрасту; термины родства и животных, растения; термины родства и предметный мир; термины родства и наименования человека (переходы, связанные со статусом, позицией в системе отношений); термины родства и качества, свойства; термины родства и название болезни; термины родства и обращения; термины родства и междометия; термины родства и абстрактные понятия; термины родства и другие термины родства; термины родства и названия действий. Отдельно рассматриваются случаи грамматикализации терминов родства, как *father* → суффикс, добавляемый к личным именам.

Ключевые слова: семантика, термины родства, семантическая типология, семантический переход, каннада, дравидийские языки

© Смирнитская А.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ 22-28-00072 «Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической лексики в языках Евразии».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Смирнитская А.А. О семантических переходах с участием терминов родства в каннада: пути развития значений // Рема. Rhema. 2022. № 1. С. 57–85. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-57-85

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-57-85

A.A. Smirnitskaya

Institute of Oriental Studies, RAS,
Moscow, 107031, Russian Federation

Kinship terms in Kannada: Semantic shifts and the ways of meaning change

The paper is dedicated to the investigation of kinship terms system in Kannada from the point of view of semantic typology. The theory of semantic shifts developed by Anna A. Zalizniak is the theoretical basis of the work. While analysing the semantic changes in kinship terms, we can trace both frequent and rare semantic shifts, for example, frequent shift *mother* → *main* and rather rare shifts *green* → *child*, *mother* → *smallpox*. We suggest the classification of semantic shifts in kinship terms in Kannada on the basis of shift direction and the semantic domains involved. The types of shifts are as follows: Kinship terms (KT) and general designations of sex and age; KT and animals, plants; KT and objects; KT and meanings describing status in a hierarchy; KT and qualities, properties; KT and the name of a disease; KT and abstract concepts; KT and terms of address; KT and interjections; KT and action names; KT and other kinship terms. The cases of grammaticalization (as in *father* → suffix added to personal names) are also considered.

Key words: semantics, kinship terms, semantic typology, semantic shift, Dravidian languages, Kannada

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant 22-28-00072 «Strategies for nomination in the field of basic zoo- and anthroponymic vocabulary in the languages of Eurasia».

FOR CITATION: Smirnitskaya A.A. Kinship terms in Kannada: Semantic shifts and the ways of meaning change. *Rhema*. 2022. No. 1. Pp. 57–85. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-57-85

1. Введение. Концептуальный аппарат семантических переходов

Понятие «семантический переход», обсуждаемое в работах Анны А. Зализняк, начиная со статьи 2001 г., в которой была предложена концепция «Каталога семантических переходов» [Зализняк, 2001], реализованная позже в Каталоге семантических переходов в языках мира [Datsemshif, 2021], является одним из центральных понятий семантической типологии. В рамках этого направления для описания подобных явлений в свое время использовались такие терминологические единицы, как semantic associations (Martine Vanhove), lexical change (Peter Koch), semantic affinities (Bernard Pottier), semantic parallelisms (Michel Masson) и другие (см. сборник [Vanhove, 2008]). В последнее десятилетие наблюдается тенденция к сближению исследований, направленных на изучение этого явления в рамках разных подходов – когнитивной лингвистики, лексической типологии, исторической и ареальной лингвистики (см. сборник «Лексическая типология семантических переходов» [Juvonen, Kortjevskaja-Tamm, 2016]), а также некоторая унификация используемой терминологии.

Вслед за Анной А. Зализняк, мы определяем «семантический переход» как наличие «концептуальной смежности между двумя языковыми значениями, проявляющейся в совмещении этих значений в пределах одного “слова в широком смысле”» [Зализняк, 2013, с. 33], – слова, понимаемого в двух временных планах: как синхронное единство слова с его полисемией и как единство слова, взятого в историческом развитии. Для постулирования семантического перехода принимаются во внимание совмещения значений, реализованные одним из следующих типов: синхронная полисемия, диахроническая семантическая эволюция, морфологическая деривация, когнаты и заимствования [Там же].

Описание семантического перехода в рамках данного подхода представляет собой пару лексических значений (представленных семантическими «ярлыками»), между которыми устанавливается отношение концептуальной смежности. Бинарное представление данного семантического отношения как пары «Значение-источник» + направление перехода + «Значение-цель» дает возможность построения теоретических связей, задействующих множество значений. Как пишет Анна А. Зализняк, «семантический переход как единица Каталога связывает между собой некоторые два значения из реально существующих многих;

это метаязыковой конструктор, и в таком качестве он не имеет ни хронологии, ни промежуточных этапов» [Зализняк, 2013, с. 41]. Именно такой уровень абстрагирования от конкретного наполнения этого конструктора позволяет найти новые типологические данные, новые закономерности, относящиеся к семантике понятия. Как например, уточнить этимологию др.-ирл. *aithech-2*, в сочетании *aithech tige* ‘муж, супруг’, в сопоставлении с др.-англ. *hús-bonda* (совр. *husband*), реализующих один и тот же вариант семантического развития ‘муж как хозяин дома’, см. [Михайлова, 2013].

Для описания значений в работе используются английские «ярлыки», как это принято в методологии семантических переходов. Для каждого ярлыка мы указываем представляющие его лексемы, описание значений этих лексем, атрибуцию формы к дравидийскому или заимствованному пласу лексике, по возможности приводим, откуда заимствование. Семантические ярлыки на английском языке могут быть однословные, как *green*, *brother* или *to float*, или состоящие из словосочетания, как *to close one's eyes*, *to decrease drastically* и др. [Datsemshift, 2021]. Отношение между значениями может иметь направление и быть ненаправленным. В каждом конкретном переходе направление устанавливается в зависимости от направлений реализаций в языках, при этом используются четыре критерия: синхронный, исторический, сравнительно-исторический и экстралингвистический [Руссо, 2019, с. 182]. Направление перехода указывается только в том случае, когда оно однозначно установлено, в остальных случаях ставится ненаправленное тире.

Реализацией перехода признаются семантические взаимосвязи, относящиеся к разным временным периодам развития языка, к одному синхронному «срезу» или к исторически последовательным языковым состояниям. В случае с каннада это также означает, что синхронная полисемия, как и семантическая эволюция, дравидийские по происхождению термины, как и заимствованные из санскрита, – все они могут быть реализацией семантического перехода. Подробное рассмотрение истории заимствования каждой лексемы, установление исторического периода, когда впервые появился семантический переход (было ли это в каннада или ранее в санскрите), является отдельной исследовательской задачей, которая не ставится в данной работе.

2. Термины родства в языке каннада

Термины родства (далее – ТР) – древний и чрезвычайно важный для человека раздел лексики. Они относятся к т.н. реляционной лексике, к «словам-отношениям», функция которых состоит в том, «чтобы указывать на какие-либо объекты (референты) через их отношения к другим, уже известным слушающему, объектам (коррелятам), см. например, [Ландер, 2000, с. 2]. Каждый термин родства описывает двустороннее

отношение между Эго и референтом термина родства, в котором могут быть также задействованы промежуточные персонажи, как в случае, например, «жена брата матери». В данной работе мы будем исследовать термины родства в семантико-типологическом аспекте, с точки зрения семантических переходов.

Объектом исследования в работе являются лексемы, выражающие значения отношений родства и примыкающие к ним (в том числе термины супружества и понятия *child* и *parent*, всего 15 исходных значений): *mother, father, sister, brother, daughter, son, grandfather, grandmother, uncle, aunt, cousin, child, parent, wife, husband*. Исходные рассматриваемые значения были далее уточнены: описываются отдельно дифференцируемые в дравидийских языках *uncle (father's brother)* и *uncle (mother's brother)*, *aunt (father's sister)* и *aunt (mother's sister)*, в свою очередь с дифференциацией по параметру старшинства: *elder brother* и *younger brother*, *elder sister* и *younger sister*. При употреблении понятия *cousin* далее уточняется, к какой он относится ветви: кросс-кузенов (*cross-cousin*) или параллельных кузенов (*parallel cousin*); какого пола; в рассмотрение принимается только ближайшая степень родства (*first cousins*).

Язык каннада входит в число четырех крупнейших дравидийских языков. Число говорящих на каннада исчисляется более 45 млн человек, в основном проживающих в южноиндийском штате Карнатака (каннада имеет статус официального языка этого штата), а также в штатах Махараштра, Андхра-Прадеш, Тамилнад, Керала, Гоа [Дубянский, 2013, с. 269]. Каннада относится к южной группе дравидийских языков по классификации М.С. Андропова [Андронов, 1978, с. 8] и к южнодравидийской подгруппе I по классификации Бх. Кришнамурти [Krishnamurti, 2003, с. 19].

Большое влияние на каннада оказывали в разные периоды его развития соседствующие индоарийские языки, прежде всего санскрит. Заимствованные из санскрита элементы оставались в использовании наравне с исконным дравидийским словарем.

Основным лексикографическим источником в работе является этимологический словарь [Učida, Rajarohit, 2013], дополненный другими ресурсами; также учитываются сведения, полученные при работе с носителем языка. Приоритет в описании отдавался данным словаря, комментарии носителя даются в сносках.

3. Система терминов родства каннада: исторический тип

При изучении развития терминологии родства, помимо значения самого термина, важно учитывать его системные свойства; значение термина родства меняется в зависимости от того, к какому типу системы терминов он относится.

Одним из существенных параметров исторической типологии систем терминов родства является группировка мужских родственников коллатеральных (боковых) линий родства в +1 поколении (поколении родителей). Именно она стала основой четырехчленной типологии систем родства, разработанной еще в 1920-х гг. Л.Г. Морганом и используемой до сих пор (см. [Попов, 2021]). Факторы, которые легли в основу этой классификации, – бифуркативность (различение родственников по линии отца и матери) и линейность (выделение прямой и боковой ветвей родства) в поколении Эго и его родителей [Там же].

В рамках этой классификации название «дравидийский» тип системы терминов родства, введенное Л.Г. Морганом, соотносится с названием «бифуркативно-сливающий» исторический тип¹. Важнейшими лексическими чертами «дравидийского» типа системы терминов родства являются слитность обозначения родителей и их однополых сиблингов; сближение обозначения параллельных кузенов (first cousins) и сиблингов того же пола; значимость относительного возраста внутри поколения. Также в системе проявляется традиция кросскузенного брака (см. подробнее [Смирнитская 2016, 2019а]).

Система родства каннада (рис. 1²) сохраняет основные черты «дравидийского» исторического типа систем терминов родства: слитность обозначения родителей и их сиблингов того же пола: *doḍḍamma* ‘старшая сестра матери’, букв. ‘старшая мать’ ~ *cikkamma* ‘младшая сестра матери’, букв. ‘младшая мать’; важность параметра «относительный возраст»: *aṅṅa* ‘старший брат’ ~ *tamma* ‘младший брат’; сопоставление материнской и отцовской родственных линий: *cikkappa* ‘father’s younger brother’ ~ ‘husband of mother’s younger sister’ и др. Как и в ближайшем родственнике – тамильском языке, – в системе каннада сохраняются лексические свидетельства бифуркативно-сливающего исторического типа системы терминов: важность «дяди по матери»; лексическое выражение кросс-кузенного брака: *tāta* ‘брат матери’ выражает также значение ‘отец мужа или жены’ и т.д.³

¹ Принятая в некоторых направлениях антропологии традиция именовать исторические типы по названиям языков, в которых они были обнаружены, приводит к терминологической путанице. «Дравидийский» исторический тип систем терминов родства никак не ограничивается народами, говорящими на дравидийских языках, он встречается также, например, в Северной Америке, где именуется «ирокезским», но более точное название – бифуркативно-сливающий.

² Необходимо понимать ограничения этого способа визуализации данных: диаграмма не может вместить все множество синонимов, однако дает представление об основных, наиболее употребительных, терминах.

³ При составлении диаграммы родства в данной работе была использована среда SILKin – свободное программное обеспечение, разработанное под лицензией OpenSource MIT license, в рамках Летнего Института Лингвистики (Summer Institute of Linguistics, SIL).

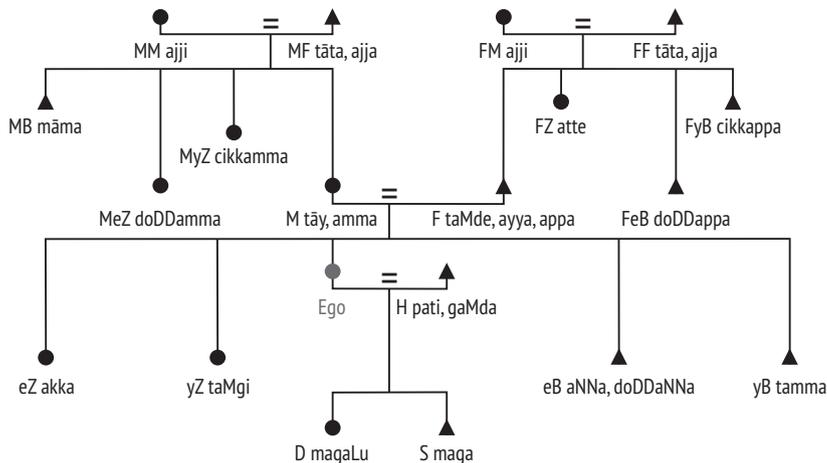


Рис. 1. Основные термины родства каннада, по [Učida, Rajapurohit, 2013]

Условные обозначения: треугольник – персонаж мужского пола, круг – женского; знак равенства означает брак; рядом с каждым названием позиции в системе подписана лексема, выражающая это значение в языке каннада. Серым цветом выделено Эго, в данной диаграмме женского пола.

Условные обозначения позиций родства: M – мать, F – отец, B – брат, Z – сестра, D – дочь, S – сын, MB – брат матери, FB – брат отца, FyB – младший брат отца, MeZ – старшая сестра матери, FF – отец отца, MF – мать отца, FM – отец матери, MM – мать матери и др.

Для передачи ретрофлексных согласных используются прописные буквы

Fig. 1. Basic Kannada kinship terms, according to [Učida, Rajapurohit, 2013]

Symbols: triangle – male character, circle – female; the equal sign means marriage; next to each position name in the system is a lexeme that expresses that meaning in Kannada. Ego (female in this diagram) is highlighted in grey.

Conventions for kinship positions: M – mother, F – father, B – brother, Z – sister, D – daughter, S – son, MB – mother's brother, FB – father's brother, FyB – father's younger brother, MeZ – mother's elder sister, FF – father's father, MF – mother's father, FM – father's mother, MM – mother's mother, etc.

Capital letters are used to convey retroflex consonants

Систему терминов родства каннада можно отнести к бифуркативно-сливающему историческому типу.

4. Семантические переходы, в которых участвуют термины родства: 'мать' и 'отец'

Рассмотрим подробно значения из лексико-семантического поля «термины родства»; в связи с ограничениями объема остановимся только на значениях, описываемых в данной работе с помощью английских «ярлыков» **mother** и **father**. Значение **mother** в каннада выражается лексемами *amma* 'мать', 'бабушка', 'уважительное обращение к женщине', '(местная) богиня', 'вдова', 'оспа', 'суффикс, добавляемый к имени женщины'; а также лексемами: *āyi, tāy, avva, abe, acci* 'мать'. Встречаются, помимо дравидийских по происхождению терминов, заимствованные лексические единицы санскритского происхождения. Для значения *mother* это лексемы *amṛu, janani* (от санскр. *jan* 'рождать', см. [Monier-Williams, 1899, p. 410]), а также *dhātri* 'мать', 'кормилица', 'земля' (букв. 'та, которая поддерживает', от санскр. корня *dhātṛ-* 'тот, который поддерживает, создатель, кормилец').

Мы можем говорить о семантических переходах, реализованных полисемией и диахроническим семантическим развитием: *mother* → (local) goddess, *mother* – grandmother, *to give birth* → *mother*, *mother* → widow, *mother* → term of respectful address to an (elder) woman, *mother* → wet-nurse, *mother* → earth. Морфологические дериваты также реализуют семантический переход *mother* → motherland: *tāynādu* 'отечество, родная страна' и *mother* → mother tongue: *tāyinuḍi* 'родной язык'. Здесь морфема в составе сложного слова, соответствующая корню 'мать', добавляет значение 'родной'. А также *mother* → main, реализованный дериватом *tāyibēru* 'основной, самый глубокий, корень растения' – здесь морфема *tāy-* 'материнский' добавляет значение 'основной'.

Значение **father** в каннада выражается лексемами дравидийского происхождения *taṇde* 'отец', 'обращение к старшему родственнику-мужчине с нежностью и уважением'; *ayu* 'отец', 'дед', 'священник или гуру', 'учитель', 'суффикс, прибавляемый к мужским именам', 'обращение к мужчине' (авторы словаря замечают тенденцию к замене этого обращения на «Sir» в городах, см. [Učida, Rajarurohit, 2013, p. 52]); *appa* 'отец', 'показатель уважения, добавляется после мужского имени'. В словаре указан отдельной статьей омоним 'междометие, выражающее удивление, боль или горе', однако типологическое сопоставление показывает аналогичные семантические переходы в тамильском и других дравидийских языках, ср. [Смирнитская, 2016, 2018], и схожий омоним еще на прадравидийском уровне [Starling, 2020]. Поэтому, как нам кажется, не следует расценивать этот случай как омонимию, это несомненно следствие полисемии, существовавшей в самый ранний период дравидийской истории. В этом значении также используются корни

санскритского происхождения *pita*, *janaka* ‘отец’ (корень *jan* ‘рождать’, ср. имя легендарного царя Джанаки, приемного отца Ситы в эпосе «Рамаяна», а также описание формы *janani* ‘мать’ выше).

Можно заметить, что некоторые из синонимов, обозначающих самых близких родных – отца и мать – фонетически сходны с лексемами с тем же значением в русском и других языках: *атта* ~ *мама*, *арра* ~ *пана*. Объясняется это происхождением этих терминов из т.н. «детской речи», или «детских слов» – словоформ, состоящих из артикуляционно наиболее простых в освоении фонем, которые раньше всего усваиваются детьми. Таковы основы с взрывными и сонорными согласными (лабиальными, а позже дентальными), с гласным среднего ряда и подъема, с повтором слогов (см. [Якобсон, 1985, с. 107]), ср. рус. *баба*, *тятя*, англ. *mom*, *tummy*, *dad*, *daddy* и т.д. Такие слова часто занимают в системе родства отдельную нишу, используются как аппелятивы и синонимически могут быть «парой» другому термину родства с референтным значением. Этой лексике свойственно сохранять свою артикуляцию с течением истории, на ней не действуют историко-фонетические закономерности, ср. [Эдельман, Молчанова, 2019, с. 125].

Можно говорить о семантических переходах, в которых участвует значение **father**: *father* → term of (respectful) address, *father* → interjection (of surprise, pain etc.), *father* – grandfather, *father* → teacher, *father* → priest or guru, to give birth → father, *father* → suffix added to personal names.

5. Анализ типов семантических переходов

Рассмотрим, какие типы можно выделить среди перечисленных семантических переходов, к каким когнитивным механизмам их можно возвести. В этом разделе мы описываем переходы с участием не только значений, описываемых ярлыками *mother* и *father*, но и остальных терминов родства из списка (см. п. 2). Интересную параллель данным канада представляют собой материалы архангельских говоров из работы И.Б. Качинской «Термины родства и языковая картина мира» [Качинская, 2018]. Эта работа организована совсем по иным принципам, но в сопоставлении видно, что характер семантических переходов терминов родства сходен. Различия наблюдаются как в связи с конкретно-языковыми и культурными особенностями, так и в связи с особенностями рассматриваемых данных: записи разговорного материала на диалекте в одном случае и данные толковых и этимологических словарей – в другом. Однако с точки зрения типологического подхода можно говорить о повторении, регулярном характере приводимых типов семантических переходов, или, как это называется у И.Б. Качинской, случаев «экстраполяции семантического кода родства» [Там же, с. 241].

Не всегда для конкретной реализации семантического перехода получается установить направление, в таком случае принимаются в рассмотрение данные других языков, а также соображения структурно-типологического характера; в частности, отнесение перехода к тому или другому типу производится по преимущественному направлению реализаций.

На основании рассмотрения данных каннада⁴, а также других дравидийских языков, см. [Смирнитская, 2016, 2018, 2019а, б], мы выделяем в материале терминологии родства каннада следующие типы семантических переходов в зависимости от того, какие значения связываются этим семантическим отношением с терминами родства.

1. ТР как значение – источник семантического перехода: ТР и общие обозначения по полу и возрасту; ТР и животные, растения; ТР и предметный мир; ТР и наименования человека: переходы, связанные со статусом, позицией в системе отношений; ТР и качества, свойства; ТР и название болезни; ТР и обращения; ТР и междометия; Грамматикализация ТР⁵.

2. ТР как значение – цель семантического перехода: ТР и общие обозначения по полу и возрасту; ТР и абстрактные понятия; ТР и наименования человека: переходы, связанные со статусом; ТР и названия действий.

3. ТР и значение-источник, и значение-цель: ТР и другие ТР (семантический синкретизм).

Возможна ситуация, когда направление перехода не ясно. Во многих случаях это переходы с участием абстрактных понятий, а также наименований по полу или возрасту. Для переходов третьего типа, описывающих случаи синкретизма, установление направления представляется нерелевантным.

Рассмотрим каждый из этих типов семантических переходов отдельно.

6. Термины родства как значение – источник семантического перехода

6.1. Термины родства и общие обозначения по полу и возрасту

Этот частотный в разных языках тип переходов связывает терминологию родства и общие обозначения человека на основании какой-либо из физиологических характеристик – пол и (абсолютный или относительный) возраст, или одновременно по двум характеристикам:

⁴ Полное описание способов выражения рассматриваемых переходов, мы, как было сказано выше, не приводим из соображений объема.

⁵ Раздел включен в список, однако в текущей версии базы данных DatSemshift грамматикализация не описывается.

grandmother → old woman, полисемия *ajji*

grandfather → old man, полисемия *tāta*

daughter → woman: полисемия *kanye*

daughter → girl: полисемия *kanye*

child → little baby, реализовано в каннада полисемией *hiḷḷu* (*hiḷḷe*), тж *hasu*, *kaṃḍa*, морфологическая деривация *hasuḡusu*

6.2. Термины родства и животные, растения

В семантических переходах этого типа сеть родственных отношений человека как бы «накладывается», или как пишет в своей работе И.Б. Качинская, «экстраполируется» на отношения между животными или между растениями. Эти переходы представляют собой чистое проявление языкового антропоцентризма:

child → child of any animal: полисемия *piḷḷa* (устар. *piḷḷu*, более частый вариант *piḷḷe*); полисемия *kaṅu* (основное значение ‘теленки, детеныш буйвола или коровы’); *ḍiṃpa* (из индоарийск. *ḍiṃbha* ‘new born child, young animal’)

wife → <female animal>, реализовано однокоренными формами *peṃṭati* ‘жена’ и *peṃṭe* ‘female of animals like horse, ass etc.’

daughter → Aloe vera (растение): полисемия *kumārike*, *Kanye* [‘Aloe vera (L.) N. Burman (Liliaceae)’ (растение и лекарство)]

6.3. Термины родства и предметы, объекты

В этом типе переходов термины родства соотносятся с какими-либо предметами или объектами окружающего мира. Основанием для появления семантического перехода становятся какие-либо качества или свойства термина родства:

daughter → puppet, doll: полисемия *putrike*

В этом же разделе, вероятно, следует рассматривать другой переход, сопоставляющий значение *child* и часть тела человека – зрачок его глаза:

child → pupil of the eye: реализовано формами, трактуемыми как омонимы в словаре [Učida, Raḡarūrohit, 2013]: *papa* 1: ‘ребенок’, 2: ‘зрачок глаза’. Здесь вероятна когнитивная связь понятий ‘ребенок’ и ‘зрачок глаза’ – через отражение: в зрачке глаза собеседника отражается говорящий как маленький человечек. Наличие семантического перехода *child* → *pupil* (of an eye), ID 3906, зафиксированного

в базе данных и представленного в языках различных генетических групп (ср. напр. фр. *pupille* ‘зрачок’ из лат. *pupa* ‘девочка’, а также данные юто-ацтекских языков), а также родственного перехода *boy* – *pupil* (of an eye), ID 0670, реализованного в санскрите, позволяет отвергнуть представление об этих лексемах как омонимичных и признать их развитием полисемии, существовавшей на более раннем этапе.

6.4. Термины родства и наименования человека: переходы, связанные со статусом, позицией в системе отношений

В этом разделе собраны переходы, связывающие термины родства с другими реляционными наименованиями человека (другого существа, божества и др.). Понятия «учитель», «начальник», «царь» и, с другой стороны, «слуга», – указывают на позицию человека в каких-либо отношениях: учитель учит учеников, слуга прислуживает господину, царь и начальник, соответственно, руководят подданными и подчиненными. Эта реляционная лексика указывает на позицию человека в некоей иерархии, системе отношений, в которой есть более высокая, уважаемая, и более низкая, подчиненная, позиции. Для более высокой позиции характерна концептуальная связь со старшими родственниками: отец, дед – учитель, начальник, хозяин, священник, гуру; мать – богиня:

mother → (local or village) goddess: полисемия *amma*

father → teacher: полисемия *аууа*

grandfather → teacher: полисемия *аууа*

father (grandfather) → priest or guru: полисемия *аууа*

elder brother → member of an underground organization: полисемия *dādā* (здесь позиция в иерархии амбивалентная)

Младшие родственники могут концептуализироваться в связи с более низкой позицией в иерархии: сын – слуга, последователь (учителя, гуру); дочь – слуга, последователь (учения):

daughter → servant: морфологическая деривация *аṇugi om аṇuga*

son → servant: полисемия *gaṇḍumaga; аṇuga*

daughter → follower (of a god, guru, leader, etc.): морфологическая деривация *аṇugi om аṇuga*

son → follower (of a god, guru, leader, etc.); деривация от того же корня, *аṇuga*

С другой стороны, в семантических переходах может отражаться тенденция возвышения роли детей, своего рода «детоцентризм»: дочь – принцесса, ребенок – бог, принц:

child – crown prince: полисемия *kumāra*

daughter – princess: полисемия *kumṛiti*

6.5. Термины родства и качества, свойства

В этом разделе собраны переходы, отражающие концептуальные взаимосвязи с характеристиками, выражаемыми обычно адъективно. Эти свойства отображают и экстраполируют, развивают коннотации, свойственные терминам родства в данной культуре. Среди них есть более универсальные – такие, как характеристика ‘главный’ для матери, ‘сильный’ для мужа, ‘любимая’ для жены:

mother → main: реализован дериватами *tāyibēru* ‘deepest root’, ‘mother root’

sweetheart → wife, beloved woman: полисемия *nīre*

beautiful → wife: деривация *ramaṇi* (от санскр. *rāmā* ‘pleasant, charming, beautiful’)

husband – strong: реализовано полисемией *gaṃḍa*

Часть такого рода взаимосвязей реминов родства и свойств представляется культурно-специфичными, или, по крайней мере, ограниченными некоторыми языковыми сообществами. Это переходы со значениями свойств ‘незрелый’ и ‘толпа’ для ребенка, ‘родной’ для матери (в других культурах, как в русской, например, эта характеристика может быть связана со значением ‘отец’) и др.:

green → child: полисемия *pasu, hasu*

child – unripe: морфологическая деривация *hasu* > *hasuku*

child – not fully cooked: морфологическая деривация *hasu* > *hasuku*

son – <being>as cooked rice: полисемия *gaṃḍumaga*

husband – lover: полисемия *iniya, eṛe, eṛeya, nalla, kāṃta*

daughter → virgin: полисемия *kumāri, kuvari*

Здесь же следует рассмотреть более общие характеристики, несущие с собой свои концептуальные связи и входящие в значение термина родства как компонент:

big → elder: *doḍḍaṇṇa* ‘самый старший брат’ (от *doḍḍa* ‘большой, старший, важный, главный, основной’)

small → young: *puṭāṇi*, *puṭṭāṇi* ‘маленький ребенок, младенец’, ‘маленький, юный’ (от *puṭṭa* ‘маленького размера’, ‘младшего возраста’, ‘маленький или низкого роста человек’)

after → younger: морфологическая деривация *anujāte*, *anuje* ‘младшая сестра’ (букв. «родившаяся позже»), *anuja* ‘младший брат’, ‘родившийся позже’, от *anu-* (рефикс выражающий значение ‘после, в соответствии с’) (встречается в заимствованиях из санскрита)

the most important → eldest: морфологическая деривация *taleмага*, связанная с полисемией *tale* ‘голова’, ‘самое важное’

youngest (sister or brother) → ‘низший’, ‘самый низкий’, полисемия *kaniṣṭha* ‘самый младший (среди братьев и сестер)’

6.6. Термины родства и обращения

Семантический переход от наименований родственников в обращении – один из самых часто встречающихся в описываемом материале. Обращение воплощает и актуализирует отношение говорящего и его собеседника: если человек говорит *господин начальник*, то это характеризует его статус подчиненного; если обращается *Малец, подойди сюда!*, он выражает свое представление об иерархии между ним и младшим или более низким по статусу человеком, которого он подзывает. Реляционные термины родства при использовании как обращения накладывают «сеть отношений родства» на отношения в более широком обществе, придавая им большую близость (или, при ироническом употреблении, наоборот). В таком случае учитываются пол и относительный возраст: для обращения к старшим используются наименования старших родственников: *мать, отец, дедушка, бабушка, брат матери*. Возможный адресат обращения – как родственники более широкого круга, так и незнакомые люди:

mother → term of respectful address to a woman: полисемия *amma*

father → form of addressing one’s male elders with respect and endearment: полисемия *taṇde*, полисемия *auya* (обращение к родственникам)

father → term of address to a man: полисемия *auya* (к посторонним людям)

elder sister → word used for addressing or referring to an elder female relative like a cousin, также word used for addressing or referring to an elder female in general with respect and endearment: полисемия *akka*

mother’s brother → word used for addressing or referring an elder man with respect and love: полисемия *māma*

father's elder brother → word used for addressing or referring an elder man with respect and love: полисемия *doḡḡatamḡe*

father's sister → word for addressing or referring to a woman elder than oneself with respect and endearment: полисемия *atte*

grandfather → word used for addressing or referring to an aged man in general with endearment and respect: полисемия *ajja*, тж *аууа*; *tāta*

grandmother → word used for addressing or referring to an aged woman in general with endearment and respect: полисемия *ajji*

Обращения к более младшим и людям сходного возраста используют имена младших родных и сиблингов: *младшая сестра*, *дочь*, *старший брат*:

younger sister → a term for addressing a woman (comparable to one's younger sister in age) with respect and endearment: полисемия *taṅgi/taṅge*

elder brother → term of address or reference for a relative comparable to one's elder brother in age: полисемия *aṅṅa*

elder brother → term of address or reference with respect and endearment for any man who is a little older to himself: полисемия *aṅṅa*

younger brother → an address term with affection for any junior male: полисемия *tamma*

daughter → addressing a junior female person with affection: полисемия *magu*, *мага*

Отдельно следует рассмотреть семантические переходы от значения child. Поскольку это значение не относится к собственно именам родственников, а является общим обозначением ребенка, обращения также имеют более общий характер:

child → darling, my dear son/daughter (word used for addressing or referring to one's grown-up children): полисемия *kūsu* 'child, baby, infant'

child → term of endearment address meaning small, tiny, little (as a boy, girl etc.): морфологическая деривация *puṭāṇi* < *puṭṭa*

child → addressing a junior person with affection: полисемия *magu*, *magavu*; *kaṃda*

child → endearment address to a young one: полисемия *mari*

Словарные описания переходов обычно сопровождаются указанием на эмоциональность подобного обращения. В нашем материале авторы

словаря Učida и Rajapurohit сопровождают словарные экспликации повторением эпитетов “with respect and endearment”, которые мы переводим как “с уважением и нежностью», а также “with affection” – “с любовью”. Очевидно, семантика русского перевода (‘нежность’) несколько отличается от английского варианта (“endearment”), однако обе лексемы подчеркивают мягкое и доброжелательное отношение, которое проявляется в таких обращениях, ср. *доченька, бабулечка* и т.д.

Выбор в качестве обращения термина родства устанавливает специальный тип связи между говорящими, это своего рода «претензия на близость». Компонент «родной», «близкий» (ср. *близкие люди*) переносится на отношении к конкретному адресату, которому, пишет И.Б. Левонтина в отношении русского ласкательного обращения, присущ «особый эмоциональный колорит», «особая теплота» [Левонтина, 2005, с. 241]. В зависимости от ситуации, это могут быть действительно хорошие отношения, или наоборот – при ироничном использовании или оскорблении.

В отдельных случаях может происходить так называемая «инверсия обращения» – случай, когда иерархический параметр, заложенный в семантике термина, «читается наоборот». В таких примерах человек обращает к младшему с термином, обозначающим старшего родственника, как в русском: *Ну, папаша, помоги бабушке на кухне, если такой большой!* Случаи подобного обращения внутри семьи описаны в [Бурас, Кронгауз, 2013, с. 129]. Такое обращение воспринимается как более любящее, более эмоциональное. Схожий пример есть в каннада:

elder sister → word used for addressing a small girl with endearment by their elders: полисемия *akka*

6.7. Термины родства и междометия

Семантический переход терминов родства в междометия – явление распространенное, хотя и не универсальное. В дравидийских языках встречаются междометия, образованные от терминов родства «отец», «мать», «дедушка», «брат», «сын», но не от других терминов [Смирнитская, 2019б].

Как нам представляется, этот тип переходов отражает глубокую взаимосвязь между человеком и его старшими родными и близкими. В случае неожиданности, опасности или печали ему свойственно призывать на помощь самых близких. Именно этот «свернутый» крик, по нашему мнению, концептуализируют такие междометия. Глубоко личный характер призыва именно родного, именно самого близкого, именно старшего «значимого взрослого» определяет круг тех терминов родства, которые могут переходить в междометия, а также тот круг эмоций, которые могут выражаться, их спектр – от неожиданности до боли:

father → interjection denoting surprise, pain or grief: полисемия *appa*
 grandfather → an interjection expressing grief, compassion (*alas!*);
 an interjection expressing surprise (*my goodness, ah, aha!*);
 морфологическая деривация *ауа – ауауауэ*.

6.8. Термины родства – название болезни

В наших данных встретилась реализация семантического перехода от термина родства к названию болезни:

mother (grandmother) → smallpox: полисемия *amma*
 mother's elder sister → smallpox: полисемия *doḍḍamma*

Этот переход рассмотрим отдельно. Сложно было бы предположить, какие представления скрываются за этой полисемией, если бы не было схожих случаев в архангельском диалектном материале. И.Б. Качинская рассматривает болезни в одной группе с абстрактными понятиями, «периодами, представляющими опасность для человека» [Качинская, 2018, с. 177]. Автор пишет: «сюда относятся опасное время года (зима) и суток (ночь), период в истории (война), период напряженной работы, от которой зависит будущее (страда, рыбалка, охота) и некоторые другие. Используются термины родства *матушка* (*зима-матушка, матушка-ноченька, война-матушка*), *мать* (*страда-мать*), *мачеха, жених* (*жених лопáтной – ‘смерть’*), в основном в комплиментарной функции как приложения» [Там же].

И.Б. Качинская приводит схожий пример из «Областного словаря колымского русского наречия» В.Г. Богораза (1901), где матушкой называют оспу: «Матушка-оспа и просто матушка – так называют оспу, чтобы она не оскорбилась» [цит. по: Качинская, 2018]].

Схожую логику «защиты от несчастья, от болезни» можно предположить и для материала каннада. По свидетельству носителей языка, в XIX и в начале XX в. во время эпидемий повсеместно молились богине оспы (богине-матери), что, возможно, повлекло за собой возникновение такого семантического перехода.

6.9. Грамматикализация терминов родства

К близким случаям мы относим грамматикализацию терминов родства. При «опустошении» лексического значения возможно превращение термина в суффикс, обозначающий пол собеседника и относительный возраст или позицию в иерархии (как гонорифическое – *ауа*, описывающее более высокий статус).

father → honorific title at the end of a man's name: полисемия *appa*, полисемия *ауа* ('suffix added to man's names')

mother (grandmother) → a kind of suffix appearing in the end of names of women: полисемия *amma*

grandfather → a kind of suffix appearing in the end of names of men: полисемия *ауа*

Эмоциональный компонент в употреблении таких суффиксов может быть разным, в диапазоне от уважительности к старшему до иронии или нежности к младшему при инверсивном употреблении, и также до оскорбления, например при употреблении в официальной обстановке.

7. Термины родства как значение – цель семантического перехода

7.1. Термины родства и общие обозначения по полу и возрасту

Этот частотный в разных языках тип переходов связывает родственные термины и общие обозначения человека – как самого по себе (как «человеческое существо»), так и по какой-либо из характеристик – пол и возраст, или одновременно по двум характеристикам. Так устанавливается отношение семантического перехода с участием терминов супружества:

woman → wife: семантический переход реализуется в каннада полисемией *peṁḍati, maḍadi, heṭṭuge, vanite, strī*

man → husband: реализуется в каннада полисемией *gaṁḍa* (драв. происхождения)

human being → husband: полисемия *puruṣa* (санскр. происхождения)

Ту же семантическую связь, реализованную морфологической деривацией, мы можем наблюдать в русском языке: *мужчина – муж, женщина – жена* (ср. переходы ID 0933, 0966 в базе данных Datsemshift). Как нам кажется, это связано с представлением о выбранном супруге как о представителе «вообще людей другого пола», с одной стороны, и как о главном, наиболее важном для человека таком представителе, “THE man”, “THE woman” – с другой (ср. в украинском: *чоловік*, англ. *man* и т.д.).

7.2. Термины родства и абстрактные понятия

Семантические переходы этого типа связывают термины родства со значимыми абстрактными понятиями. В этих переходах термин родства является обычно значением-целью, и сам переход описывает

отношения в рамках мотивационной модели термина. Тип переходов не встречается у терминов родства, описывающих старшие поколения родственников по крови, но встречается у терминов родства по браку.

Известно, что согласно теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson, 1980], абстрактные значения в языках чаще передаются при помощи расширения более конкретных значений. Так, Л. Бородинская пишет, что “The job of the metaphor is to provide relational structure to an abstract domain by importing it (by analogy) from a more concrete domain” [Boroditsky, 2000, p. 3]. Однако это не относится к явлениям, описываемым в этом разделе, – случаям морфологической деривации:

beauty → wife: морфологическая деривация *nalle* от корня *nalla*, *nīre* от *nīrate*, полисемия *ramaṇi*, полисемия *vāte*

marriage → wife: морфологическая деривация *maduva!* < *madive* affection, love between man and woman → wife: морфологическая деривация *kādale* от *kādal*

marriage → husband: морфологическая деривация *madavana* от *maduvana*

beauty → husband: полисемия *nalla*, *kāṃta*

excellence → husband: полисемия *nalla*

house → wife: морфологическая деривация *maneyāke* от *mane*

field, cultivated land → wife: полисемия *kṣētra*

body → wife: полисемия *kṣētra*

happiness → daughter: морфологическая деривация *naṃdini* от санскр. корня *nandi* ‘joy, happiness, welfare’ [Monier-Williams, 1899, p. 527]

love, affection, attachment → daughter: морфологическая деривация *aṇṇi*

courage → son: деривация *gaṃḍumaga* от *gaṃḍu*

Также переходы этого типа могут связывать ТР с культурно-специфическими понятиями, такими как «каста» в индийском обществе или особый тип религиозного самопожертвования «сати», когда вдова восходит на погребальный костер мужа.

sacrifice → wife: морфологическая деривация *uajamāni* ‘тот, кто устраивает жертвоприношение’, от санскр. корня *uaj* ‘жертвовать’, ‘поклоняться’

sacrifice → husband: морфологическая деривация *uajamāna* < *uajna*

‘sati’ → wife, обряд самосожжения вдовы на погребальном костре мужа: полисемия *sati*

energy → wife: полисемия *śakti* особенно ‘божественная энергия’, энергия божества, персонифицируемая в индуизме как его жена (ср. Лакшми для Вишну, Парвати для Шивы)

religious duty → wife: морфологическая деривация *sahadharmini* от *dharma*

Направление, обратное данному, показано И.В. Качинской: в диалектном материале ее работы рассматриваются примеры «экстраполяция» ТР в абстрактные понятия. В основном, это наблюдается в сочетаниях – постоянных эпитетах, в комплиментарной функции, например, в приложениях-величаниях *земля-мать*, *небо-отец*, *тундра-матушка*. По поводу этого типа семантического развития И.В. Качинская пишет: «через термины родства осмысляются космогоническая картина мира, стихии, значимое пространство, время – сакральное и бытовое, прошлое и настоящее» [Качинская, 2018, с. 154].

7.3. Термины родства и наименования человека: переходы, связанные со статусом, позицией в системе отношений

В концептуализации родства по браку прослеживаются элементы патриархальности, более высокого положения мужчины в семейной иерархии: муж – царь, бог, начальник, защитник, владелец; жена – ‘вторая’:

king → husband: полисемия *pati*, *eṛe*, *eṛeya*

lord, chief → husband: полисемия *pati*, *āṇba*, *āḷma*, *eṛe*, *eṛeya*, *īśvara*, *nātha*, *yajamāna* (‘chief or head of a family, a group’)

owner → husband: полисемия *pati*, *āṇba*, *āḷma*, *nalla*, *d^hava*, *nātha*, *yajamāna*

god → husband: полисемия *īśvara*

protector → husband: полисемия *nātha*

second → wife: морфологическая деривация *dviṭīya*

Но в то же время равное отношение между супругами также прослеживается: жена – владелец, подруга, царица:

owner → wife: полисемия *oḍati*

accompanying person → wife: *sahacari*

queen → wife: полисемия *bībi* (из перс.)

7.4. Термины родства и названия действий

Термины родства связываются отношением семантического перехода с некоторыми значениями типичных действий жизненного цикла человека. Здесь встречаются, в основном, соотношения терминов родства и обозначений физических действий, приводящих к появлению родственника (*родить ребенка, жениться*):

to give birth → mother, реализован в каннада деривацией *Janani* от *janana* ‘рождение, происхождение всего’, в свою очередь, от санскр. корня *jan-* ‘to give birth, beget, produce’, см. [Monier-Williams, 1899, с. 410]

8. Термины родства и значение-источник, и значение-цель: семантический синкретизм

Данный тип семантических переходов в сфере ТР отображает слитность представления о соответствующих родственных отношениях в сознании носителей языка. С точки зрения носителя, в этих переходах нет сопоставления двух разных понятий, а есть случай синкретизма – только одно общее понятие выражается в языке. Семантический переход может быть постулирован лишь на основании типологических данных, т.е. данных языков, где эти понятия разделяются и два значения выражаются разными словами.

Вероятно, анализ этого типа семантических переходов можно использовать для реконструкции системы родства, существовавшей в ранние исторические периоды. Так, Анна Зализняк пишет: «Есть основания полагать, что онтологически развитие многозначности проходит путь не от “конкретного” к “абстрактному”, а скорее от самого общего представления, в котором метафорически или метонимически мотивированные переносы вообще не осознаются как порождающие отдельные сущности, – к постепенному расчленению и оппозиции частных значений» [Зализняк, 2006, с. 43].

Именно синкретизм двух понятий в одном каком-либо языке при разграничении в другом приводит, в частности, к сложностям перевода, ср. различие понятий *hand* и *arm*, выраженных соответствующими лексемами, в английском языке, и соединение выражения этих понятий в лексеме *рука* в русском. Схожие проблемы перевода возникают из-за совмещения понятий ‘темно-синий’, ‘темный’ и ‘черный’ в лексеме *nila* в тамильском языке при различении их в русском, или различения понятий *snow* и *ice* в английском языке при неразличении, выражении одной лексической единицей *pani*, – в тамильском.

Поэтому постулирование синкретичных семантических переходов имеет смысл лишь при условии, что для идентификации синкретично выражаемых в исследуемом языке значений имеется достаточно мощная типологическая база, т.е. значительное количество языков, в которых данные два значения выражаются разными словами. Именно такова ситуация с терминами родства.

Реализующиеся в каннада семантические переходы:

mother – grandmother: реализуется полисемией *amma*

father – grandfather: реализуется полисемией *auva*

В следующих переходах проявляется совмещение родных сиблингов и параллельных кузенов (first cousins), свойственное бифуркативно-сливающему антропологическому типу дравидийской системы родства:

elder sister – cousin (father's brother's or mother's sister's daughter, elder in age): полисемия *akka*

younger sister – cousin (father's brother's or mother's sister's daughter, younger in age): полисемия *taṅgi/taṅge*

Это же отношение может быть «распространено» на более далекие родственные связи:

elder sister – an elder female relative like a cousin: полисемия *akka*

younger sister – a younger female relative like a cousin: полисемия *taṅgi/taṅge*

Следующие переходы выражают обычай брать в супруги детей сиблинга родителя противоположного пола, т.е. брата матери или сестры отца. Такой кросс-кузенный брак – характерная черта систем родства дравидийского типа (см. подробнее [Смирнитская, 2016]). Брат матери в этом случае становится отцом мужа или жены:

mother's brother, uncle – wife's or husband's father, father-in-law: полисемия *māma (māva)*

father's sister, aunt – husband's or wife's mother, mother-in-law: полисемия *atte*

Неразличение родственников по крови и по браку проявляется в следующих переходах. Здесь оказывается важнее линия родства (кросс-и параллельного):

father's elder brother – mother's elder sister's husband: полисемия *doḍḍatamḍe*

father's younger brother, uncle – husband of mother's younger sister, uncle (-in-law): полисемия *cikkappa*

father's sister, aunt – mother's brother's wife: полисемия *ate*

mother's younger sister, aunt – father's younger brother's wife: полисемия *cikkamma*, также полисемия диал. *kakki*

mother's elder sister – father's elder brother's wife: полисемия *doḍḍamma*

mother's brother's daughter – husband's elder or younger sister, sister-in-law: полисемия *nāduni* (вариант *nādini*, региональный *nādani*)

Следующие переходы также выражают слитность представления о разных членах родственной системы в восприятии носителей языка:

mother's younger sister, aunt – father's second wife: полисемия *cikkamma*

child – baby: полисемия *hasu*, устар. *hiḷḷu* (*hiḷḷe*), *kaṇḍa*, морфологическая деривация *hasugūsu*;

child – son: полисемия *kumara*;

child – bridegroom: полисемия *gaṇḍumaga*;

grandson – granddaughter – grandchildren: морфологическая деривация *tomma/tommaga* 'grandson' *tommaga* – *tommagaḷu* 'granddaughter' – *tommakkaḷu* 'grandchildren'; также *pautra* 'относящийся к сыну', 'внук, сын дочери или сына' – *pautraka* 'внук' – *pautri* 'внучка, по линии дочери или сына'.

9. Экстраполяция лексического значения: визуализация семантических переходов в виде графа

В последние годы представление взаимосвязей между лексическими значениями в виде графов получает все большую популярность в семантической типологии, см. например, [CLICS, 2021]. Используются как ненаправленные (неориентированные), так и направленные (ориентированные) графы, в разных исследованиях подсчитывается или не подсчитывается «вес» узлов (количество реализаций того или иного параметра, присущего узлу графа), составляются семантические сети и семантические карты и т.д. (см. обзор в [Georgakopoulos, Polis, 2018]).

Можно изобразить в виде графа семантические переходы с участием терминов родства (рис. 2). Ненаправленные связи отражают семантические переходы, в которых нет явно выраженного направления.

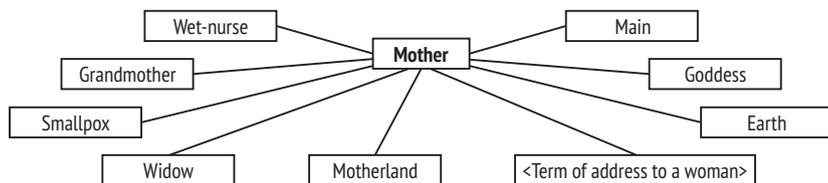


Рис. 2. Семантические переходы с участием значения 'mother' в каннада (неориентированный граф)

Fig. 2. Semantic shifts involving the meaning 'mother' in Kannada (undirected graph)

Более информативной представляется визуализация в виде направленного (ориентированного) графа (рис. 3).

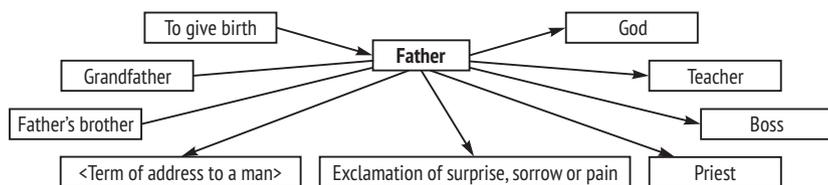


Рис. 3. Семантические переходы с участием значения 'father' в каннада (ориентированный граф)

Fig. 3. Semantic shifts involving the meaning 'father' in Kannada (directed graph)

Как можно видеть, большинство семантических переходов, в которых участвует этот термин, относятся к сфере «экстраполяции» значения, к таким переходам относятся *father* → *teacher*, *father* → *priest*, *father* → *<term of address to a man>* и другие. В то же время некоторые переходы отражают семантический синкретизм – слитность понятий, разделенных в каких-либо других языках; это переходы *father* – *grandfather*, *father* – *father's brother*. Вероятно, случаи такого рода синкретизма могут служить материалом для изучения более ранних языковых состояний, в которых эти понятия представляли собой единое целое. Единственный семантический переход, в котором термин родства является значением-целью: *to give birth* → *father*; этот переход отражает мотивационную модель одного из лексических выражений значения 'отец' как 'тот, кто родил'. Изучение семантических переходов с использованием визуализации в виде графа представляется интересным направлением дальнейших исследований.

10. Заключение

В данной работе мы рассмотрели терминологию родства каннада с точки зрения типологии семантических переходов.

Типы семантических переходов, экстраполирующих какие-либо признаки и особенности семантики лексической единицы, помогают выявить эти признаки, определить именно те характеристики, которые являются наиболее значимыми для данной единицы и ее лексико-семантического поля.

Это характеристики «пол» и «абсолютный возраст», уже описывавшиеся многократно для терминов родства, в том числе в рамках компонентного анализа; а также характеристики «относительный возраст» и «относительный статус», используемые при экстраполяции на другие иерархические отношения в обществе или между животными, предметами, в том числе на сиюминутные отношения, возникающие при употреблении терминов родства в качестве обращения; эмоциональные компоненты «родной» и «вызывающий любящее чувство», которые также участвуют в использовании терминов для выстраивания «квазиродственных» иерархических общественных отношений; параметры конкретных терминов, указывающие на идеальный образ этого значения, его качества, такие как «любимый» и «сильный» для мужа, «прекрасная» – для жены, «смелый» – для сына, «нежный», «маленький» – для ребенка, и т.д.; экстралингвистические особенности взаимоотношений, такие как восприятие старшего родного человека как «способного защитить», ведущее к использованию термина в эмотивных междометиях.

Система терминов родства каннада сохраняет основные черты «дравидийского» исторического типа, лексические свидетельства бифуркативно-сливающего типа системы терминов родства – слитность выражения значений «отец» и «дядя по отцу», выделенность значения «дядя по матери», связанную с системой кросс-кузенного брака: *māta* 'брат матери', 'отец мужа или жены', и др. (см. рис. 1). Вместе с тем, в языке присутствует значительный пласт лексики, имеющей санскритские корни. У многих терминов возможно синонимическое выражение с помощью санскритского заимствования. Но все эти заимствования, за исключением лексем со значением 'жена', 'муж', остаются на периферии основной терминологической системы и не влияют на характеристики, классические для «дравидийского» исторического типа.

При анализе семантической деривации терминов родства языка каннада были обнаружены реализации как частотных (например, *mother – main*), так и достаточно редких семантических переходов, таких как *green → child, mother – smallpox*. Были выделены типы переходов,

характерные для семантики терминов родства в каннада. Они связывают термины родства и общие обозначения по полу и возрасту; животных, растения; значения, связанные со статусом, позицией в иерархии или системе; качества, свойства, параметры; абстрактные понятия; обращения; междометия; название болезней, а также связывают одни термины родства с другими в ситуации семантического синкретизма. Отдельно были рассмотрены случаи грамматикализации.

Рассматривая семантические переходы терминологии родства, мы можем многое понять как о проявляющейся в них языковой картине мира, так и о том, как устроена в каннада эта лексико-семантическая область и каковы характерные для нее пути развития значений. Дальнейшее изучение терминологии родства каннада, в том числе реконструкция праязыкового состояния системы терминов с фонетической и семантической точек зрения, остается предметом будущих исследований.

Библиографический список / References

Андронов, 1978 – Андронов М.С. Дравидийские языки // Языки Азии и Африки. Т. II. М., 1978. [Andronov M.S. Dravidian languages. *Yazyki Azii i Afriki*. Vol. II. Moscow, 1978. (In Rus.)]

Бенвенист, 1995 – Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. [Benvenist E. *Slovar indoevropeyskikh sotsialnykh terminov* [Dictionary of Indo-European Concepts and Society]. Moscow, 1995.]

Бурас, Кронгауз, 2013 – Бурас М.М., Кронгауз М.А. Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 121–131. [Buras M.M., Krongauz M.A. Terms of address in Russian family etiquette: Semantics and pragmatics. *Voprosy yazykoznaniya*. 2013. No. 2. Pp. 121–131. (In Rus.)]

Дубянский и др., 2013 – Языки мира: Дравидийские языки / Под ред. А.М. Дубянского, Н.В. Гурова, А.А. Кибрика, Е.Б. Маркуса. М., 2013. [Yazyki mira: Dravidiyskie yazyki [Languages of the world: Dravidian languages]. A.M. Dubyanskiy, N.V. Gurov, A.A. Kibrik, E.B. Markus (eds.). Moscow, 2013.]

Зализняк, 2001 – Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект создания «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 13–25. [Zalizniak Anna A. Semantic derivation in synchrony and diachrony: A project of “The Catalogue of semantic shifts”. *Voprosy yazykoznaniya*. 2001. No. 2. Pp. 13–25. (In Rus.)]

Зализняк, 2013 – Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51. [Zalizniak Anna A. Semantic transition shift as an object of typology. *Voprosy yazykoznaniya*. 2013. No. 2. Pp. 32–51. (In Rus.)]

Качинская, 2017 – Качинская И.Б. Номинация отца в архангельских говорах // Севернорусские говоры – 16. СПб., 2017. С. 153–170. [Kachinskaya I.B. Father's nomination in Arkhangelsk dialects. *Severnorusskie govory – 16*. St. Petersburg, 2017. Pp. 153–170. (In Rus.)]

Качинская, 2018 – Качинская И.Б. Термины родства и языковая картина мира (по материалам архангельских говоров). М., 2018. [Kachinskaya I.B. Terminy rodstva i yazykovaya kartina mira (po materialam arkhangel'skikh govorov) [The Kinship terms and linguistic picture of the world.]. Moscow, 2018.]

Ландер, 2000 – Ландер Ю.А. К типологии реляционных имен. М., 2000. URL: <http://www.academia.edu/1702134/> (дата обращения: 13.03.19). [Lander Yu.A. K tipologii relyatsionnykh imen [On the typology of relational names]. Moscow, 2000. URL: <http://www.academia.edu/1702134/>]

Левонтина, 2005 – Левонтина И.Б. Милый, дорогой, любимый... // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М., 2005. С. 238–246. [Levontina I.B. Milyj, dorogoj, lyubimyj... Zalizniak Anna A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Klyucheveye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. [Key ideas of the Russian linguistic picture of the world]. Moscow, 2005. Pp. 238–246. (In Rus.)]

Михайлова, 2013 – Михайлова Т.А. О логике семантической деривации в возникновении и эволюции терминов свойства: др.-ирл. *aitechtige* vs. др.-англ. *husband* // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2013. № 4. С. 126–137. [Mikhailova T.A. On the Logic of Semantic Derivation and the Evolution of Terms for Properties: OI aitechtige vs. OE husbanda. Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology. 2013. No. 4. Pp. 126–137. (In Rus.)]

Попов, 2015 – Попов В.А. Системы терминов родства // Большая российская энциклопедия. Т. 30. М., 2015. С. 303. [Popov V.A. Kinship term systems. Bolshaya rossyskaya entsiklopediya. Vol. 30. Moscow, 2015. P. 303. (In Rus.)]

Руссо, 2019 – Руссо М.М. О направлении семантических переходов // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. М., 2019. С. 181–190. [Russo M.M. On the direction of the semantic shifts. Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov. Moscow, 2019. Pp. 181–190. (In Rus.)]

Смирнитская, 2016 – Смирнитская А.А. Семантика терминов родства в тамильском языке с точки зрения типологии семантических переходов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. № 2. С. 112–127. [Smirnitckaya A.A. Semantics of Kinship terms in Tamil from the semantic typology point of view. Russian Journal of Linguistics. 2016. No. 2. Pp. 112–127. (In Rus.)]

Смирнитская, 2018 – Смирнитская А.А. Семантика терминологии родства в языке малто // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. Вып. 5. С. 227–235. [Smirnitckaya A.A. Semantics of Kinship terms in Tamil from the semantic typology point of view. Journal of the Institute of Oriental Studies RAS. 2018. No. 5. Pp. 227–235. (In Rus.)]

Смирнитская, 2019а – Смирнитская А.А. Проявление межэтнических контактов в лексической системе родства некоторых дравидийских языков // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства / Сост. и отв. ред. В.А. Попов. СПб., 2019. Вып. 17. С. 171–187. [Smirnitckaya A.A. Manifestation of interethnic contacts in the lexical system of kinship of some Dravidian languages. Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva. V.A. Popov (ed.). St. Petersburg, 2019. Vol. 17. Pp. 171–187. (In Rus.)]

Смирнитская, 2019б – Смирнитская А.А. Типологические особенности эмоционально-экспрессивной семантической деривации терминологии родства.

На материале шести дравидийских языков // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония – 2019: Материалы международной конференции / Отв. ред. Е.Р. Иоанесян. М., 2019. С. 184–196. [Smirnitskaya A.A. Emotive interjections derived from kinship terms: the case of Dravidian semantic shifts. *Emotsionalnaya sfera cheloveka v yazyke i kommunikatsii: sinkhroniya i diakhroniya* – 2019. E.R. Ioanesyan (ed.). Moscow, 2019. Pp. 184–196. (In Rus.)]

Старостин, 2000 – Старостин Г.С. Реконструкция фонологической системы прадравидийского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. [Starostin G.S. Rekonstruktsiya fonologicheskoy sistemy pradravidiyskogo yazyka [Reconstruction of the phonological system of the Proto-Dravidian language]. PhD theses. Moscow, 2000.]

Старостин, 2007 – Старостин С.А. Определение устойчивости базисной лексики // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007. С. 580–590. [Starostin S.A. Defining the Stability of Basic Lexicon. *Starostin S.A. Trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow, 2007. Pp. 580–590. (In Rus.)]

Толстая, 2002 – Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1. С. 113–127. [Tolstaya S.M. Motivational semantic models and the picture of the world. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii (Russian Language and Linguistic Theory)*. 2002. No. 1. Pp. 113–127. (In Rus.)]

Толстая, 2009 – Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2009. С. 7–22. [Tolstaya S.M. The category of kinship from the ethnolinguistic perspective. *Kategoriya rodstva v yazyke i culture*. S.M. Tolstaya (ed.). Moscow, 2009. Pp. 7–22. (In Rus.)]

Эдельман, Молчанова, 2019 – Эдельман Д.И., Молчанова Е.К. Об истории терминов родства и свойства в иранских языках и диалектах // Алгебра родства: Родство. Системы родства. Системы терминов родства / Сост. и отв. ред. В.А. Попов. СПб., 2019. Вып. 17. С. 114–142. [Edelman D.I., Molchanova E.K. On the history of kinship terms and properties in Iranian languages and dialects. *Algebra rodstva: Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva*. V.A. Popov (ed.). St. Petersburg, 2019. Vol. 17. Pp. 114–142. (In Rus.)]

Апте, 1957–1959 – Апте VS. Revised and enlarged edition of Prin. Апте's V.S. The practical Sanskrit–English dictionary. Poona, 1957–1959. 3 Vol.

Boroditsky, 2000 – Boroditsky L. Metaphoric structuring: Understanding time through spatial metaphors. *Cognition*. 2000. Vol. 75 (1). Pp. 1–28.

CLICS, 2014 – CLICS: Database of cross-linguistic colexifications. Marburg: Forschungszentrum Deutscher Sprachatlas (Version 1.0). J.-M. List, T. Mayer, A. Terhalle, M. Urban (eds.). 2014. URL: <https://clics.clld.org/> (date of access: 11.07.2021).

DEDR, 1984 – Burrow T.D., Emeneau M.B. A Dravidian etymological dictionary. 2nd ed. Oxford, 1984.

DatSemshifts, 2021 – Зализняк Анна А., Бобрик М., Бибаева М., Булах М., Воронов М., Ганенков Д., Грунтов И., Майсак Т., Михайлова Т., Орлова М., Руссо М., Смирнитская А. DatSemshifts. Каталог семантических переходов в языках мира. URL: <https://datsemshift.ru/> (дата обращения: 25.05.2021).

[Zalizniak Anna A., Bobrik M., Bibaeva M., Bulakh M., Voronov M., Ganenkov D., Gruntov I., Maisak T., Mihajlova T., Orlova M., Russo M., Smirnitskaya A. The Database of Semantic Shifts in languages of the world. URL: <https://datsemshift.ru/>]

Georgakopoulos, Polis, 2018 – Georgakopoulos A., Polis S. The semantic map model: State of the art and future avenues for linguistic research. *Language and Linguistics Compass*. 2018. Vol. 12. No. 2. Pp. 1–33.

Juvonen, Koptjevskaja-Tamm, 2016 – The lexical typology of semantic shifts. P. Juvonen, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). Berlin; Boston, 2016.

Lakoff G., Johnson, 1980 – Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, IL, 1980.

Krishnamurti, 2003 – Krishnamurti Bh. *The Dravidian languages*. Cambridge, 2003.

Monier-Williams, 1899 – Monier-Williams M. *A Sanskrit-English dictionary: Etymologically and philologically arranged with special reference to Cognate indo-european languages*. Oxford, 1899.

SILKIN – SILKIN, Kinship system drawing software. Language technology at SIL. Summer Institute of Linguistics. URL: <https://software.sil.org/silkin/> (date of access: 09.12.2021).

STARLING – STARLING: An etymological database project. Starostin S.A. et al. URL: <http://starling.rinet.ru/> (date of access: 09.12.2021)

Učida, Rajapurohit, 2013 – Učida N., Rajapurohit B.B. *Kannada–English etymological dictionary*. Tokyo, 2013.

Vanhove, 2008 – From polysemy to semantic change. Towards a typology of lexical semantic associations. M. Vanhove (ed.). (Studies in language companion series, 106.) Amsterdam, 2008.

Zalizniak et al., 2012 – Zalizniak Anna A., Bulakh M., Ganenkov D. et al. The catalogue of semantic shifts as a database for lexical semantic typology. *Linguistics*. 2012. No. 50 (3). Pp. 634–670.

Статья поступила в редакцию 18.07.2021

The article was received on 18.07.2021

Об авторе / About the author

Смирнитская Анна Александровна – научный сотрудник отдела языков народов Азии и Африки, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва

Anna A. Smirnitskaya – researcher at the Department of Asian and African Languages, Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7814-8716>

E-mail: nyushas@gmail.com

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-86-108

И.В. Мозелова, С.С. МиковаРоссийский университет дружбы народов,
117198 г. Москва, Российская Федерация

Понятия «методика», «метод», «технология», «подход» и «прием» в лингводидактике

В данной статье рассматриваются термины «методика», «метод», «подход», «технология» и «прием» в лингводидактическом аспекте. На основе сравнительно-сопоставительного анализа традиционных определений (Е.И. Пассова, Л.В. Московкина, Т.И. Капитоновой, А.Н. Шукина, И.Л. Бим и др.) даются уточненные формулировки, позволяющие избежать синонимии терминов и их смешения в научных работах, учебниках и пособиях. Устанавливается статус указанных понятий среди элементов процесса обучения иностранному языку, в системе методических терминов, их взаимосвязь и взаимозависимость, гипо-гиперонимические отношения. Представлена типология лингводидактических методов и подходов на основании различных параметров, дана характеристика их видов. Статья представляет интерес для специалистов в области лингводидактики, методики преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков, дидактика, лингводидактика, РКИ, русский язык как иностранный

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мозелова И.В., Микова С.С. Понятия «методика», «метод», «технология», «подход» и «прием» в лингводидактике // Рема. Rhema. 2022. № 1. С. 86–108. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-86-108

© Мозелова И.В., Микова С.С., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

I.V. Mozelova, S.S. Mikova

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, 117198, Russian Federation

The concepts of “methodology”, “method”, “technology”, “approach” and “technique” in linguodidactics

This article considers terms “methodology”, “method”, “approach”, “technology” and “technique” in their linguodidactic meaning. The definitions given by a number of scientists (E.I. Passov, L.V. Moskovkin, T.I. Kapitonova, A.N. Shchukin, I.L. Bim and others) are compared in this article and is offered a general understanding of the terms mentioned above. Authors of this article set the relation between those concepts by uniting the element of L2-teaching in one system. This article might be interesting for scientists and methodologists in the area of linguodidactics.

Key words: methods of teaching L2, didactics, linguodidactics, Russian as a foreign language, RFL

FOR CITATION: Mozelova I.V., Mikova S.S. The concepts of “methodology”, “method”, “technology”, “approach” and “technique” in linguodidactics. *Rhema*. 2022. No. 1. Pp. 86–108. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-86-108

Люди избавились бы от половины своих неприятностей, если бы смогли договориться о значении слов.

Рене Декарт

Введение

Понятия «метод», «подход», «технология» и «прием» являются ключевыми в дидактике и лингводидактике. Однако в научных статьях и учебно-методических пособиях объем данных терминов и их содержание различаются. В некоторых пособиях авторы предлагают понимать термин «метод» как единую систему обучения [Пассов, 2009; Капитонова, Московкин, Щукин, 2018], другие авторы рассматривают

термины «прием» и «метод» как синонимы [Бабанский, 1983], а третьи предлагают понимать «метод» как набор упражнений (к этому выводу можно прийти, анализируя контекст понятий «метод проектов» или «ситуационный метод»). Эту проблему поднимали ученые-методисты (Л.В. Московкин, Е.И. Пассов, И.А. Бим, М.В. Ляховицкий, И.Л. Садовская и др.). Л.В. Московкин утверждает: «Понятие метод обучения, хотя и является одним из самых первых понятий дидактики, до сих пор не может считаться подробно изученным. Существует множество описаний методов в дидактике» [Московкин, 2020]. Е.И. Пассов критикует текущее состояние дел в отношении терминологии, считая необходимым создание единой терминосистемы [Пассов, 2009]. Ученые сходятся во мнении, что для успешного развития методики преподавания иностранных языков терминология современной лингводидактики требует уточнения.

Цель

Целью нашей работы является систематизация существующих определений методических терминов «подход», «метод», «технология» и «прием» и их дифференциация путем устранения синонимичности понятий. Для этого были поставлены следующие задачи:

- найти, проанализировать и сравнить значения терминов у ведущих методистов в области методики преподавания русского языка как иностранного и методики преподавания иностранных языков;
- найти в работах ученых противоречия и сходства;
- выстроить на этом основании точные и однозначные определения терминов.

Методы и материалы исследования

Материалом исследования послужили работы российских и зарубежных ученых в области лингводидактики (научные статьи, учебники и учебные пособия), в которых давалось определение понятий «метод», «прием», «подход» и «технология».

В ходе исследования использовались следующие методы:

- метод понятийного аппарата, предполагающий сопоставление определения перечисленных выше понятий в трудах различных ученых;
- метод контекстуального анализа, который позволил понять, как автор определяет интересующие нас понятия, через использование термина в контексте или через его классификацию в своих работах;
- анализ и обобщение результатов научных исследований.

Результаты

Базируясь на предлагаемых различными учеными вариантах значений терминов, мы предлагаем две системы терминов: лингводидактически ориентированную и объединяющую принципы дидактики и лингводидактики. В первом варианте терминологического аппарата предлагается толкование терминов, которое ориентируется на научные работы из сферы лингводидактики. Во втором варианте осуществлена попытка найти компромисс между дидактикой и лингводидактикой.

Согласно *первой терминосистеме*, предлагается закрепить за нижеперечисленными терминами следующие значения.

Прием в обучении – наименьшая обучающая единица в деятельности преподавателя, представленная в виде одного задания (например, пересказ, показ, рассказ, опрос и др.) [Пассов, 2009; Щукин, 2018; Капитонова, Московкин, Щукин, 2018].

Технология – это методически обоснованный набор приемов (упражнений) в преподавании иностранных языков, выстроенный в определенной последовательности и ведущий к решению поставленных задач. С данным определением согласны методисты Т.И. Капитонова, Л.В. Московкин, А.Н. Щукин, Е. Полат, Н.Б. Назарова, О.Л. Мохова.

Метод – методически обоснованная система обучения иностранным языкам, которая имеет свои педагогические технологии и базируется на определенных принципах обучения (например, грамматико-переводной метод базируется на принципе сознательности, коммуникативный метод – на принципе коммуникативности). Все существующие методы можно разделить на 3 группы с точки зрения подхода преподавания: сознательные (грамматико-переводной, сознательно-практический методы), практические (армейский, прямой, аудиolingвальный методы) и смешанные (коммуникативный) [Щукин, 2018]. Многие методисты в области преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного, в частности, согласны с толкованием метода как единой системы обучения [Пассов, 2009; Капитонова, Московкин, Щукин, 2018].

Подход – общее направление в обучении иностранному языку. Подход является самым широким понятием среди рассматриваемых терминов [Вятютнев, 1984 и др.; Московкин, 1999; Щукин, 2018]. С целью создания однозначной терминологии предлагается классифицировать подходы следующим образом: сознательный (главенствующим принципом при обучении является принцип сознательности), прямой (фокус на практическом использовании языка) и деятельностный (коммуникативный). Данную классификацию с точки зрения способа усвоения материала предложил А.Н. Щукин.

Традиционно в лингводидактике термин «методика» понимается в трех значениях:

- 1) педагогическая наука, теория обучения той или иной дисциплине;
- 2) совокупность форм, методов и приемов работы учителя, т.е. «технология» профессионально-практической деятельности преподавателя;
- 3) теоретический курс, учебная дисциплина, читаемая в университетах и педагогических институтах [Шукин, Азимов, 2009, с. 139].

С последней трактовкой соглашается большинство ученых (С.Ф. Шатилов, Т.И. Капитонова, Л.В. Московкин и др.). Во избежание синонимии понятий предлагается использовать данный термин только в двух значениях: частная дидактика и теоретический курс, читаемый в вузах. Причиной отказа от второго значения является его синонимичность термину «технология» (совокупность приемов обучения).

Вышеперечисленные понятия можно изобразить в виде схемы (рис. 1).

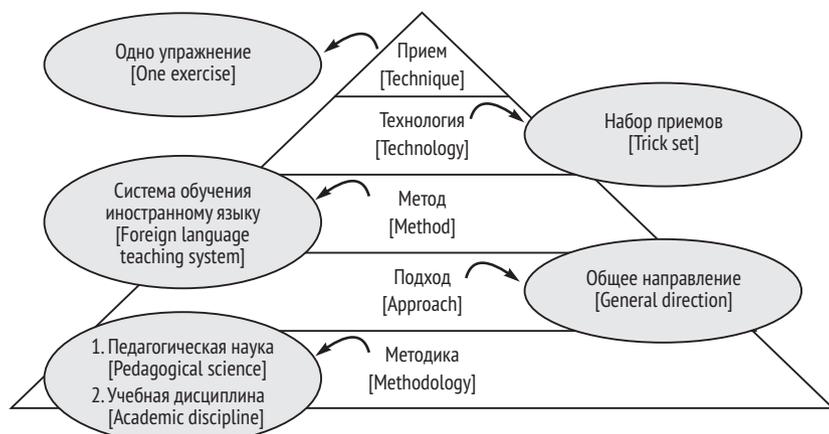


Рис. 1. Первая терминосистема

Fig. 1. The first term system

Согласно *второй системе* (рис. 2), базовые термины предлагается понимать следующим образом.

Прием – это составная часть или отдельная сторона метода обучения [Харламов 2003, с. 185], наименьшая обучающая единица.

Метод – способ организации учебно-познавательной деятельности учащихся [Там же]. В этом случае методом является одно задание, например, показ, рассказ или ролевая игра.

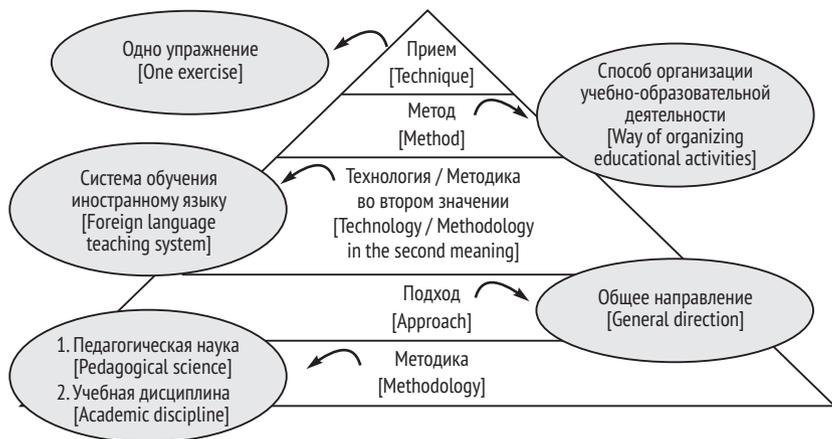


Рис. 2. Вторая терминосистема

Fig. 2. Second term system

Методика обучения определяется как «некий набор правил, принципов, методов и средств, позволяющих проводить обучение в рамках определенной педагогической системы» [Смирнов, 2008]. При принятии данной трактовки грамматико-переводной метод, коммуникативный метод и прочие методы, зарекомендовавшие себя в методике преподавания иностранных языков, получают статус методики (коммуникативная методика, грамматико-переводная методика и др.). Данный термин при этом продолжает использоваться в трех значениях, о которых писалось выше.

Термин «технология» вызывает особые трудности, т.к. в дидактике существует множество научных трудов, ставящих перед собой цель сопоставить друг другу «методику» и «технологии» [Вьюнова, Швец Тэнэнта-Гурий, 2017 и др.; Коваленко, Соколова, Маматова, 2018]. Некоторые ученые отмечают: «Большая часть источников определяет понятие “методика обучения” почти так же, как и понятие “педагогическая технология”, т.е. как набор способов, методов, приемов и целенаправленных педагогических действий» [Вьюнова, Швец Тэнэнта-Гурий, 2017 и др.].

Несмотря на то, что нам представляются различия в значении данных терминов незначительными, очевидно, что ученые из области дидактики вкладывают в термин «технология» более объемное понятие по отношению к «методике», определяя его более системным [Коваленко, Соколова, Маматова, 2018].

В отношении термина «подход» предлагается оставить ранее упомянутое толкование – общее направление в обучении иностранному языку.

Обсуждение

Согласно исследованию, проделанному Л.В. Московкиным, впервые термин «метод» начал фигурировать в методической литературе в XVII в. [Московкин, 2020]. Уже тогда ученые употребляли его в двух значениях: как концептуальный подход и как план действий педагога в ходе занятий. В XX в. методисты начали обращать внимание на многозначность данного термина [Бим, 1977; Щукин, 2018; Московкин, 2020]. В дидактических пособиях (например, [Бабанский, 1983]) понятие «метод» встречается в значении «одного педагогического действия» (показ, рассказ и т.п.), в то время как в лингводидактике понятие «метод» чаще используется для обозначения целой методически обоснованной системы преподавания иностранного языка (коммуникативный метод, армейский метод, прямой метод и др.) Также данный термин встречается для обозначения набора педагогических действий, который можно использовать внутри разных методов-систем (проблемный метод, метод проектов).

Термин «метод» восходит к греческому слову *μέθοδος* и означает «путь» или «способ» достижения цели. Но, как справедливо отмечают Л.В. Московкин, Т.И. Капитонова и А.Н. Щукин, данное определение не является исчерпывающим, ввиду чего остается непонятным, под ним понимается отдельный фрагмент занятия (например, упражнение) или весь процесс обучения в целом, имеющий свое направление и базисную идею [Капитонова, Московкин, Щукин, 2018].

В педагогике, а точнее, в ее дочерней дисциплине дидактике (науке об обучении) под данным термином понимается способ совместной деятельности преподавателя и обучающихся, направленный на решение задач обучения [Пидкасистый, 2016]. Ю.К. Бабанский классифицирует методы на три группы:

- 1) методы организации учебно-познавательной деятельности:
 - по источнику знаний (словесные, наглядные, практические),
 - по характеру познавательной деятельности (продуктивные, проблемные, поисковые, объяснительно-иллюстративные и др.),
 - по логике изложения (индуктивные и дедуктивные);
- 2) методы контроля за эффективностью учебно-познавательной деятельности;
- 3) методы стимулирования учебно-познавательной деятельности [Бабанский, 1983].

Эта трактовка понятия «метод» закрепила свои позиции, и традиционно в учебниках по педагогике можно видеть данную классификацию.

Другие ученые классифицируют дидактические методы следующим способом:

1) теоретико–информационные методы обучения (устное логически целостное изложение учебного материала: дискуссия, рассказ, объяснение, бригадный метод, консультирование, демонстрация);

2) практико-операционные методы обучения (упражнения, тренировки, алгоритмы, решение задач, опыт, эксперимент, познавательные или деловые игры);

3) поисково-творческие методы обучения (наблюдение, опыт, эксперимент, сократовская беседа, лабиринт, «мозговая атака», «аквариум», «думай, слушай, предлагай» и др.);

4) методы самостоятельной работы обучаемых (чтение, программированный тренаж, видеолента, экспертиза, слушание, конспектирование, упражнения, решение задач и проблемных ситуаций, опыт, эксперимент);

5) контрольно-оценочные методы (предварительный экзамен, «экспресс», «блиц», устное выступление, ответ с места, контрольная работа, опыт, упражнения, устный опрос, тестирование, программированный контроль, семинар) [Горбунова, Краснопахтова, 2018].

Некоторые дидакты (Е.И. Перовский, Е.Я. Голант, Д.О. Лордкипанидзе и др.) считали, что при классификации методов обучения необходимо учитывать те источники, из которых черпают знания учащиеся. На этой основе они выделяли три группы методов: словесные, наглядные и практические [цит по: Смирнов, 2003].

И.Я. Лернер и М.Н. Скаткин разрабатывали методы обучения, исходя из характера учебно-познавательной деятельности учащихся по овладению изучаемым материалом. С этой точки зрения, они выделяли следующие методы:

1) объяснительно-иллюстративный, или информационно-рецептивный (рецепция – восприятие): рассказ, лекция, объяснение, работа с учебником, демонстрация картин, кино- и диафильмов и т.д.;

2) репродуктивный: воспроизведение действий по применению знаний на практике, деятельность по алгоритму, программирование;

3) проблемное изложение изучаемого материала;

4) частично-поисковый, или эвристический, метод;

5) исследовательский метод, когда учащимся дается познавательная задача, которую они решают самостоятельно, подбирая для этого необходимые методы и пользуясь помощью учителя [цит. по: Смирнов, 2003, с. 187].

Иную классификацию предложили М.А. Данилова и Б.П. Есипова, которые исходили из того, что методы обучения выступают как способы организации упорядоченной учебной деятельности учащихся по достижению дидактических целей и решению познавательных задач. Ввиду этого они классифицируют методы на следующие группы:

- а) методы приобретения новых знаний;
- б) методы формирования умений и навыков по применению знаний на практике;
- в) методы проверки и оценки знаний, умений и навыков [цит. по: Смирнов, 2003, с. 187].

В методике обучения иностранным языкам имеются ученые, которые находят справедливым наличие в лингводидактике собственного терминологического аппарата. Они аргументируют свою позицию тем, что методика преподавания иностранных языков хоть и является дочерней наукой дидактики, но как самостоятельная дисциплина имеет право на собственную терминологию [Пассов, 2009]. Но имеются ученые, которые считают, что не следует использовать в методике термины из дидактики в другом значении и предлагают следовать традициям. И.Л. Бим классифицирует методы на 3 группы: методы преподавания (показ, объяснение, организация тренировки, организация применения), методы учения (ознакомление, размышление, тренировка, применение) и методы познания (наблюдение, размышление, гипотеза, эксперимент, практика в естественных условиях) [цит. по: Пассов, 2009]. Е.И. Пассов критикует данную трактовку, утверждая, что в работе И.Л. Бим такие термины, как «этап» и «метод» считаются взаимозаменяемыми понятиями, что является неправильным [Пассов, 2009, с. 81].

А.Д. Климентенко и А.А. Миролюбов высказали мнение в отношении предлагаемой И.Л. Бим трактовки обсуждаемого термина: «Анализ показал, что выделение четырех методов сильно обедняет процесс обучения» [Климентенко, Миролюбов, 1977]. Сами авторы выделяют семь методов: объяснительно-иллюстративный; метод организации тренировки с целью репродуктивного овладения инвариантными речевыми единицами; метод организации тренировки с целью рецептивного овладения речевыми единицами в неварьируемых условиях; метод организации практики в репродуктивном использовании речевых единиц в варьируемых условиях; метод организации практики в рецептивном использовании речевых единиц в варьируемых условиях и др. [цит. по: Пассов 2009].

Е.И. Пассов критикует данную классификацию ввиду возможного расширения классов в представленной авторами классификации, например: объяснительно-иллюстративный для рецептивных и продуктивных

видов деятельности. Сам Е.И. Пассов определяет метод как систему функционально взаимообусловленных методических принципов, объединенных единой стратегической идеей и направленными на овладение каким-либо видом речевой деятельности.

И.Л. Садовская классифицирует методы по способам фиксации, трансляции и восприятия информации: аудиальные методы, визуальные методы, кинестетические методы, полимодальные методы, а также методы, представляющие собой объединение всех вышеперечисленных [Садовская, 2007].

Д.С. Ричардс и Т.С. Роджерс определяют понятие «метод» как план развития видов речевой деятельности, порядок введения лексико-грамматического материала, который опирается на подход [Richards, Rodgers, 1986, p. 19].

А.Н. Щукин предлагает компромиссное решение – понимать «метод обучения» в трех значениях: общеметодологическом (метод как средство познания, способ изучения действительности, явлений природы и общества), общедидактическом (система взаимосвязанных действий преподавателя и учащихся, обеспечивающих усвоение содержания образования) и частнодидактическом (или собственно методическом) – метод как направление в обучении, определяющее стратегию учебной деятельности обучающего [Щукин, 2018, с. 266].

Ученые в области методики преподавания русского языка как иностранного и английского языка сходятся в том, что традиционно в лингводидактике метод понимается как комплексное понятие. Это можно проследить через контекст использования термина в их работах (Д. Ричардс, Б. Кумаравадивелю, В.Э. Раушенбах и др.) С середины XIX в. разрабатывались различные методы преподавания иностранных языков: аудиолингвальный, грамматико-переводной, коммуникативный и пр. [Раушенбах, 2021]. И все эти методы-системы назывались методами. Поэтому традиционно в лингводидактике под методом понимается система (или общее направление) обучения иностранному языку, имеющая педагогическое обоснование, свои принципы и набор приемов, способствующих достижению поставленной цели.

Прием определяется как наименьшая обучающая единица в действии преподавателя в виде одной операции [Щукин, 2018, с. 270]. С данной точкой зрения соглашаются и другие ученые, которые также определяют прием как наименьшую единицу учебного процесса [Подласый, Пассов, 2009, с. 64]. Представляется логичным, что педагогические действия из серии «показ» или «рассказ» получают статус «приема, а не метода» ввиду своей неделимости на меньшие педагогические действия. И действительно, имеет ли смысл делить такое педагогическое действие, как

«показ», на еще более маленькие элементы, чтобы их назвать «приемами»? Так как нашей целью является исключение синонимичности понятий и внесение точности в их определение, значение понятия «метод» в качестве одного обучающего действия (показ, рассказ, опрос) исключается, т.к. это определение относится к понятию «прием».

Подход к обучению определяется как набор взаимосвязанных предположений относительно природы языка и овладения им (Anthony, 1963; Lado, 1964) [цит. по: Капитонова, Московкин, Щукин, 2018, с. 15]. Ученые отмечают, что метод предстает в виде логически построенной, теоретически обоснованной и экспериментально проверенной системы принципов и приемов обучения, в то время как подход является более широким понятием, в основе которого лежит один, реже два принципа. Они рассматривают подход как родовое понятие по отношению к методу, который может объединять группы методов [Капитонова, Московкин, Щукин, 2018, с. 15].

Словарь методических терминов определяет «подход» как базисную категорию методики, которая определяет стратегию обучения языку и выбор метода обучения, реализующего такую стратегию; представляет собой точку зрения на сущность предмета, которому надо обучать. Методы обучения реализуют тот или иной подход, являясь, таким образом, тактической моделью процесса обучения [Азимов, Щукин, 2009, с. 200].

В западной литературе встречаются противоречащие друг другу мнения. Одни авторы понимают термины «подход» (*approach*) и «метод» (*method*) как синонимы [Kambuher, 2010, p. 6], в то время как другие отмечают, что подход в отличие от метода имеет отношение к общим предположениям о том, как преподавать иностранный язык [Anthony, 1986; Richards, Rodgers, 1986, p. 19; Brown, 1987].

Несмотря на то, что в методике преподавания иностранных языков не существует единой классификации подходов в обучении [Азимов, Щукин 2009, с. 200], методисты сходятся во мнении, что подход – это общее направление, не имеющее строгого регламента действий преподавателя.

Говоря о классификации подходов, М.В. Ляховицкий выделяет четыре общих подхода:

- 1) бихевиористский подход (многократное повторение материала с целью доведения до автоматизма);
- 2) индуктивно-сознательный подход (овладение языком путем наблюдения за речевыми образцами);
- 3) познавательный (когнитивный) подход (сознательное овладение языком в последовательности от знаний в виде правил и инструкций к речевым навыкам и умениям на основе усвоенных знаний);

4) интегрированный подход (предусматривается органическое соединение сознательных и подсознательных компонентов в процессе обучения, что способствует параллельному овладению знаниями и речевыми навыками и умениями) [Ляховицкий, 1981].

В научно-методической литературе также встречается классификация подходов к обучению с позиции объекта обучения: языковой подход (изучается формальный строй языка), речевой подход (обучение выражению мыслей на изучаемом языке) и речедетельностный, или коммуникативно-деятельностный, подход, в рамках которого акцент в обучении делается на речевую деятельность и овладение языком как средством общения [Зимняя, 1985]. Автор считает, что разные подходы в науке не исключают друг друга, и они могут быть иерархически организованы, дополнять и совершенствовать другие подходы.

М.Н. Вятютнев выделяет шесть подходов в обучении иностранному языку: грамматический, прямой, бихевиористский, чтения, коллективный, коммуникативный [Вятютнев, 1984, с. 12–14].

Другие авторы отмечают, что в XXI в. образование изменилось, и в современном мире делается фокус не на обучении знаниям, как было раньше, а на практико-ориентированном, лично-ориентированном образовании, ввиду чего появляются новые подходы в обучении иностранному языку: лично-ориентированный и системно-деятельностный подходы [Мишланова, Заседателева, 2016].

А.Н. Щукин предлагает классифицировать подход с точки зрения объекта обучения (языковой, речевой и речедетельностный) и с точки зрения способа обучения (сознательный/когнитивный, прямой/интуитивный и деятельностный/коммуникативно-деятельностный) [Щукин, 2018].

На данный момент имеются различные точки зрения на выбор оснований для классификации. В работах методистов, в том числе и западных, можно встретить компетентностный, компетентно-деятельностный [Гаврилюк, Крючева, 2016], системно-деятельностный [Шемякина, 2018], лично-деятельностный (Зимняя, 1999) [цит. по: Щукин, 2018, с. 163], центрированный на ученике (Мильруд) [цит. по: Щукин, 2018, с. 162], социокультурный подходы (Сафонова, 1991) [цит. по: Щукин, 2018, с. 163]. В таблице 1 представлена наша классификация подходов к обучению иностранным языкам различных авторов.

Можно отметить, что многие идеи не противоречат друг другу. Видно, что вышеназванные подходы: языковой, когнитивный, сознательный, познавательный и грамматический, – отражают одну и ту же идею, суть которой сводится к тому, что учащиеся знакомятся с грамматикой языка, собирают ее в единую систему, применяя принцип сознательности, а затем закрепляют и запоминают, выполняя для этого

Таблица 1

Основная классификация подходов к обучению иностранным языкам
[The main classification of approaches to teaching foreign languages]

Классификация подходов к обучению [Classification of approaches]			
С точки зрения объекта обучения [From the point of view of the object of study]	С точки зрения способа обучения [From the point of view of learning]	Смешанный вариант (с точек зрения объекта и способа обучения) [Mixed option (in terms of the object and the way of teaching)]	Классификация сложна, непонятно, по какому признаку происходит [The classification is difficult, it is not clear on what basis]
И.А. Зимняя [I.A. Zimnyaya]	А.Н. Щукин [A.N. Shchukin]	М.Н. Вятюнев [M.N. Vyatyunev]	Разные авторы [Various authors]
Языковой [Language] Речевой [Speech] Рече- деятельностный [Speech activity]	Прямой [Straight] Сознательный [Conscious] Деятельностный- (коммуникативно- деятельностный) [Activity (communicative and activity)]	М.В. Ляховицкий [M.V. Lyakhovitskii] Бихевиористский [Behavioural] Индуктивно- сознательный [Inductive-conscious] Познавательный [Cognitive] Интегрированный [Integrated]	Социокультурный [Sociocultural] Компетентностный [Competency-based] Центрированный на ученике [Student-centered] Личностно-деятельностный [Personal activity] Компетентно-деятельный [Competence-active] Личностно-ориентированный [Personality oriented] Системно-деятельностный [System-activity]

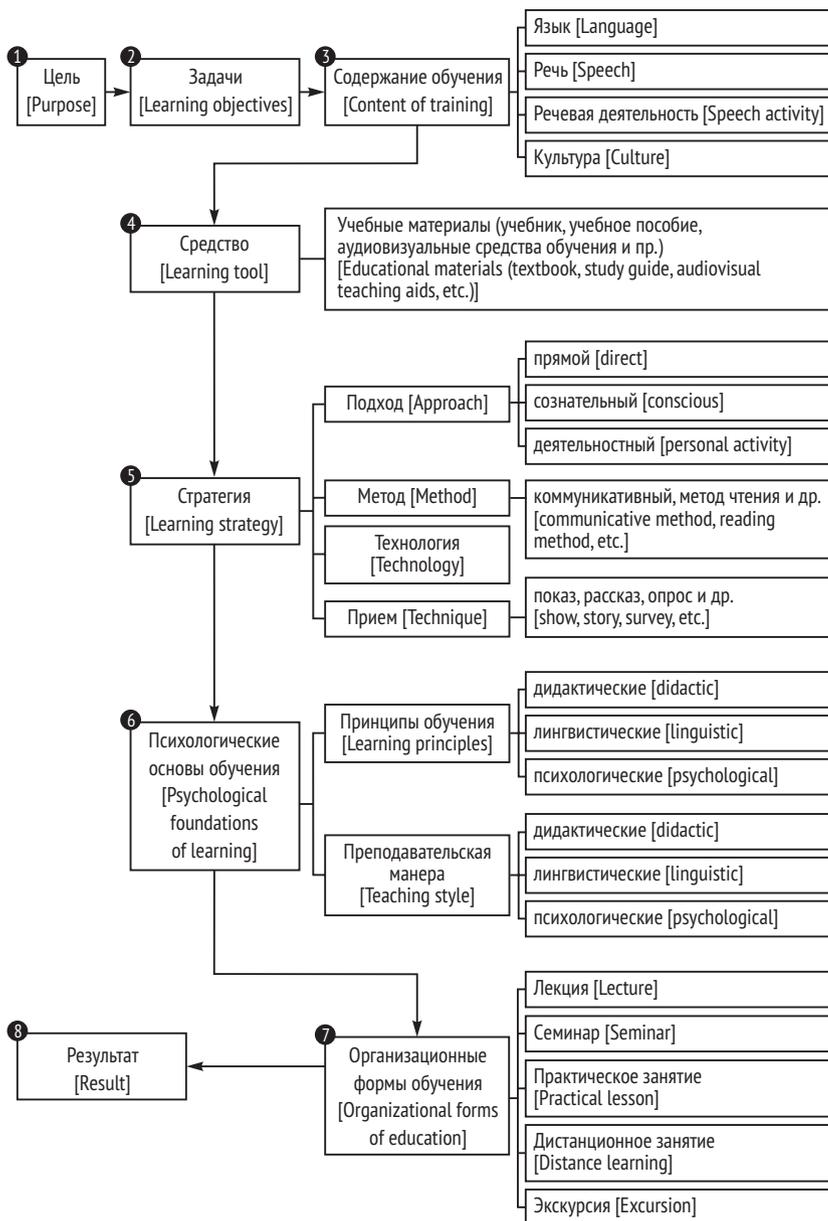


Рис. 3. Процесс обучения иностранному языку

Fig. 3. The process of learning a foreign language

специальные упражнения. Но с другой стороны, не все перечисленные подходы удастся классифицировать в рамках понятия «подход». Ввиду этого мы разработали систему обучения иностранному языку (рис. 3). Система обучения иностранному языку была разложена на элементы, чтобы найти место в системе и другим уже созданным «подходам».

Предлагаем оставить классификацию подходов, предложенную А.Н. Щукиным, где подход понимается как общее направление обучения [Щукин, 2018]. Такую классификацию подхода также подтверждает история преподавания иностранных языков. Начиная с V в. н.э., всегда конкурировали два подхода в обучении иностранным языкам: сознательный (так преподавался в средние века латинский язык) и практический (по разговорникам и без изучения грамматики, имеющий цель практическое пользование языком без знаний о языке) [Раушенбах, 2021]. История знает случаи, когда преподаватели старались найти баланс между теоретическим и практическим подходом, образуя смешанный, или, как нам привычнее, «коммуникативный подход» [Щукин, 2018].

Мы решили термин «подход» понимать как более широкое понятие, задающее общее направление обучению, поэтому было логично не включать в эту классификацию компетентностный подход, социокультурный и центрированный на ученике подход. Для этих «подходов» мы нашли место в нашей системе. Под номером шесть в системе обучения иностранным языкам находится элемент «психологические основы», который подразделяется на принципы и преподавательскую манеру. Преподавательская манера, в свою очередь, подразделяется на авторитарный, демократический и центрированный на ученике стили. Мы решили отнести эти научные разработки к данной категории, т.к. речь идет о том, как взаимодействуют педагог и обучаемый и кто является центром учебного процесса. В отношении социокультурного подхода нам представляется, что речь идет о содержании образования, а не о подходе как таковом. Ведь знания о культуре страны изучаемого языка можно донести до учащихся в рамках любого из трех ранее названных подходов. То же самое можно сказать и о компетентностном подходе.

Определяя «подход» как общее направление обучения, где классификация происходит по способу усвоения материала, было бы логичным отнести все, что касается изучаемого материала, к «содержанию обучения». Компетентностный подход подразумевает обучение будущих специалистов, подготовленных к определенной профессиональной деятельности. Это значит, что в их программу обучения будут входить требуемая им для работы лексика и практические задания будут максимально приближены к реалиям будущей профессии обучающихся.

Преподаватель, подготавливая курс по данной программе, будет использовать приемы и педагогические технологии, которые будут максимально соответствовать запросу. То же самое можно сказать о любом другом запросе, например, обучение иностранному языку для подготовки туриста или детское обучение. Если следовать логике, что «компетентный подход» является подходом, тогда должны быть и прочие подходы: «детский», «бизнес-подход», «туристический» и прочие. В данном случае речь скорее идет не о подходе, а о содержании обучения.

Термины «подход», «метод», «технология» и «прим» были классифицированы по объему. Данную группу мы назвали «педагогической стратегией». Такая организация помогает преподавателю выбирать из всех вариантов нужный способ достижения поставленной цели.

Остается проанализировать понятие «педагогическая технология», которое уже фигурировало в данном обсуждении. Н.К. Щепкина отмечает: «Понятие “технологии” в последнее время стало едва ли не самым часто употребляемым термином в педагогической науке и практике. Образовательный процесс все в большей степени ориентируется на инновационные педагогические технологии» [Щепкина, 2016, с. 3]. Под педагогической технологией в методике преподавания РКИ подразумеваются специально отобранные и расположенные в определенном порядке приемы обучения, которыми пользуются преподаватели в своей работе [Капитонова, Московкин, Шукин, 2018, с. 16]. С данной точкой зрения соглашаются и другие ученые [Назарова, Мохова, 2016].

Изучая методы преподавания иностранных языков, мы не могли не отметить, что встречаются способы обучения, которые называются методами, хотя по своей сути они представляют собой педагогическую технологию. Для примера можно привести популярный «метод проектов» или «ситуационный метод» (case-study). Согласно вышперечисленной терминологии, правильнее было бы назвать их «технологией проектов» или «технологией ситуаций», т.к. это серия приемов, а не целая педагогическая система, осуществляемая в рамках курса. Эти технологии можно успешно применять в рамках разных подходов.

Интересное наблюдение сделала Е. Полат, которая отмечает, что в XXI в. наблюдается развитие не столько методов, сколько педагогических технологий [цит. по: Миролюбов, 2010, с. 240]. С данной точкой зрения соглашается Б. Кумаравадивелю, называя текущее состояние дел «послеметодным этапом», в котором разумно было бы не следовать одному методу, а предоставить преподавателям свободу, имея при этом список общих пожеланий-стратегий [Kumaravadivelu, 1994]. В научно-методической литературе в качестве педагогических технологий

упоминаются: обучение в малых группах сотрудничества; дискуссии; мозговые атаки; игры проблемной направленности; метод ситуативного анализа; метод проектов; «Портфель ученика». Также автор отмечает, что ни один из указанных видов технологий не является универсальным [Kumaravadivelu, 1994, p. 146–147]. Так как педагогические технологии не ограничены рамками одного метода-системы (грамматико-переводного метода, прямого метода, коммуникативного метода и др.), они дают большую свободу для творческой деятельности преподавателя. Развитие таких технологий (метод проектов, ситуационный метод) позволили преподавателям вносить разнообразие в учебный процесс, прибегая то к одним технологиям, то к другим, в зависимости от ситуации, индивидуальных особенностей обучающихся и прочих факторов.

Совершенно иное значение вкладывается в термин «педагогическая технология» в дидактике, где он понимается как более объемное понятие, чем метод. В.С. Кукушин отмечает: «Технология обучения – системная категория, структурными составляющими которой являются: цели обучения, содержание обучения, система педагогического воздействия, организация учебного процесса, учитель, ученик, результат деятельности» [Кукушин, 2010, с. 5].

В настоящее время делаются попытки сопоставить понятия «технология», «метод» и «методика» в педагогике [Коваленко, Соколова, Маматова, 2018]. Анализируя данную работу, мы можем заключить, что авторы также понимают термин «технология» как последовательную взаимосвязанную систему «компонентов, спроектированных преподавателем и направленных на решение задач воспитания, образования и развития студентов и последовательно воплощенных затем в образовательном вузовском процессе в тесной интегральной связи, обуславливающей повышение качества обучения» [Коваленко, Соколова, Маматова, 2018, с. 1130].

Некоторые ученые из сферы педагогики отмечают: «Метод (проблемный метод, метод диалога; метод сотрудничества, тренинг) может определять форму организации деятельности субъектов образовательного процесса в рамках создаваемой и применяемой технологии для тех или иных целей (обучения, развития и т.д.)» [Бордовская, 2013, с. 13]. Вопросом сопоставления понятий «методика» и «технология» в педагогике также занимались Д.С. Вьюнова, О.А. Швец Тэнэта-Гурий, которые, проанализировав различные толкования вышеупомянутых терминов в авторитетных источниках, заключают, что большая часть ученых определяет понятие «педагогическая технология» как набор методов, способов, приемов и целенаправленных педагогических действий. [Вьюнова, Швец Тэнэта-Гурий, 2017].

Данное разногласие между педагогикой и лингводидактикой, где «метод» является более объемным по отношению к «технологии» понятием, создает ученым трудности в поиске компромисса в отношении терминологии. Анализируя работы дидактов, можно заметить, что в них авторы заняты поиском разницы между терминами «технология» и «методика», ввиду чего, по нашему мнению, необходимо обратиться к этимологии слова «технология». В переводе с греческого *τέχνη* означает ‘искусство, мастерство, умение’, *λόγος* – ‘слово, учение’, т.е. данный термин обозначает науку, совокупность методов обработки, изготовления, изменения состояния, свойств, формы сырья, материала или полуфабриката, осуществляемых в процессе производства продукции. Задача технологии как науки – выявление физических, химических, механических и других закономерностей с целью определения и использования на практике наиболее эффективных и экономичных производственных процессов [СЭС, 1987, с. ??]. Термин «технология» был введен в 1772 г. профессором Геттингенского университета И. Бекманом для обозначения ремесленного искусства, включающего в себя профессиональные навыки и эмпирические представления об орудиях труда и трудовых операциях. В сознании человека XIX–XX вв. слово «технология» ассоциировалось с промышленной технологией, но в последнее время понятие «расширилось и стало использоваться в гуманитарных дисциплинах, например в педагогике, психологии, социологии, политологии и т.д. Появились информационные, педагогические, альтернативные, политические технологии и др» [Литова, 2019].

Продолжая сравнение толкования базовых терминов в дидактике и лингводидактике с целью нахождения компромисса, можно предложить следующую идею: принять в лингводидактике значение термина «метод в обучении», который соответствует тому, что предлагает дидактика, а именно – это способ обучения в рамках одного урока (то, что на данный момент в лингводидактике называется приемом). В этом случае приемами называется меньшие по своему объему единицы (элемент метода или методики). В таком случае, понятия «грамматико-переводной метод» или «коммуникативный метод» получают статус методики или технологии, т.е. «коммуникативная методика», «грамматико-переводная технология». Понятие «подход» сохраняет первоначальное значение.

Закключение

В статье представлена классификация подходов в обучении в лингводидактике, дается разграничение понятий «метод», «подход», «прием» и «технология», а также расширяется понятие «система обучения иностранному языку», в которую добавлены новые элементы, вмещающие в себя понятия, ранее относившиеся к понятию «подход».

Мы предложили два варианта развития терминологии лингводидактики. Согласно первой предложенной системе, термины дидактики и лингводидактики отличаются друг от друга. Данная система была выстроена, основываясь на толкованиях авторитетных источников, авторам которых не удалось достичь компромисса. Ввиду этого можно предположить, что эти науки в будущем будут использовать различный терминологический аппарат. Каждая из научных дисциплин имеет свою большую базу исследований, где эти термины трактуются по-разному, и уже созданные научные труды, включающие в себя упомянутые выше понятия, не будут видоизменяться или переписываться, следовательно, можно сделать прогноз, что ученые этих дисциплин вскоре перестанут «понимать» друг друга ввиду разного понимания одних и тех же терминов.

Вторая предложенная система – это попытка найти компромисс между дидактикой и лингводидактикой. Ее очевидным минусом является отсутствие возможности переименовать уже созданные работы, следовательно, и толкование в них вышеупомянутых терминов, достоинством данной системы является попытка унифицировать научную терминологию, что позволит в будущем ученым из области дидактики и лингводидактики общаться на одном языке.

Какая из предложенных систем более корректна, мы не можем однозначно утверждать.

Библиографический список / References

Азимов, Шукин, 2009 – Азимов Э.Г., Шукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009. [Azimov E.G., Shchukin A.N. Novyi slovar metodicheskikh terminov i ponyatii (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [A new dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. Moscow, 2009.]

Андрюшина, Козлова, 2015 – Андрюшина Н.П., Козлова Т.В. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. Общее владение. 5-е изд. СПб., 2015. [Andryushina N.P., Kozlova T.V. Leksicheskii minimum po russkomu yazyku kak inostrannomu. Ehlementarnyi uroven. Obshchee vladenie [Lexical minimum in Russian as a foreign language. Elemental level. General vocabulary]. St. Petersburg, 2015.]

Бабанский, 1977 – Бабанский Ю.К. Оптимизация процесса обучения. М., 1977. [Babanskii Yu.K. Optimizatsiya protsessa obucheniya [Optimization of the learning process]. Moscow, 1977.]

Бордовская, 2013 – Современные образовательные технологии: Учебное пособие / Под ред. Н.В. Бордовской. 3-е изд., стр. М., 2013. [Sovremennye obrazovatelnye tekhnologii [Modern educational technologies]. N.V. Bordovskaya (ed.). Moscow, 2013.]

Вьюнова, Швец Тэнэта-Гурий, 2017 – Вьюнова Д.С., Швец Тэнэта-Гурий О.А. К вопросу о применении понятий «педагогическая технология» и «методика обучения» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2017. № 3. С. 78–83. [Viunova D.S. Shvets Teneta-Gurii O.A. To the question of the application of the concepts of “pedagogical technology” and “teaching methods”. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Pedagogics*. 2017. No. 3. Pp. 78–83. (In Rus.)]

Вятюнев, 1984 – Вятюнев М.Н. Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы). М., 1984. [Vyatyunev M.N. Teoriya uchebnika russkogo yazyka kak inostrannogo (metodicheskie osnovy) [The theory of the textbook of Russian as a foreign language (methodological foundations)]. Moscow, 1984.]

Гаврилюк, Крючева, 2016 – Гаврилюк Н.П., Крючева Я.В. Деятельностный и компетентностный подходы в образовании: успешность в интеграции // Профессиональное образование в современном мире. 2016. Т. 6. № 3. С. 421–427. [Gavrilyuk N.P., Kryucheva Ya.V. Activity and competence-based approaches in education: Success in integration. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire*. 2016. Vol. 6. No. 3. Pp. 421–427. (In Rus.)]

Горбунова, Краснопахтова, 2017 – Горбунова Е.А., Краснопахтова Л.И. Дидактические методы обучения // Вопросы науки и образования. 2017. № 7 (19). С. 197–199. [Gorbunova E.A., Krasnoplakhtova L.I. Didactic teaching methods. *Voprosy nauki i obrazovaniia*. 2017. No. 7 (19). Pp. 197–199. (In Rus.)]

Зимняя, 2004 – Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М., 2004. [Zimnyaya I.A. Klyucheveye kompetentnosti kak rezul'tativno-tselevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii [Key competencies as a result-target basis of the competency-based approach in education]. Moscow, 2004.]

Капитонова, Московкин, Шукин, 2018 – Капитонова Т.И., Московкин Л.В., Шукин А.Н. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / Под ред. А.Н. Шукина. 4-е изд., стереотип. М., 2018. [Kapitonova T.I., Moskovkin L.V., Shchukin A.N. Metody i tekhnologii obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [Methods and technologies for teaching Russian as a foreign language]. A.N. Shchukin (ed.). Moscow, 2018.]

Климентенко, Миролюбов, 1977 – Климентенко А.Д., Миролюбов А.А. Вопросы методов обучения иностранным языкам // Советская педагогика. 1977. № 8. С. 34–35. [Klimentenko A.D., Miroyubov A.A. Questions of methods of teaching foreign languages. *Sovetskaya pedagogika*. 1977. No. 8. Pp. 34–35. (In Rus.)]

Коваленко, Соколова, Маматова, 2018 – Коваленко В.И., Соколова О.А., Маматова С.И. Методика и технология интерактивного обучения: проблема классификации и сущности отличий // Наука, искусство, культура. 2018. № 3 (19). С. 135–150. [Kovalenko V.I., Sokolova O.A., Mamatova S.I. Methods and technologies for teaching Russian as a foreign language. *Nauka, iskusstvo, kultura*. 2018. No. 3 (19). Pp. 135–150. (In Rus.)]

Краевский, 1974 – Краевский В.В. О влиянии педагогических факторов на эволюцию методов обучения иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 1974. № 8. С. 15. [Kraevskii V.V. On the influence of pedagogical factors on the evolution of methods of teaching foreign languages. *Inostrannyye yazyki v shkole*. 1974. No. 8. Pp. 15. (In Rus.)]

Кукушин, 2004 – Педагогические технологии: Учеб. пособие для студентов пед. специальностей / М.В. Буланова-Топоркова, А.В. Духавнева, В.С. Кукушин, Г.В. Сучков; Под общ. ред. В.С. Кукушина. 2-е изд., испр. и доп. М.; Ростов-н/Д., 2004. [Bulanova-Toporkova M.V., Dukhavneva A.V., Kukushin V.S., Suchkov G.V. Pedagogicheskie tekhnologii [Pedagogical technologies]. V.S. Kuku-shin (ed.). Moscow; Rostov-on-Don, 2004.]

Лернер, 1976 – Лернер И.Я. Дидактическая система методов обучения. М., 1976. [Lerner I.Ya. Didakticheskaya sistema metodov obucheniya [Didactic system of teaching methods]. Moscow, 1976.]

Литова, 2019 – Литова З.А. Сущность понятия «технология» на современном этапе // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 2 (50). Т. 1. С. 164–172. [Litova Z.A. The essence of the concept of “technology” at the present stage. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019. No. 2 (50). Part 1. Pp. 164–172. (In Rus.)]

Ляховицкий, 1982 – Ляховицкий М.В. Методика преподавания иностранных языков. М., 1982. [Lyakhovitskii M.V. Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov [Methods of teaching foreign languages]. Moscow, 1982.]

Миролюбов, 2010 – Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность / Под ред. А.А. Миролюбова. Обнинск, 2010. [Metodika obucheniya inostrannym yazykam: traditsii i sovremennost [Methods of teaching foreign languages: Traditions and modernity]. A.A. Miroyubov (ed.). Obninsk, 2010.]

Мишланова, Заседателева, 2016 – Мишланова С.Л., Заседателева М.Г. Формирование коммуникативной компетенции при системно-деятельностном подходе // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. № 2. С. 76–91. [Mishlanova S.L., Zasedateleva M.G. Formation of communicative competence with a system-activity approach. *Vestnik PNIPIU. Problemy yazykoznan-ya i pedagogiki*. 2016. No. 2. Pp. 76–91. (In Rus.)]

Московкин, 2020 – Московкин Л.В. Развитие представлений о методе обучения в дидактике и лингводидактике // Русистика. 2020. Т. 18. № 3. С. 295–314. [Moskovkin L.V. Development of ideas about the teaching method in didactics and linguodidactics. *Rusistika*. 2020. Vol. 18. No. 3. Pp. 295–314. (In Rus.)]

Назарова, Мохова, 2016 – Назарова Н.Б., Мохова О.Л. Новые информационные технологии в обучении иностранным языкам // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24564> (дата обращения: 07.04.2021). [Nazarova N.B., Mikhova O.L. New information technologies in teaching foreign languages. *Modern Problems of Science and Education*. 2016. No. 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24564> (In Rus.)]

Пассов, 2009 – Пассов Е.И. Терминосистема методики, или Как мы говорим и пишем. СПб., 2009. [Passov E.I. Terminosistema metodiki, ili Kak my govorim i pishem [Terminology of methodology, or How we speak and write]. St. Petersburg, 2009.]

Пидкасистый, 2016 – Педагогика: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. П.И. Пидкасистого. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2016. [Pedagogika: Uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata [Pedagogy: Textbook and workshop for academic baccalaureate]. P.I. Pidkasisy (ed.). Moscow, 2016.]

Подласый, 2004 – Подласый И.П. Педагогика: 100 вопросов – 100 ответов: Учеб. пособие для вузов. М., 2004. [Podlasyi I.P. Pedagogika: 100 voprosov – 100 otvetov [Pedagogy: 100 questions – 100 answers]. Moscow, 2004.]

Раушенбах, 2021 – Раушенбах В.Э. Краткий обзор основных методов преподавания иностранных языков с I по XX век. Изд-е 2-е, стереотип. М., 2021. [Raushebakh V.E. Kratkii obzor osnovnykh metodov prepodavaniya inostrannykh yazykov s I po XX vek [Brief overview of the main methods of teaching foreign languages from the 1st to the 20th century]. Moscow, 2021.]

Садовская, 2007 – Садовская И.Л. Методы обучения: новая концепция // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2007. № 1. С. 56–61. [Sadovskaya I.L. Teaching methods: A new concept. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*. 2007. No. 1. Pp. 56–61. (In Rus.)]

СЭС, 1987 – Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. М., 1987. [Sovetskij enciklopedicheskij slovar [Soviet encyclopedic dictionary]. A.M. Prohorov (ed.). Moscow, 1987.]

Харламов, 2003 – Харламов И.Ф. Педагогика: Учебное пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2003. [Harlamov I.F. Pedagogika [Pedagogy]. Moscow, 2003.]

Шемякина, 2018 – Шемякина Е.А. Системно-деятельностный подход в обучении иностранному языку // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики / Под ред. А.И. Фефилова. Ульяновск, 2018. С. 77–79. [Shemyakina E.A. System-activity approach in teaching a foreign language. *Uchenye zapiski Ulyanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Aktualnye problemy teorii yazyka i lingvodidaktiki*. A.I. Fefilov (ed.). Ulyanovsk, 2018. Pp. 77–79. (In Rus.)]

Щепкина, 2016 – Щепкина Н.К. Педагогические технологии в образовании: Учеб. пособие. Изд. 2-е, доп. и перераб. Благовещенск, 2016. [Shchepkina N.K. Pedagogicheskie tekhnologii v obrazovanii [Pedagogical technologies in education]. Blagoveshchensk, 2016.]

Шукин, 2016 – Шукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие. 5-е изд., испр. М., 2018. [Shchukin A.N. Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo [Methods of teaching Russian as a foreign language]. Moscow, 2018.]

Kamhuber, 2010 – Kamhuber P. Comparison of Grammar in Austrian and Spanish English Language. Teaching Textbooks. Wien, 2010.

Brown, 1987 – Brown H.D. Principles of language learning and teaching. Englewood Cliffs, 1987.

Kumaravadivelu, 1994 – Kumaravadivelu B. The Postmethod Condition: (E) merging Strategies for Second/Foreign Language Teaching. *TESOL Quarterly*. 1994. Vol. 28. No. 1. Pp. 27–48.

Richards, Rodgers, 1986 – Richards J.C., Rodgers T.S. Approaches and methods in language teaching: A description and analysis. Cambridge, 1986.

Статья поступила в редакцию 15.09.2021
The article was received on 15.09.2021

Об авторах / About the authors

Мозелова Ирина Владимировна – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета, Российский университет дружбы народов, г. Москва

Irina V. Mozelova – PhD-student at the Department of the Russian Language and Methods of its Teaching of the Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

E-mail: irina.mozelova@gmail.com

Микова Светлана Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета, Российский университет дружбы народов, г. Москва

Svetlana S. Mikova – PhD in Philology; Assistant Professor at the Department of the Russian Language and Methods of its Teaching of the Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3874-7110>

E-mail: mikova_ss@pfur.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

Д.В. Мосова¹, Н.П. Дмитренко², О.Н. Колчина³

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова,
603115 г. Нижний Новгород, Российская Федерация

² Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина,
603005 г. Нижний Новгород, Российская Федерация

³ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
603155 г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Коммуникативные задания на занятиях по русскому речевому этикету для иностранных студентов

Статья посвящена разработке коммуникативных заданий по русско-м речевому этикету для иноязычных студентов, владеющих русским языком на уровне В1–В2. Знакомство с этикетными формулами русского языка позволяет иностранным студентам успешно реализовать свои коммуникативные намерения в разных ситуациях общения. Это определяет востребованность коммуникативного подхода в обучении русскому языку как иностранному. Практическая направленность заданий, приближенность учебных ситуаций к условиям реального речевого общения на занятиях по русскому языку как иностранному способствуют интенсификации процесса обучения: культивированию стабильной мотивации, преодолению коммуникативного барьера, развитию основных видов речевой деятельности, последовательному расширению словаря этикетных формул разной стилистической окраски, обогащению знаниями о стране изучаемого языка, усвоению навыков национального коммуникативного поведения.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, коммуникативный подход, русский речевой этикет, национальное коммуникативное поведение

© Мосова Д.В., Дмитренко Н.П., Колчина О.Н., 2022



Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мосова Д.В., Дмитренко Н.П., Колчина О.Н. Коммуникативные задания на занятиях по русскому речевому этикету для иностранных студентов // Рема. Rhema. 2022. № 1. С. 109–121. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-109-121

DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-109-121

D.V. Mosova¹, N.P. Dmitrenko², O.N. Kolchina³

¹ Linguistics University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, 603115, Russian Federation

² Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation

³ HSE University,
Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation

Communication tasks in Russian speech etiquette classes for international students

The article is devoted to the development of communicative tasks on Russian speech etiquette for foreign students who possess Russian language competence at B1–B2 level. Acquiring etiquette formulas of the Russian language foreign students successfully realize their communicative intentions in different situations; this fact determines the demand for a communicative approach in teaching Russian as a foreign language. Practical approach in education, real life situations contribute to the intensification of the learning process: stable motivation, lack of communication barrier, mastering main types of speech activity, expansion of the vocabulary of etiquette formulas, enrichment of knowledge about the country of the target language, mastering the skills of national communicative behavior.

Key words: Russian as a foreign language, national communicative behavior, communicative approach in teaching, Russian speech etiquette

FOR CITATION: Mosova D.V., Dmitrenko N.P., Kolchina O.N. Communication tasks in Russian speech etiquette classes for international students. *Rhema*. 2022. No. 1. Pp. 109–121. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2022-1-109-121

Необходимость освоения русского речевого этикета иноязычными студентами связана с тем, что в этикетных формулах отражается менталитет носителя языка: это ключ к правилам общения на русском языке, к нормам поведения в российском обществе. В.Ю. Меликян обуславливает повышенный интерес лингвистов к этикетным ресурсам языка тем, что они «определяют самобытность языка» [Меликян, 2012, с. 57]. Речевой этикет становится неотъемлемой частью более объемного курса о русском коммуникативном поведении, где слушатели знакомятся со спецификой русского общения (вербального и невербального), выстраивая модель русского коммуникативного поведения, основанную на низкой ориентации на собеседника, допустимости перебивать или демонстрировать отсутствие интереса к теме, коммуникативном пессимизме, приоритете общения по душам перед светским – официальным – общением¹.

Помимо культурной составляющей, «закодированной» в формулах приветствия, прощания, обращения к знакомому или незнакомому, приглашения, извинения², высказывания своей точки зрения, знание речевого этикета позволяет легко реализовать свои коммуникативные намерения в различных ситуациях общения (от бытовой до официально-деловой), позволяет избежать коммуникативных неудач и культурного шока. Речевые формулы устойчивы, стандартны, их не нужно конструировать заново, однако они ситуативно обусловлены: при выборе подходящей формулы говорящий руководствуется социальными статусами коммуникантов в конкретной ситуации общения³. Ситуативная обусловленность этикетных формул делает коммуникативный подход при обучении иностранных студентов наиболее востребованным.

Выполняя коммуникативные упражнения, учащийся имеет достаточную свободу при выборе содержания высказывания и средств реализации. Обсуждение жизненных ситуаций повышает интерес к обучению, что способствует качественному освоению материала.

Вышеназванные факты обуславливают важность разработок коммуникативных заданий для занятий по русскому речевому этикету с иноязычными студентами при обучении русскому языку как иностранному (РКИ). Л.В. Аладышкина подчеркивает, что «на данном этапе развития методики РКИ весьма актуальна проблема разработки современной дидактической модели обучения речевому общению иностранных учащихся, обеспечивающей деятельностный и коммуникативный характер образовательного процесса» [Аладышкина, 2017, с. 18]. Исследователь обращает внимание на особое значение учебного пособия, которое

¹ О модели русского коммуникативного поведения и русском речевом этикете подробно см. [Стернин, 1996; Прохоров, Стернин, 2006].

² Подробные практические разработки по данным темам см. [Максимова, 2006].

³ Об этом подробнее см. [Формановская, 2005].

позволит организовать учебный процесс «в коммуникативно-интерактивном режиме» [Аладьшкина, 2017, с. 18]. О принципе интерактивности как базовой составляющей концепции современного учебника по РКИ говорит и Р.М. Теремова в работе «Интерактивно-коммуникативная составляющая учебника по русскому языку как иностранному и ее реализация в учебном процессе» [Теремова, 2013, с. 96].

Цель данной работы – продемонстрировать использование коммуникативного подхода при обучении РКИ на примере заданий по русскому речевому этикету.

Дисциплина «Русский речевой этикет» преподается в рамках магистерской программы, где иноязычные студенты, посещающие занятия наряду с магистрантами, учатся по системе «включенного обучения». Этим обусловлена некоторая специфика организации занятий по дисциплине. Магистранты, носители языка, осваивающие специальность РКИ, работают с иноязычными студентами по принципу «тандема»: они контролируют работу иностранных слушателей, выступая на занятии в качестве ассистента-собеседника. Такая система работы позволяет добиться следующего:

- снять психологический и коммуникативный барьеры: общение происходит в парах или небольших группах людей одного возраста, схожих интересов;
- повысить мотивацию к обучению: индивидуальная работа дает возможность придать обучению свой персональный «оттенок» (выбор комфортного темпа, возможные вариации темы в зависимости от интересов обучающихся);
- реализовать 100% коммуникативную направленность урока, т.к. увеличивается объем речевой деятельности обучающихся.

Задания по русскому речевому этикету, предложенные в данной работе, ориентированы на иностранных студентов языкового уровня В2. Этим обусловлен выбор тем для урока: впечатления, степень уверенности говорящего, согласие-несогласие-сомнение, высказывание своей точки зрения. Однако методические разработки по курсу универсальны и могут быть использованы в любой аудитории; предложенные задания также могут быть адаптированы к традиционной форме работы (преподаватель – студенты).

Участие в учебном процессе студентов из разных стран позволяет сопоставлять особенности коммуникативного поведения и речевого этикета разных культурных традиций. Мультиязыковая среда сводит к минимуму использование родного языка обучаемого. Таким образом именно изучаемый – русский – язык объединяет всех в учебной аудитории. Материалы занятий разработаны с учетом историко-культурных особенностей развития российского общества, специфики русского

коммуникативного поведения. Алгоритм работы по освоению русского речевого этикета и правил национального коммуникативного поведения может меняться в зависимости от обсуждаемой темы, однако он не противоречит логике традиционного урока по РКИ.

1. Вступительная беседа (организационный момент), способствующая преодолению коммуникативного барьера, погружению в тему. Знакомство с особенностями русского коммуникативного поведения начинается с первых минут урока, когда преподаватель приветствует студентов, знакомится с ними, благодарит, что пришли вовремя, извиняется за опоздание, просит кого-то открыть дверь или закрыть окно и высказывает свое мнение на дискуссионный вопрос, призванный ввести обучающихся в курс дела.

2. Семантизация нового материала. При отборе лексического материала, отвечающего темам урока для заявленного уровня, учитывается разная стилистическая окраска речевых формул: разговорные (жаргонные), нейтральные, официально-деловые – для успешной реализации в разных коммуникативных ситуациях. На занятиях студентам предлагается самим определить стилистическую принадлежность формул, исходя из контекста. Как правило, речевые формулы представлены в диалоге, что позволяет без труда оценить ситуацию общения. При необходимости русские собеседники приводят контекст использования, где социальные статусы участников коммуникации и сама ситуация общения становятся очевидными.

3. Отработка нового материала в различных коммуникативных ситуациях. Порядок предъявляемых студентам заданий должен соответствовать важному методическому правилу: от простого к сложному. Отработка нового материала по речевому этикету может начинаться с замены ошибочно использованных неформальных формул в диалоге – на формальные, более соответствующие ситуации; с подстановки стилистически корректных формул приветствия/прощания/извинения и т.д. в диалоги «с пропусками».

От парной работы обучающегося с ассистентом-носителем языка, где «помощник» координирует темп работы, комментирует страноведческий материал («семейный альбом», «немое кино», ситуации для диалогов), студенты переходят к групповой работе. Она характеризуется необходимостью реагировать на большее количество собеседников (что создает дополнительную сложность), большим охватом тем для дискуссии (ролевые игры «Подготовка к празднику», «В театре»).

В данной работе представлены некоторые коммуникативные задания по таким темам русского речевого этикета, как «Согласие-несогласие-сомнение», «Степень уверенности говорящего», «Впечатления». Для приближения процесса обучения к условиям естественного общения

уместно использовать игровые задания, позволяющие максимально погрузиться в ситуацию общения.

После семантизации речевых формул по теме «Согласие-несогласие-сомнение» иностранным студентам предлагается принять участие в ток-шоу «Как хорошо вы знаете русских?!», где нужно согласиться или усомниться в правильности предложенных высказываний о русской культуре. При этом разговор начинает преподаватель. Задача студентов использовать официально-деловые формулы речевого этикета: *я вполне согласен с Вами, не могу с Вами не согласиться, я иного мнения*. При переходе на парную работу обучающиеся отдают предпочтение разговорно-окрашенной лексике: *а как же! само собой! нет и нет! да ну?*.

Ниже представлены некоторые примеры высказываний, стимулирующих дискуссию. Тезисы могут быть сформулированы с учетом пройденных тем: так будет решена проблема лексико-грамматических сложностей.

1. *Русским не нравится светское общение, они предпочитают общаться на «ты». Особенно в плацкартных вагонах.*

2. *Русские любят задавать собеседнику личные вопросы о семейном положении, зарплате, возрасте, условиях жилья, религиозных воззрениях.*

3. *Русские не любят ходить в гости или приглашать друзей без важного повода: они накрывают стол только для семьи.*

4. *Русские всегда критикуют погоду, дороги в стране, правительство, а русская хозяйка может критиковать даже то, что сама приготовила: «суп не досолила», «мясо пережарила».*

5. *На Новый год русские всегда готовят селедку под шубой и пельмени.*

После расширения знаний о русской культуре иностранные слушатели составляют несколько дискуссионных утверждений о своей культуре. Перенимая инициативу ведения беседы, иноязычные студенты продолжают тренировать необходимые этикетные формулы, практикуя навыки говорения и аудирования.

В общей беседе о правдивости или сомнительности высказанных утверждений русские студенты дают образец использования речевых формул, примеры новой лексики, значение которой очевидно с учетом ситуации и невербальных средств коммуникации (жесты, мимика). При традиционной форме работы эту функцию выполняет преподаватель.

Игровые задания повышают интерес студентов к изучаемому материалу, позволяют раскрыть их творческий потенциал, «ненавязчиво» закрепить новый материал в реальных ситуациях общения.

Так, на занятии по теме «Согласие-несогласие-сомнение» студенты принимают участие в игре «Немое кино». Задание сформулировано следующим образом:

Вы с друзьями смотрите интересный фильм, но внезапно пропадает звук. Вы «озвучиваете» фильм самостоятельно, пытаетесь угадать, что происходит: кто эти люди, что они делают. Ваши друзья любят поспорить и часто с вами не согласны.

Важно, что формулировки заданий представлены в разговорной стилистике, т.к. это способствует созданию иллюзии естественного общения в рамках учебного процесса.

Выбор отрывка фильма для демонстрации («Дом солнца», реж. Гарик Сукачёв, 2010; тайм-код 42.30–43.30) определялся сложностью культурных аллюзий (*посидеть на дорожку, перекрестить перед дорогой*), связанных с русскими традициями. Незнакомый страноведческий материал стал поводом для активной дискуссии, для возникновения разных домыслов, в которых можно усомниться. Аутентичные материалы (оригинальные фильмы / театральные постановки, песни, меню в ресторане) приближают процесс обучения к жизни, повышают мотивацию к высказыванию своего мнения или удовлетворению любопытства по поводу национально-окрашенных реалий.

Такой диалог продемонстрировали студенты:

- *Мне кажется, родители ссорятся, а дочка пытается их помирить.*
- *Боюсь, что так и есть. Наверно, он потерял сумку для работы.*
- *Трудно сказать! Сомневаюсь... Думаю, он хочет уйти из семьи.*
- *Вряд ли! У них такая красивая дочь. Но, может быть, она плохо учится...*
- *Маловероятно! Она едет куда-то. Вероятно, будет жить одна в другой квартире.*
- *В этом ты как раз и не прав! Она так молода.*

Проблемность выбранного видеофрагмента (взаимоотношения в семье, отношение к религии в советском государстве) становится дополнительным стимулом к развитию речевых навыков и к формированию социокультурной компетенции.

Практическая ориентированность занятий делает логичным тренировку речевых формул в разных коммуникативных ситуациях, максимально приближенных к жизни. Так, при освоении темы «Согласие-несогласие-сомнение» студентам предлагается решить следующие жизненные проблемы:

1. *В магазине продавец хвалит костюм, рассказывая о его достоинствах. Делает комплимент вашей фигуре, тому, как вам подходит цвет. Вы сомневаетесь.*

2. Муж и жена выбирают страну для отдыха. Муж предлагает *N.* и рассуждает о погоде, кухне, достопримечательностях. Жена сомневается.

3. Вы в ресторане с иностранными коллегами. Вам нужно произвести хорошее впечатление на деловых партнеров. Официант старается вам помочь, советуя закуски, напитки. Вы сомневаетесь.

4. В книжном магазине вы выбираете подарок для своих родителей. Ассистент старается вам подсказать, но ваши вкусы слишком различны. Вы запутались.

5. Вы ждете гостей и планируете большое застолье. Ваши домочадцы советуют, что приготовить, чтобы и вегетарианцы и мясоеды остались довольны.

Завершением урока по теме «Согласие-несогласие-сомнение» может стать ролевая игра «Подготовка к празднику». Задание сформулировано так:

Вы организуете вечеринку. Чем занять друзей/коллег? Какую музыку выбрать? Костюмы? Закуски? Ваши друзья/коллеги стараются вам помочь, но у всех очень разные вкусы.

Из формулировки задания следует, что ситуации – а также применяемые в них формулы речевого этикета – могут варьироваться: от дружеской вечеринки до делового корпоратива. Каждый участник коммуникации получает свою роль:

1. *Вы рок-музыкант: вы играете на гитаре и с детства слушаете только такую музыку. Вы убеждены, что именно тяжелый рок украсит вечеринку. Расскажите почему. Убедите друзей.*

2. *Вы 8 лет учились в музыкальной школе и слушаете только классику. Убедите друзей, что именно классическая музыка создаст праздничную атмосферу.*

3. *Вы вегетарианец. Расскажите о пользе свежих овощей на праздничном столе.*

4. *Вы любите русские застолья с селедкой под шубой, оливье и пельменями. Убедите друзей, что только так можно продемонстрировать русское гостеприимство.*

5. *В свободное время вы занимаетесь дизайном одежды. У вас возникла идея провести костюмированную вечеринку. Не всем гостям хочется перевоплощаться в сказочных героев, но вы не сдаётесь. Убедите друзей.*

Во время игры участники обращаются к разным темам (еда, одежда, свободное время, работа), активизируют знания, полученные на предыдущих занятиях по русскому речевому этикету, например, этикетные формулы, связанные со степенью уверенности говорящего: *я убежден, мне кажется, несомненно* и другие. Ситуация «праздника» способствует снятию напряжения и преодолению коммуникативного барьера.

При изучении темы «Впечатления» студентам предлагаются карточки с разными типичными ситуациями: поход в музей, поездка в другой город на выходные, изучение местных достопримечательностей, знакомство с национальной кухней, обсуждение любимых книг. Иллюстрации, сопровождающие тему для дискуссии, способствуют полному погружению в ситуацию общения. Более того, иллюстрации связаны с русской культурой: так, в процессе высказывания своих впечатлений (*нет слов! вполне! не то, чтобы очень, но ничего..., ерунда! музей как музей...*) от увиденного/прочитанного/съеденного иностранные студенты получают дополнительную информацию о России от русских студентов. Ситуации сформулированы следующим образом:

1. *Вы проводите выходной в Третьяковской галерее. Обсудите картины, которые вы видите. («Черный квадрат» К. Малевича, «Три богатыря» В. Васнецова, «Грачи прилетели» А. Саврасова).*
2. *Вы зашли в ресторан, чтобы познакомиться с русской кухней. Обсудите блюда, которые вы попробовали (блины, борщи, пельмени).*
3. *Вы только что прогулялись по Нижнему Новгороду с друзьями. Какие достопримечательности вам понравились? (Нижегородская канатная дорога, Кремль, Покровка, Чкаловская лестница)*
4. *Вы организовали поездку на выходные с друзьями. Обсудите места, которые вы увидели. (Суздаль, Казань, Москва).*
5. *Вы рассказываете о книгах, которые недавно прочитали. Дайте им оценку. («Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Война и мир» Л. Толстого, «Вишневый сад» А. Чехова)*

Дальнейшее закрепление речевых формул по теме «Впечатления» осуществляется во время ролевой игры «В театре». После просмотра видеоотрывка рок-оперы «Юнона и Авось» (театр «Ленком», реж. М. Захаров, в главных ролях Н. Караченцов и А. Большова) каждому посетителю театра предлагается высказать свое мнение об игре актеров, декорациях, костюмах, музыке, работе режиссера. У каждого участника своя роль, мотивирующая использовать более или менее официальные формулы речевого этикета:

1. *Вы большой фанат актрисы, которая исполняет главную роль. Вы пришли с цветами. Вы благодарный зритель: вам нравится всё.*
2. *Вы театральный критик. К тому же вы в ссоре с режиссером спектакля. Расскажите, что вам нравится, а что не нравится.*
3. *Вы не любите интеллектуальный отдых. Театр – это не ваше. Вы предпочитаете смотреть футбол. Вам скучно! Раскритикуйте спектакль.*
4. *Вы режиссер этого спектакля. На сцене опытные актеры. Скажите, что получилось хорошо, а что плохо.*
5. *Вы известный политик. Вы хотите, чтобы люди считали вас умным, образованным. Поэтому вы в театре. Вы всем говорите комплименты.*

Поход в музей, в театр, изучение достопримечательностей и дегустация местной кухни – типичные ситуации, с которыми сталкивается каждый. Коммуникативная направленность учебного процесса позволит иноязычным учащимся продемонстрировать корректное поведение в схожих ситуациях реальной коммуникации с носителями языка.

При обсуждении темы «Степень уверенности говорящего» студентам предлагается восстановить историю семьи по нескольким фотографиям из фотоальбома. Так, можно назвать это задание «Семейный альбом». Ниже представлен примерный диалог участников:

- *Я знаю этих людей на фото: это моя теть Светлана и, вероятно, ее племянники.*
- *Очевидно, она хорошая хозяйка. Если мне не изменяет память, она работает в кондитерской.*
- *Да, возможно. Компания, несомненно, готовится к Новому году.*

Выбор фотографий для дискуссии может зависеть от пройденных/актуальных тем, иллюстрации могут быть насыщены новой историко-культурной информацией, дополнительно расширяющей знания иноязычных студентов о стране изучаемого языка. Как показывает опыт, история, изображенная на фотографии, не ограничивает студентов, а, наоборот, становится стимулом к бесконечным дискуссиям. Работа с «семейным альбомом» может проводиться как в парах, так и в группах.

В конце занятия по теме «Степень уверенности говорящего» студенты получают различные ситуации, приближенные к жизненным, и пробуют себя в новых ролях.

1. *Вы детектив. Вы знакомитесь с одним из подозреваемых в преступлении. Вы стараетесь осторожно выяснить нужную информацию.*

2. Вы преподаватель. Вы хотите, чтобы студент получил отличную оценку. На экзамене вы осторожно намекаете ему, о чем нужно говорить, направляете его необходимыми вопросами.
3. Муж Вашей подруги обиделся на жену. Она не знает причину. Вы предлагаете возможные варианты, чтобы разобраться.
4. Семья планирует выходные. Муж предпочитает интеллектуальный отдых, жена уверена, что этот вариант не понравится их детям. Она пытается переубедить его, предлагая другие варианты.
5. Вы уже встречались на научной конференции, где каждый делал доклад на литературоведческую тему. Сейчас вы встретились в баре. Вы начинаете общение, пытаетесь вспомнить информацию друг о друге.

Ситуации могут стать стимулом для монологического высказывания, для парной – диалогической – работы, для полилога.

Изучая язык в реальных ситуациях общения, иноязычные студенты демонстрируют высокие результаты в освоении основных видов речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение), перестают бояться инициировать общение с носителями языка в условиях аудиторной работы и в реальной коммуникации, расширяют свои знания о культуре страны и нормах общения в русском обществе.

В результате апробации предложенных практических заданий стало очевидно, что доминирование коммуникативного подхода при обучении русскому языку как иностранному ведет к интенсификации процесса обучения: культивированию стабильной мотивации, преодолению коммуникативного барьера, развитию основных видов речевой деятельности, последовательному расширению словаря этикетных формул разной стилистической окраски, необходимым для решения конкретных коммуникативных задач, обогащению общекультурными знаниями и специфическими знаниями о стране изучаемого языка, усвоению навыков национального коммуникативного поведения.

Библиографический список / References

Аладышкина, 2017 – Аладышкина Л.В. Коммуникативно-интерактивное обучение на занятиях по русскому языку как иностранному // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 6-2. С. 17–21. [Aladyshkina L.V. Communicative-interactive teaching of the Russian as a foreign language. *Modern Studies of Social Issues*. 2017. Vol. 8. No. 6-2. Pp. 17–21. (In Rus.)]

Максимова, 2006 – Максимова А.Л. 10 уроков русского речевого этикета. 3-е изд. СПб., 2006. [Maksimova A.L. 10 urokov russkogo rechevogo etiketa [10 lessons on Russian speech etiquette]. St. Petersburg, 2006.]

Меликян, 2012 – Меликян В.Ю. Этикетные коммуникемы в системе русского языка // Русский язык за рубежом. 2012. № 6. С. 57–62. [Melikjan V.Yu. Etiquette communicative formulas in the Russian language system. *Russian Language Abroad*. 2012. No. 6. Pp. 57–62. (In Rus.)]

Прохоров, 2006 – Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. М., 2006. [Prohorov J.E., Sternin I.A. Russkie: kommunikativnoe povedenie [Russians: Communicative behavior]. Moscow, 2006.]

Стернин, 1996 – Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж, 1996. [Sternin I.A. Russkiy rechevoy etiket [Russian speech etiquette]. Voronezh, 1996.]

Теремова, 2013 – Теремова Р.М. Интерактивно-коммуникативная составляющая учебника по русскому языку как иностранному и ее реализация в учебном процессе // Мир русского слова. 2013. № 2. С. 96–100. [Teremova R.M. Interactive and communicative component of the textbook on Russian as a foreign language and its implementation in the educational process. *Mir russkogo slova*. 2013. No. 2. Pp. 96–100. (In Rus.)]

Формановская, 2005 – Формановская Н.И. Культура общения и речевой этикет. 2-е изд. М., 2005. [Phormanovskaya N.I. Kultura obshcheniya i rechevoy etiket [The culture of communication and speech etiquette]. Moscow, 2005.]

Статья поступила в редакцию 12.10.2020

The article was received on 12.10.2020

Об авторах / About the authors

Мосова Диана Владимировна – кандидат филологических наук; старший преподаватель кафедры литературы народов мира и межкультурной коммуникации Высшей школы лингвистики, педагогики и психологии, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

Diana V. Mosova – PhD in Philology; Senior Lecturer at the Department of Literature of the Peoples of the World and Intercultural Communication of the Higher School of Linguistics, Pedagogy and Psychology, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

E-mail: diana.mosova@mail.ru

Дмитренко Наталия Пятрасовна – кандидат филологических наук; доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

Natalia P. Dmitrenko – PhD in Philology; Professor at the Department of Foreign Language Professional Communication, Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6675-7968>

E-mail: nat-dm@yandex.ru

Колчина Ольга Николаевна – кандидат филологических наук; пдоцент департамента социальных наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород

Olga N. Kolchina – PhD in Philology; Professor at the Department of Social Sciences of the Faculty of Humanities, HSE University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5206-5103>

E-mail: okolchina@hse.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

Rhema. Рема

2022.1

Сайт журнала: rhema-journal.com

E-mail: rhema.pema@gmail.com

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 29.03.2022 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 7,625 п. л. Тираж 1000 экз.